

№ 8
2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ**
(г. Уральск), **В. Г. КОЧЕНОВ** (г. Астана), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**
(г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(первый зам. главного редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДЖО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

Б. Леонов. Лирическая воля.....	3
Г. Гоц. Целинный эшелон. <i>Поэма</i>	5
Р. Артемьева. «Не покидай меня, любовь...». <i>Стихи</i>	31
Л. Усова. «Звезда полынная степей...». <i>Стихи</i>	132
М. Тыцких. «Безмолвна вечность, но звучат мгновенья...». <i>Стихи</i>	149
Н. Немцева. «Подари мне блаженный июль...». <i>Стихи</i>	205

Проза

И. Харламов. Одолень-трава. <i>Рассказ</i>	15
---	-----------

© «Нива», 2007, Астана

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени (*продолжение*) 35

Наш общий дом

Е. Гилёв. «Арман» — воплощение мечты 141

Т. Гилёва. Стремление к идеалу 144

Н. Мирошниченко. Формирование личности 145

Культура. Общество. Личность

И. Шухов. Послесловие к юбилею 156

Л. Шашкова. Единство сознания и духовности 177

Искусство

В. Чередник. Объектив плюс творчество 188

В семейном кругу

А. Тараков. «Свинская» история 191

Изоальбом «Нивы»: из работ Рашида Миниханова. На первой странице обложки — «Грация валун-камней», на четвёртой — «Всё здесь в согласии божественном блистает».

Лирическая воля

Есть поэты, по стихам которых при всём желании невозможно восстановить какие-то важные и значимые в их судьбе события и происшествия. Есть и другие, творчество которых прямо или косвенно соответствует их жизненному пути. Лирическая воля их в наиболее удачных стихах соответствует реальной, биографической воле, вынесенной из прожитого и пережитого. К этой, второй категории стихотворцев, относится Геннадий Гоц, что было заявлено уже в первых его сборниках “С холмов Крылатского”, “Озёра памяти” и вновь подтверждено книгой стихов “Вечен хлеб”, вышедшей в издательстве “Русский импульс” в 2007 году. Верность высказанных суждений об особенностях лирики поэта подтверждают очерки, коими открывается новая книга. В них выявлены опорные жизненные вехи, формировавшие Геннадия Гоца как человека, гражданина. Органично связанного с судьбой своего поколения — мальчишек тридцатых годов. В трудовых буднях военных лет складывалась биография его души. Та самая, что и стала его поэтическим миром. Об этом он откровенно рассказал в эссе “Помнит мир спасённый” и “Гагаринская весна целины”.

Думаю, не случайно ими открывается книга “Вечен хлеб”: ведь наиболее достоверный облик писателя складывается тогда, когда мы знаем не только с его художественными произведениями, но и с публицистикой, с его прямыми высказываниями о жизни, о литературе. Кстати, этими высказываниями порой определяется и собственная творческая программа.

Помимо очерков в книге два цикла стихов “Под звёздной россыпью”, “Пахари” и поэмы “Целинный эшелон” и “Нам время выпало одно”.

Я знаю прежние книги Геннадия Гоца. Каждая имеет свою особенность. И в то же время их объединяет лирическая воля поэта, в которой органично соединились чувство восхищения красотой окружающего мира и причастность к созидательному труду земляков, соотечественников.

И чувства эти в своём единстве всё более и более откровенно выявляются в последних его стихах, вбирая в себя сокровенную обиду за то, как обращаются нынешние “хозяева” жизни с общенародным достоянием — нашей природой. Убеждён, сердце человека, любящего свою землю, переживающего за её будущее, не может не откликнуться на эти строки, завершающие триптих “Как дар судьбы”:

*Тревожно мне,
Как будто я в ответе,
Чтоб наш Байкал
В грядущие века
Не стал ковшом
На выжженной планете
С водою для последнего глотка.*

Не оставляют равнодушным слова боли, какой пронизано стихотворение “Продаётся земля”, потому что оно продиктовано неприятием происходящего на наших глазах процесса растаскивания, расхватывания, растраниживания земных богатств и прежде всего самой земли, за которую сражались многие поколения русских людей, включая и тех старших братьев и сестёр, каких мальчишкой с завистью провожал на фронт поэт. Среди них были и те, чьи имена не остывают в памяти народной.

*Дорога — летописная строка,
Ты, верно, след горячий сохранила,
Когда босая девочка*

В века

С петлёй на шее гордо уходила!

*Смоленский древний край... Среди лесов
Овеянные русской песней сёла.
Один из лучших из твоих сынов
Рванулся к звёздам, юноша весёлый.*

*Как будто потеплело на Земле,
И стал он людям всей планеты близким.
Бегут, бегут дороги средь полей —
Морщинки на лице на материнском.*

(“Дороги России”)

И как после такого эмоционального соприкосновения с великим и вечным можно пережить встречу с призывно завлекающими рекламными цитами: “Продаётся земля!” ? Так и названо стихотворение, завершающееся горькими словами:

*Наш автобус в потоке: то едем, то нет.
Скоро город — за пробкою пробка.
Мы зажаты в проходе.
В затылок сосед
То ли злобно бубнит, то ли робко:
Мы с отцом здесь пахали..
И как понимать,
Людям что, не нужны ни овёс, ни пшеница?
Продаётся земля!*

... твою мать!

... твою мать!

Это ж родина! Наша земляца...

Словом, в национальной нашей жизни поэта интересуют глубинные, судьбоносные процессы, что и позволяет выделить в его творчестве естественную гражданственность, в основе которой причастность к высоким нравственным основам народного бытия и к великому наследию русской литературы, о чём и сказано в поэме “Нам время выпало одно”. Главным уроком общения с классикой стало для поэта понимание: коль родная земля дала тебе слово, то его следует наполнять чувствами и мыслями, выстраданными историей своего народа. И они звучат в лучших стихах новой книги Геннадия Гоца.

Бор. ЛЕОНОВ,
доктор филологических наук, профессор.
Москва.

Геннадий ГОЦ

Целинный эшелон

Поэма

*Обещаю так же упорно осваивать
космическую целину, как вы — степную,
Так что прошу считать меня целинником,*

Ю. А. Гагарин. 1961 г.

1.

Нынче в парке, что стал и твоим,
и моим, —
Многолюдно. Цветы и гитары.
Мы придержим свой шаг,
Мы дорогу дадим
Молодым и торжественным парам.

Геннадий Сидорович ГОЦ

родился в 1933 году в селе Алтайском одноимённого района Алтайского края. Поэт, публицист, литературовед. Кандидат филологических наук. Окончил Новосибирский педагогический институт, аспирантуру Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Работал преподавателем, завучем в школе. В 1954-1965 годах — активный участник освоения целинных и залежных земель. В этот период избирался секретарём горкома и Новосибирского обкома комсомола, был ответственным организатором ЦК ВЛКСМ по Алтайскому краю и другим целинным регионам, работал первым секретарём Целиноградского обкома и Целинного крайкома комсомола, избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

В последующие годы трудился в ЦК ВЛКСМ, в издательстве «Молодая гвардия», других центральных органах печати. В 1976-1984 годах — инструктор Отдела культуры ЦК КПСС, в 1984-1990 гг. — член коллегии, главный редактор Главной редакции художественной литера-

туры Госкомиздата СССР. В 1990 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР создал государственное издательство «Дружба народов» и в течение 13 лет был его директором.

Член Союза журналистов СССР с 1971 г., член Союза писателей СССР с 1982 г. В настоящее время входит в

состав правления и Высшего творческого совета Союза писателей России, возглавляет совет по казахской литературе при Международном сообществе писательских союзов. Имеет государственные награды СССР, России и зарубежных стран. Член-корреспондент Академии российской словесности, заслуженный работник культуры РФ.

Автор поэтических книг «С холмов Крылатского», «Озёра памяти», «Дар судьбы», «Равняясь на Знамя Победы», «Вечен хлеб».

Произведения Геннадия Гоца опубликованы во многих коллективных сборниках, антологиях, журналах, в том числе с 2000 года неоднократно в «Ниве».

Живёт в Москве.

Достойно читит
 вся рать степная,
 Чтут аксакалы Шортанды.

Познавшим засухи и вьюги
 Она с годами всё родней.
 И вам, целинные подруги,
 Которых не было верней.

3.

Эта песня не спета ещё до конца
 Там, где юность мужает на стройках, —
 Об отважных подругах и верных сердцах,
 О заботливых наших сестрёнках.

Вы простите, родимые,
 за холода
 В тех палатках,
 землянках,
 вагонах,
 Что нарядами вашими стали тогда
 Телогрейки да комбинезоны.
 Вам, прицеппщицам, ночью светила луна,
 Днём на сеялках — с песней привычной.
 И дарили весенней земле семена
 Ваши тёплые руки девичьи.

4.

Познавших слёзы и восторги,
 Вас в необжитой стороне
 Вели бесстрашные комсорги
 По легендарной целине.

И до всего им было дело.
 И право —
 первыми шагнуть,
 Принять на плечи груз
 и смело
 Искать во тьме кромешной
 путь.

В краю суровом
 всё бывало:
 Когда иных бросало в дрожь,
 Идти им первым выпадало
 В огонь
 и на бандитский нож.

И шли за ними вы —
 ковыльной
 И бездорожной, и степной,
 Зимой—вьюжной,
 летом — пыльной,
 Прожжённой солнцем целиной.

5.

Костры тех лет
уже неблизко,
Хоть огоньки ещё видны.
Там жизни не было без риска,
Как нет без риска целины.

В пылу корчагинского жара
Вы были сердцем так мудры,
Степи рабочей комиссары —
Кзыл-Ту,
Джаксы,
Джетыгары.

В безмолвье белом
час от часу
Всё меньше оставалось сил.
В снегах мы пробивали трассу
Из Атбасара
на Есиль.

Соляркой сдобрена
и потом,
Она с утра и до утра
Брала в нелёгкую работу
Грузовики и трактора.

По ней,
накатанной в морозы,
Или размытой по весне,
Сновали “газики”.
Обозы
Тянулись в новые совхозы —
Шло пополнение целине.

Блистая краскою,
с платформы
“ДэТэ”, как танки, рвались в бой,
И траки гусениц
задорно
Стальной сверкали белизной.

Нам был уже сам чёрт не страшен.
И выручали нас тогда
Те санно-тракторные
наши
Без шпал и рельсов поезда.

6.

Первый сев.
Он — как первая встреча с судьбой.
Волновались в бригаде ребята:
Чёрным бархатом пашня в дали голубой,
Нам пора выводить агрегаты!

По местам! Видим, к сеялкам
с шумом спешат
Из соседней палатки подруги.

В белых платях!
И каждая так хороша,
Что у строгих парней
вмиг теплеет душа:
Вот бы вальс под баян!
На досуге.

Озадачили нас,
А разгадка проста:
Нам сказал агроном:
— Эх, ребята,
Хлеб растить — что детей...
Здесь нужна красота.
И любовь здесь нужна!
Это — свято.

А девчата ещё и запели втроём.
Будто три светлячка, их фигуры.
И продолжил, волнуясь, седой агроном:
— Хлеб получим — баян комсомолу даём.
С перламутровой клавиатурой.

Вы трудились на совесть,
Вы были добры.
Вам нечасто награды давали.
На огромных пространствах
ночные костры
Вас и ваши мечты согревали.

И под ветром шальным,
И под солнцем степным
Не поникли лицом и осанкой.
Вам бы с сердцем остаться навек молодым,
А над ним — отблеск орденой планки.
Вы пришли в этот край необжитый
с добром,
Он вам звёзды дарил и туманы.

И в Тургае весной
неохватным ковром
Лишь для вас полыхали тюльпаны.

7.

А в степи раскалённой гудят трактора,
Неуступчива плугу дернина.
От палящих лучей и моторов жара —
Духотой обжигает кабина.

Не покинут машин,
хоть в поту и пыли
Из Таманской дивизии парни.

Бензовозы,
бульдозеры,
кухня вдали —
С первым хлебом из первой пекарни.

Кирпича не хватало,
Досок и гвоздей,
И раствора всегда было мало.
И еды.
И воды.
Но счастливых идей,
И упорства, и веры — хватало!

На озёрах мы в стужу валили камыш.
Лёд трещал. Пальцы рук коченели.
И посёлок степной — от земли и до крыш
Камышитовой шубой одели.

Мы не знали тогда, что наш враг — суховея —
И страшней,
и коварней мороза.
Чёрных бурь пелена
над простором полей
Нависала смертельной угрозой.

Но не дрогнул, не сдался целинников строй:
С берегов Иртыша до Тургая —
Плоскорезы — вперёд!
Плуг из пашни — долой! —
Так учил академик Бараев.

С Красной Пресни,
с Невы и Днепра мы к тебе
Шли не в гости
из горького детства,

Целина.
Мы к своей приходили судьбе,
Ты — наш труд. И любовь. И наследство.
Целина — это подвиг борьбы и труда.
Братск и Рудный...

С палаток, вагонов
Начинали мужать и расти города
Из твоих, комсомол, эшелонов.

8.

Вас жизнь звала на подвиг
властно,
Комсорги пламенной поры,
В труде —
отчаянно прекрасны,
К себе — строги,
к друзьям — добры.

Над вами
шалые метели

В февральские кружили дни.
Вы всё могли.
Лишь не умели
От дела прятаться
в тени.

Садилась за баранки
Когда один лишь путь —
А под грузёными “ЗИСами”
Трещал тревожно
слабый лёд.

Ишима и Тобола нравы
Вам открывались тут в беде —
Весной
на зыбкой переправе,
Под ветром, в ледяной воде.

9.

Не в кабинетах,
а на месте —

Вы стали символом тогда
И справедливости,
и чести,
И комсомольского суда.
Претил вам
аллилуйства глянец.
Вы были, зная всё вокруг,
Грозою лодырей и пьяниц,
И бюрократов, и ворюг.

10.

Нам открывалась дружба наций
Не из размашистых статей,
Когда за хлеб
со снегом драться
Целинное вставало братство
От аксакалов
до детей.

В февральской вьюжной
круговерти
Из пасти снежной пелены
Не раз спасали нас от смерти
Степные боги —
чабаны.

И радости
случались слёзы:
Средь недостроенных домов
Комсорг —
водитель бензовоза,

Вёл в школу нового совхоза
Детишек тех степных богов.

11.

Не раз в сраженье беспримерном
Судьбу бросали на весы:
Когда в пути рвались цистерны,
С откосов
падали “ЗИСы”.

И бездорожье,
как в капкане,
Держало нас
то здесь, то там —
На Иртыше и Терсаккане
Тонуть случалось тракторам.

Не беспредельны
были силы —
И в первые
на целине,
В степи открытые могилы
Друзей мы опускали милых,
Как после боя на войне.

12.

Был вожаком
не на словах ты,
Шёл за тобой совсем не в рай —
Держать корчагинскую вахту
И день, и ночь
Целинный край.

В ночной степи —
огней сиянье,
Земля
под тяжестью колёс
Гудит!
Здесь все — на поле брани —
В одно
горячее дыханье
В страду целинную слилось.

И приходило,
пусть не часто,
На всех —
желанное одно:
Мы знали точно —
это счастье,
когда потоком шло зерно!
Быть может, кто-то удивится,
Но воплощеньем красоты —

Простите,
милые сестрицы, —
Нам были солнечной пшеницы
Те стометровые бурты.

13.

В походной жизни
 без уюта,
Когда на степь спускалась мгла,
Как много значила минута
Того душевного тепла,
Что в сердце нёс
 комсорг отважный,
Хранил,
 делился им как мог
И зажигал в бригаде каждой
Надежды светлый огонёк.

Пусть агроном,
 пусть инженер вы,
Пусть след бессонницы в глазах —
Неуставной закон ваш первый:
Держи, комсорг,
 в упряжке нервы
В любой беде —
 на тормозах.

Вам —
 поколения примета —
Судьбой
 и песнями близки,
Вручали смело
 партбилеты
Бывалые фронтовики.

14.

Известно мне не понаслышке
О звёздной
 тех ребят судьбе
И не от автора той книжки,
Что лишь глаголет о себе.

На нивах буйных
 и спалённых
Познал их горький хлеб
 сполна,
Я с ними в тракторных колоннах,
Комсоргом первых эшелонов,
Твоим комсоргом, Целина...
Без пышных слов,
 презренных торгов,
С одной лишь правдой,
 на миру

Иду — из племени комсоргов —
То под огнём,
то на ветру.

15.

Эти думы и мне, и тебе —
не унять...
Видишь: новые движутся пары.
Будут вновь на знакомой аллее звучать
С перламутровым верхом гитары.

Разве мы не затем замерзали в снегах
Под звенящим от холода небом,
Чтобы крепко стояла страна на ногах,
Чтобы вдоволь насытилась хлебом!

И братишка-рабочий, не зная нужды,
Сталь варил, чтоб до звёзд доставала...
Надо много машин,
надо много руды,
Хлеба много
и много металла.

Юность помнить должна:
дел в стране — океан,
Лишь погода б не сделалась хмурой.
Им — гитары милей.
Нам — дорожке баян
С перламутровой клавиатурой.

16.

По делу и по духу братья!
Вам памятны наверняка
Костры, тревоги и объятья,
И рук мозолистых пожатья,
Бензином пахнувших слегка.
Вам был отпущен
полной мерой —
Перед лицом эпохи прав —
Тот ваш,
из стали и из веры,
Души
несокрушимый сплав.
Вы не искали лёгкой славы.
Хотя полёт ваш был высок.
Вы нынче вновь —
на фланге правом!
От вас —
во всех краях державы
Надежды светит огонёк.

**Поэма отмечена премией журнала
"Молодая гвардия" за 1987 год.**

Иван ХАРЛАМОВ

Одолень-трава

Рассказ

— Перестань, Таня, нудеть про одиночество! Так я тебе и поверила!.. С твоей красотой да общительностью...

— Ну и что толку? Мужиков клеется много, а чтобы для жизни найти — ох как трудно!.. Славке уже шестнадцатый пошёл, самый сложный возраст... Табачищем провонялся — не продохнуть, недолго и до наркотиков... Мечтаю, чтобы он получил высшее образование; учёба даётся ему легко, тут у меня с ним проблем нет: на школьных олимпиадах призовые места получает... Но чтобы учиться в институте, нужны немалые деньги, а зарплата у меня, продавщицы, сама знаешь, какая... А на Славкиного папашу надеяться не приходится — растворился где-то на просторах СНГ...

Татьяна наклонилась над креманкой с мороженым, машинально слизнула с ложечки, вздохнула:

— Хозяин в доме должен быть... Пусть косой, хромой, но чтобы от него мужиком настоящим пахло, а не водочным перегаром... В общем, — как-то искусственно развязно, что никак не вязалось с её озабоченным видом, негромко хохотнула, — в общем, спонсор нужен...

Подруги сидели за одним из белых пластиковых столиков, стоявших под огромными полосатыми зонтами на широком, мощённом голубоватой плиткой, тротуаре. Между столиков и под ними, подёргивая, как в нервном тике, головами, привычно увёртываясь из-под ног посетителей и официантов, бойко, по-хозяйски разгуливали голуби, склёвывали крошки.

— Завидую тебе, Светка, по-хорошему: повезло тебе с Борисом!.. Как говорится, за его спиной, как за каменной стеной...

— Нашла чему завидовать: вечно ходит, как помазок, в одном и том же костюмишке... Стыдно на людях с ним показываться...

Светлана лицемерила. Будучи суеверной, она боялась сглаза. “А когда ему с тобой показываться? Без выходных допоздна на работе крутится...”. Зная о привычке подруги приbedняться, Татьяна хотела об этом сказать вслух, но передумала. Но всё-таки не удержалась, кольнула:

— Зато тебя с дочерьми балует... Всегда нарядные, ухоженные...

Потом, спохватившись, заторопилась:

— Ой, засиделась, заболталась, а мне надо ещё по магазинам пройтись, Славке кроссовки подобрать... Спасибо тебе, подруга, что в кафе зашла. Сто лет здесь не была...

— Это ты-то? Куда тогда тебя твои поклонники водят?

— В рестораны, Светочка, в рестораны! А это не одно и то же...

Через несколько дней, к обеду, когда Таня, вздремнув после ночной работы в магазине, только-только вставила штепсель телефона в розетку, сразу же раздался звонок. Как будто звонивший точно до секунды знал, когда включать аппарат. В трубке послышался голос Светланы:

— Привет, Тань! Не рано тебя разбудила?..

— Нормально. Всё равно днём не могу долго спать...

— Помнишь наш разговор в кафе? Считаю, спонсора я тебе нашла!..

— Какого спонсора? — у непроставшейся Татьяны побаливала “соображалка”, как она иной раз называла голову.

— Ну хоть косой, хромой, говорила, но чтобы мужиком трезвым и самостоятельным был... Такого вот тебе мой Борис поможет сосватать. Он с ним когда-то вместе на заводе работал и отличного о нём мнения...

Татьяна наконец “врубилась” в смысл Светланиного сообщения.

— Как я поняла, Борис подыскал мне калеку...

— Ну уж хватила! Калеки на рынке милостыню просят... А этот человек работает начальником конструкторского бюро, зарплата приличная, да ещё хорошую пенсию получает от завода, где с ним произошёл... ну этот несчастный случай...

— А что с ним произошло-то?..

Подруга замялась, уточнять не стала.

— Ты сама должна его увидеть, думаю, он тебе понравится. Только не торопись с выводами, познакомься поближе... Звать его Михаил Николаевич Прутов, тебя он лет на десять старше. Мужчина стоящий, умница... Знаешь, я тебе плохого не посоветую... И не тяни, позвони ему сама, возможно, он комплексовать будет, а ты девушка у нас решительная... И обязательно держи меня в курсе...

Не откладывая, в тот же день, вечером, Татьяна позвонила по указанному Светланой номеру. Стараясь скрыть волнение, говорить непринуждённо, как-никак сама навязывалась, представилась. У мужчины был глуховатый баритон, он, конечно, был уже предупреждён о звонке. Договорились о встрече в субботу к трём часам дня у него дома.

На свидание Татьяна вырядилась в своё любимое платье бежевого цвета с глубоким вырезом и короткими рукавами, подчёркивающими её матово загорелые шею и руки, да и всю стройную, не потерявшую девичьих форм фигуру. Посмотрела на себя в зеркало: русые волосы, пышной гривой спадающие до плеч, припухшие, словно со сна веки, живые серые глаза, полноватые губы, верхняя — чуть капризно выпячена. Ничего не скажешь, смазливая мордашка. Хотела надеть ожерелье из янтарных бус, но передумала: “А, для инвалида сойдёт и так!..”.

И сразу упало настроение.

Когда нажала кнопку звонка, из квартиры раздалось:

— Заходите, дверь не заперта!

Прямо, через просторную прихожую, в дверном проёме в комнату, касаясь предплечьем косяка, стоял хозяин: коротко стриженные тёмные с сединой волосы, открытое с упрямым подбородком лицо. Гостья быстро прошла оценивающим взглядом по его фигуре: выше среднего роста, светлая сорочка плотно обтягивала выпуклую, как у штангиста, грудь и мускулистые руки. Татьяне показалось, что мужчина посматривает на неё с некоторой насмешливостью, даже издёвкой. “Разыграла меня Светка! Никакой он не инвалид, о таком мужике только мечтать можно...”. Но когда он, пропуская Татьяну в комнату, посторонился, была заметна несколько задержанность движений, словно передвигался на ходулях. Похоже, подруга не обманывала. На какой-то момент Татьяна растерялась, мучительно пытаясь найти верный тон в не совсем обычной обстановке. Осмотревшись, увидела стоявшее у стены пианино и решила взять инициативу в свои руки.

— Так вы увлекаетесь музыкой?

— Ну что вы, какой я музыкант! Разве что могу пробренчать: “Чижик-пыжик, где ты был?..”.

— А мне позволите?..

Произнося эти слова, гостья не оборачивалась на мужчину, боялась, что оценив полностью его недуг, не совладеет с собой, обнаружит своё разочарование.

“Всё-таки зря наобум припёрлась, надо было до конца выпытать у Светки...”.

Не дожидаясь разрешения, поставила перед пианино стул, открыла крышку, пробежав пальцами по клавишам, взяла несколько аккордов. Инструмент был настроен. На чёрной полированной поверхности нигде ни пылинки. Да и на всей обстановке в комнате, как успела заметить Татьяна, лежала печать ухоженности, аккуратности, что нечасто встречается в холостяцком быту. И хотя Татьяну здесь ждали, к её приходу готовились, но разовым авралом такой порядок не наведёшь.

Она заиграла первый, пришедший на память романс, не закончив, начала второй, третий... Татьяна увлеклась, душой сливаясь с чарующими звуками музыки. Даже забыла на какое-то время где находится. Боже мой, сколько времени она не садилась за пианино! Своё пришлось продать, когда разменивала с бывшим мужем квартиру. Деньги позарез были нужны, да и без того в однокомнатной вдвоём с сыном тесно.

Завершая попури романсом “Дорогой длиною...”, стала энергично взмахивать головой, длинные пушистые волосы в беспорядке разметались на плечах, спине, похоже, она вот-вот вскочит со стула и, не отрывая пальцы от клавиш, начнёт приплясывать в такт энергичной, залихватской мелодии.

После заключительного аккорда резко обернулась.

Михаил Николаевич, весь во власти музыки, сидел, расслабленно откинувшись, на диване, полузакрыв глаза. Прямые ноги были выдвинуты чуть ли не на середину комнаты. Штанины брюк, под которыми не угадывались ни колени, ни икры, ровно, безжизненно обвисли. У мужчины вместо ног были протезы.

Он заметил всплеск страха, смятения в глазах Татьяны, но никак на это не прореагировал, так как давно привык к подобным чувствам у людей, с которыми приходилось впервые сталкиваться. Он только спросил:

— Где вы научились... — помедлил немного, подбирая нужные слова, — так профессионально и в то же время задушевно играть?..

— Я работала преподавателем музыки... Сейчас востребованность в моей специальности резко упала, — и не без язвительности добавила: — Духовные ценности оказались вовсе не ценностями... Пришлось переквалифицироваться в работника прилавка... А у вас-то откуда пианино?

Оба, хозяин и гостья, разговаривая, избегали называть друг друга по имени, хотя и были, благодаря своим “сватам”, заочно знакомы. Словно боялись перешагнуть черту, за которой могут начаться более близкие, неофициальные отношения.

— Это мой свадебный подарок жене... Она закончила музыкальную школу, хотя работала по другой специальности...

— Подарок дорогой...

— У меня были деньги. Я после армии несколько лет проработал на нефтепромыслах, на Севере... Я понимал, конечно, что выполнял её блажь, у нас даже табуреток не было, но что не сделаешь ради любимой... А потом,

когда со мной случилась беда, она даже ко мне в больницу не пришла... — у Михаила Николаевича сузились глаза, видно было, что до сих пор его гложет застарелая обида. — Сделала аборт, чтобы ничто её со мной не связывало, а после и совсем уехала из города...

— Чего же мы сидим? — спохватился он: — Я могу вас попросить, Татьяна... — как и подобает мужчине, Михаил Николаевич первым попытался нарушить разделявшую их невидимую границу.

Женщина протестующе подняла кверху ладони:

— Можно просто Таня...

Она возражала не потому, что ей не нравилось собственное отчество: Лукьяновна, а вообще была сторонницей простоты отношений.

— Ну и меня тоже — Михаил, Миша... — как бы между прочим добавил хозяин и продолжил: — Я попрошу, Таня, принести из холодильника всё, что увидите из съестного, да не забудьте бутылку шампанского захватить...

Теперь гостя невольно перевоплотилась в хозяйку: носила из кухни в комнату и расставляла на журнальном столике фужеры, тарелки с закусками.

Она решила долго не задерживаться. Один-два глотка шампанского для приличия и — до свидания: “Срочные дела ждут, потом, мол, созвонимся”.

Татьяна очень осмотрительно выбирала любовников с перспективой на возможное замужество. Это были не обязательно холостые мужчины, любовную связь она заводила и с “женатиками”, у которых, по утверждению последних, трещал по швам супружеский союз. В настоящее время она находилась в “свободном полёте”: прежнего друга бросила, как бесперспективного и потому наскучившего ей, а другого ещё не успела завести.

На Михаиле Николаевиче был мысленно поставлен крест: уж очень удручающе действовало на неё его увещье.

После того как выпили за знакомство, Татьяна не удержалась, задавала мучивший её вопрос, хотя и понимала его преждевременность:

— Извините за бестактность: к вам кто-то приходит домой, помогает?

— Зачем? — похоже, Михаил Николаевич искренне удивился, даже обиделся. — Всё сам: и варю борщи, и стираю. Приноровился... Конечно, на все эти дела времени уходит побольше, чем... — он усмехнулся, — чем у расторопной хозяйки... Впрочем, прошу за мной...

Опершись о подлокотники кресла, он легко встал, но шагал тяжело, приволакивая ноги, придерживаясь рукой за стену и раскачиваясь из стороны в сторону.

Михаил Николаевич показал несколько изготовленных по его чертежам приспособлений, намного облегчающих его быт. Татьяне понравилась устойчиво передвигающаяся на колёсиках площадка или настил, полулёжа на котором и поставив рядом ведро с водой, легко и удобно мыть пол. На этой площадке также устанавливается особой конструкции стремянка, сидя на которой и меняя высоту приделанной сбоку ручкой, Прутов стирает пыль с мебели, белит потолки и даже наклеивает обои. На кухне Татьяна обратила внимание на табуретку, тоже на роликах, маневрируя на ней между столом, шкафами и плитой, можно без помех приготовить любые блюда.

Иной ленивый человек, хотя и обладающий здоровыми ногами, увидев подобные “изделия”, не прочь был бы воспользоваться ими.

Кроме умения и сноровки управляться с домашними делами, он оказался ещё и интересным собеседником. Начитанный, немало повидавший, он умел обыденный, казалось бы, случай из своей жизни превратить

в смешную, забавную историю, в которой не поймёшь где правда, а где вымысел. Сам он сдержанно, негромко посмеивался над своими рассказами, но у Татьяны они вызвали неудержимый смех. У неё быстро рассеялось гнетущее настроение. Сидели рядом в креслах, и порой, нечаянно касаясь ногой протеза, она испуганно отстранялась, но потом, в процессе застолья, привыкла и не обращала на такую мелочь внимания.

Продолжая балагурить, Михаил Николаевич даже задел, на взгляд Татьяны, запретную для легкомысленных шуток тему о своей инвалидности.

— Когда я закончил заочный институт, то сначала не понимал, почему главный инженер так упорно настаивал, чтобы я не переходил в конструкторский отдел, а работал инженером по технике безопасности. Потом дошло: он хотел из меня сделать живой плакат, наглядное учебное пособие для рабочих: вот что ждёт каждого, кто будет неправильно вести себя на производстве.

За его ироничным подтруниванием над собой женщина угадывала незаурядный волевой характер. Развлекая гостью разговорами, хозяин не забывал и о других своих обязанностях. Часто подливал вино в бокалы, произносил тосты об успехах в работе, о здоровье, снова об успехах, и незаметно для обоих бутылка была выпита.

— В холодильнике ещё одна есть...

В глазах Михаила Николаевича играли весёлые чёртики. “Ишь ты, ловелас безногий! Спить решил слабую женщину...” — добродушно усмехаясь про себя, захмелевшая Татьяна без всякого внутреннего сопротивления отправилась на кухню.

Момент, когда можно было попрощаться и уйти, был давно упущен.

Меньше чем за полдня с её чувствами произошла метаморфоза: шла на встречу с не совсем лёгким сердцем, ожидая увидеть увечного с уныло-постылым лицом, но по мере знакомства перед ней предстал человек, несмотря на телесные недостатки, как это ни парадоксально звучит, физически здоровый и жизнерадостный. Татьяна потянулась к Прутову как к достойному и равному себе партнёру. А может, это шампанское ударило в голову?..

“Эх, где наша не пропадала!..”.

И она осталась у Михаила Николаевича на ночь.

Светлана позвонила в воскресенье вечером, как только приехала с дачи.

— Ну-ка, рассказывай быстрее, как прошло свидание?

— На высшем уровне...

— То есть?..

— Я переспала с ним...

— С ума сошла, Танька! Надо было бы какое-то время подружить, приглядеться друг к другу...

— Ты, наверное, забыла, что сама в первый же день улеглась в постель с Борисом?

— Я его два года ждала из армии...

— А я такого, как Михаил, — всю свою взрослую жизнь... Целого, естественно, а не в укороченном виде, — похихикивая, уточнила Татьяна.

— Ой, значит, понравился!

— Нормальный мужик...

Теперь Татьяна приходила к Прутову постоянно, как только позволяло свободное время.

Славка отдыхал на каникулах с приятелем у его бабушки в деревне.

В будни, несмотря на прерываемый горячими любовными ласками и потому неполноценный ночной сон, Михаил Николаевич поднимался рано. Стараясь не шуметь, сползал с кровати и, с силой отталкиваясь от пола ладонями, как бы в прыжке выбрасывал вперёд кульги ног. Вот такими скачками без протезов он передвигался по квартире. А иной раз — на выпрямленных руках, подтягивая нижнюю часть тела. Начинал утро с длительной физической зарядки.

Татьяна ещё в первый день заметила в комнате, в углу за диваном, несколько пар разной величины гантелей и чёрную, как пианино, двухпудовую гирию. Часто, чутко улавливающая незначительные шорохи, она просыпалась вместе с ним и молча прислушивалась к возне в соседней комнате, надсадному кряхтению, тяжёлому дыханию. В душе возникало смешанное чувство любви, жалости, удивления, а также восхищения его непреклонным постоянством, упорством. Порой слёзы без спроса застилали глаза.

“Ты лучше всех!.. Ты лучше всех!..” — повторяла Татьяна мысленно.

Однажды, готовя завтрак на кухне, где позднее появился раскрасневшийся после зарядки и душа Прутов, взявшись руками за края табуретки, лёгким прыжком, как лев на тумбу в цирке, уселся перед столом, она спросила:

— Зачем ты так изнуряешь себя этими железками?..

— Во-первых, я должен всегда быть в физической форме, во-вторых, вынужден следить за весом, так как склонен к полноте. Иначе придётся подгонять протезы, а это недёшево стоит..

Татьяна, подавая тарелку с омлетом и поджаренной колбасой, погладила его, как ребёнка, по коротким волосам.

— А разве тебе, миленький, не хватает зарядки со мной?..

Прутов привлёк её за талию, прижался щекой к груди:

— Масло кашу не испортишь...

У Михаила Николаевича был автомобиль “Жигули” с ручным управлением. Машина стояла во дворе его дома в металлическом гараже. На работу он ездил только на своём транспорте. В ближайшие выходные Прутов предложил отдохнуть за городом, на природе, в одном, как сказал он, открытом им необыкновенном месте. Ехать было не близко — километров восемьдесят, но по шоссе с неплохо сохранившимся асфальтом. Затем машина, свернув с трассы, запылила просёлком по обширной, как колхозные поля, зелёной долине реки. Наконец, осторожно, чтобы не поцарапать краску, “Жигули” проползли по узкой дорожке между высоких тополей, вётел, разросшихся между ними кустов шиповника, калины, черёмухи и остановились в нескольких метрах от небольшого озера. Татьяна открыла дверцу и вышла на берег, на узкую песчаную полосу. Тишину внезапно нарушило громкое хлопанье крыльев взлетающей со спокойной водной глади стаи диких уток. Будто представление артистов-мимов прервал взрыв аплодисментов восторженных зрителей.

Глубокое, вытянутое в длину озеро, точнее — старица, со всех сторон было защищено от вторжения посторонних сплошной стеной древесной поросли. Подъехать можно только по просеке, прорубленной когда-то Прутовым с товарищем. Машина прижалась на краю уютной полянки в светло-серых шариках одуванчиков, похожих на затерявшиеся в траве мячики для настольного тенниса.

— Я даже хотел шлагбаум поставить с надписью: “Посторонним въезд запрещён!” — шутил Михаил Николаевич, держась одной рукой за кузов,

другой — тянулся в багажник, выбрасывая на землю дорожные вещи. Татьяна, досадуя на свою недогадливость, кинулась ему помогать, активно, даже с азартом, осваиваясь с незнакомой до сего времени ролью: одновременно любовницы и, как она представляла, сестры милосердия.

— Неужели не находилось охотников выселить тебя отсюда или потесниться?

— Пробовали, но как увидят меня... такого вот нестандартного, их брала оторопь... — привычно посмеивался Прутов, — Да и зачем им лезть в эти дебри, когда кругом много подобных озёр и озерушек с удобным подъездом?..

Сняв "сапоги", как он называл протезы, накачал резиновую лодку и первым делом поплыл в дальний конец водоёма ставить сеть. Татьяна быстро натянула купальник и, осторожно ступая по мягко пружинящему дну, вошла в воду, которая своей прохладой приятно пощипывала кожу, и, не торопясь, поплыла сажёнками, по-мужски далеко выбрасывая руки. Купальщицей она была заядлой, девчонкой летними длинными днями пропадала на городском пляже. Наплававшись, кинула у кромки берега ярко-пёстрый надувной матрас, надела солнцезащитные очки и с книжкой улеглась загорать.

— Ну как настроение? — крикнул оказавшийся недалеко на лодке Михаил Николаевич, отводя спиннинг для замаха назад, за спину, чтобы подальше закинуть блесну. Татьяна приподнялась, показала большой палец. Отрываясь от чтения, она поглядывала на Прутова, любовалась его сноровистыми, ловкими движениями, крепкой, поджарой фигурой и представляла, каким он был до трагического случая ладным привлекательным парнем.

В густых переплетениях кустов жизнерадостно посвистывали невидимые пичуги; молодые суставчатые стебли камыша, растущие у берега прямо со дна озера, от слабого дуновения ветерка шелестели листьями, будто парни, по колено зашедшие в воду, весело перешёптываются между собой, наблюдая за купающимися на той стороне подружками. Татьяну охватили невыразимо глубокий покой, убаюкивающая безмятежность, будто от души отступила многолетняя тяжёлая, изнурительная, до невозможности надоевшая забота. "Всё, всё, всё, хватит искать, метаться!.. Да и сколько можно?! Судьба вот она, рядом — рыбу ловит..".

Через некоторое время подплыл Прутов, показывая двух пойманных увесистых щук. Татьяна подскочила, восхищённо захохала, рассматривая улов.

— Хочешь, покажу, где растёт одолень-трава?..

— А что это такое?

— В старинном травнике записано: эта трава охраняет людей от разных бед и напастей. Её вкладывали в ладанку и носили как амулет.. И когда хочешь заставить кого-то себя полюбить, "присушить", дай ему съесть её корень..

— Так вот, оказывается, чем ты меня приворожил!..

Смеясь, она уселась к нему в лодку, и Михаил Николаевич неторопливо погрёб короткими, словно игрушечными, вёслами в дальний конец озера.

В отбрасываемой на воду тени от деревьев ярко-белые с жёлтыми тычинками цветы были заметны издали. Они покачивались на мелкой ряби вместе с широкими круглыми листьями, похожими на ладони, будто бережно поддерживающими их, как негасимые лампадки, на плаву.

— Вот она и есть одолень-трава...

— Погоди-погоди, это же кувшинки! Я их давно-давно не видела...

Прутов потянулся, чтобы сорвать цветок, но Татьяна остановила:

— Не надо... В следующие приезды будем на них любоваться...

Перед закатом Михаил Николаевич проверил сеть и привёз несколько отливающих бронзой линей, тёмно-зелёных окуней, лещей и щуку.

— Угощу тебя сегодня особой ухой! Такую ты ещё не пробовала...

— Мишенька, а ведь сетью рыбу ловить — браконьерство...

— Есть грех... Но я не злоупотребляю, не подрываю, так сказать, воспроизводство. Поэтому мои “закрома”, — Прутов со своим характерным смешком обвёл ладонью озеро, — всегда полны...

Обычно в полевых условиях он готовил пищу на газовом примусе. Но сейчас он приволок из кустов запасённый заранее сушняк и разжёл костёр, установил на треноге котелок. Татьяна тем временем почистила и выпотрошила рыбу.

Сварив, кроме линей, часть улова, он выложил её в отдельную большую чашку, затем опустил в кипящую воду ещё одну порцию. Подобную операцию он повторил три раза. Добавил специи, лук.

— Без ста грамм есть такую уху — кошунство...

Михаил Николаевич плеснул в кружки водки. Действительно, вкуснота была необыкновенная. Разыгравшемуся аппетиту способствовали убаюкивающе тихий вечер, умиротворённо потрескивающий костёр, искры, сыплющиеся высоко-высоко в быстро темнеющее небо, но так и не долетающие до больших звёзд.

— Грибов здесь по пойме, в зависимости от сезона, бывает много: шампиньонов, груздей...

— И ты их собираешь?..

— А как же? В детстве мать называла меня добытчиком.

“Вот неуёмная душа! В его-то состоянии...”

Татьяна представила, как Михаил Николаевич, опираясь на костыли и неуклюже передвигаясь на протезах, точнее, почти волоча их, бродит по лугу, тополёвой роще и внимательно обшаривает глазами землю. Вот он замечает гриб, перекладывает из правой руки в левую костыль и, словно переламываясь в пояснице, складываясь, как перочинный нож, наклоняется за находкой.

— Теперь вдвоём будем ходить, ты искать, а я, так как в них не разбираюсь, собирать...

Спать улеглись под открытым небом на надувных матрасах, накрылись общим одеялом, а от предутренней росы поверх накиннули полиэтиленовую плёнку. На этот раз в сгустившихся сумерках камыши, казалось, встревоженно, испуганно пошумливали, шушукались, словно предупреждали о подкрадывающемся в темноте таинственном существе. Татьяна теснее прижалась к Михаилу Николаевичу и ощутила сильные толчки его сердца. И сразу же, смывая глупые страхи, её окатила волна обожания и нежности к лежащему рядом человеку.

На другой день перед отъездом Татьяна спросила у Прутова, как называется озеро. Тот пожал плечами:

— Да никак...

Она округлила глаза:

— Такое красивое место и — безымянное! Чёрствый ты человек...

— И с ходу предложила:

— Давай назовём его “Озером душевного равновесия”!

Михаил Николаевич внимательно, без улыбки, посмотрел на неё:

— Согласен. Без обсуждения...

В следующую поездку на озеро Прутов взял вернувшегося из деревни Славку. Подросток шустро принялся помогать ставить сеть, а, получив

инструкцию, как управляться со спиннингом, попросил попользоваться им на часик. Но, увлѣкшись, прокидал блесну до вечера. И хотя в итоге пойманы были одна щука и окунь, восторг от рыбалки мешал связно говорить и выплѣскивался в основном в междометиях.

— Михаил Николаевич, а как вы потеряли ноги? — Славка был обезоруживающе непосредственен. Татьяна сделала строгие глаза, но сын её не замечал.

— Под заводской тепловоз попал... Работал дежурным слесарем в ночную смену, понёс на плече длинную трубу в другой цех, чтобы порезать на патрубки. Только вышел из дверей, а был туман, гололёд, тут из-за угла тепловоз, и надо же было мне в этот момент оступиться и... Знаешь, что такое бобслей?

— Ну а как же!

— Ну а я на спине, как на санях, под уклон прямиком под колёса... В общем, как в известном фильме: поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся... а ног уже тью-тью...

— А вы весѣлый человек...

— Это уж точно, грустить не люблю... В армии меня звали Василием Тёркиным...

Татьяна знала подробности этого страшного случая от Светланы. Когда к Прутову подбежали люди, он был ещё в сознании и просил, умоляя прикончить его...

Славка продолжал приставать:

— А что, нельзя придумать, чтобы ходить на протезах без костылей, ну... с какой-нибудь лёгкой тросточкой? Для куража... Как-то я видел по телеку: на Западе такие проблемы решаются, хотя, представляю, сколько это стоит “бабок” — простым смертным не подступиться... Но вы же конструктор!..

Прутов, как обычно, сидя рубил топором на дрова для костра длинные сухие ветви, ещё с утра притащенные Славкой. Он вскинул голову, взгляд был твёрд и серьёзен.

— Я потому и выбрал эту специальность, чтобы суметь решить главную для себя задачу...

Теперь Славка всякий раз просился на полюбившееся озеро, и Прутов, Татьяна это видела, без колебаний соглашался. Сама она из-за работы не всегда могла составить им компанию. “Пусть привыкают друг к другу. Сыну это только на пользу”. А Славка быстро привязался к Прутову, стал называть его дядей Мишей.

К зиме она с сыном окончательно поселилась у Михаила Николаевича, а свою однокомнатную сдала в наём. Славка спал на диване в комнате, и теперь Прутов, чтобы не будить его, занимался физзарядкой в спальне. Под Новый год Татьяна предложила официально оформить их отношения.

— Зачем? А вдруг я надоем?..

— Не люблю двусмысленностей... Я думаю, прошло достаточно времени, чтобы проверить наши чувства...

Она искренне верила, что так оно и есть; и весной, когда Славка заканчивал школу, Михаил Николаевич и Татьяна стали законными мужем и женой.

Потом они вместе настаивали, чтобы Славка поступал в институт в своём городе: будет находиться под постоянным присмотром, да и экономически выгоднее. Но здесь не было факультета по его любимой специальности:

автоматика и вычислительная техника. И пришлось смириться, что парень уедет учиться в соседнюю область.

В конце следующей зимы, не прошло ещё года со дня регистрации брака, Татьяна изменила Прутову.

Когда мужчина с яркой восточной внешностью — большие чёрные блестящие глаза, длинные, волнистые, как у женщины, волосы — впервые появился в магазине, Татьяна сразу же обратила на него внимание. Потом он периодически приезжал и целыми пакетами покупал у неё продукты. Начинаясь с обычных взаимных вежливых приветствий, дальше-больше отношения переросли в пространные разговоры на общие, а потом и личные темы. При этом женщина постоянно чувствовала на себе его откровенно оценивающий взгляд. Так на базаре изучающе смотрят на дорогую, но необходимую вещь, брать её или поискать более лучшую и удобную. В другом случае Татьяна грубо одёрнула бы нахала, но сейчас она, как бы не замечая нагловатого, раздевающего взгляда, непринуждённо поддерживала ни к чему не обязывающую болтовню. Мужчину звали Тамерланом.

— Был такой знаменитый завоеватель в средние века, мне дали имя в его честь, — не преминул он заметить. — А приехал я в ваши края потому, что здесь хорошо идёт бизнес.

Несколько раз новый знакомый словно случайно подгадывал к концу смены Татьяны и подвозил её на своём джипе до дома.

Однажды, это было сырым мартовским вечером, когда с обочин дорог от серого тающего снега стекали на асфальт лужи, покрывающиеся к утру тонким, как стеклянные ёлочные игрушки, льдом, Тамерлан предложил Татьяне не торопиться домой, а покататься по городу. Конечно, опытная женщина понимала, что наступал кульминационный момент в их отношениях, но отказываться не стала. Тамерлан вывез её за город, свернул с шоссе на какой-то пустырь, поросший редкими деревьями. Восточный горячий мужчина не любил терять время на предварительные поцелуи, ласки. Остановив машину, он сразу же, как долго таившийся в засаде хищник, с силой отпущенной пружины набросился на жертву. Его, да и Татьяну тоже, переполняла страсть...

Шли дни. Татьяна, как всегда, старалась быть внимательной, заботливой женой и хозяйкой, боясь каким-нибудь нечаянным словом или поступком обнаружить перед Прутовым появление у неё любовника. А внутри постоянно, не ослабевая, горело нетерпеливое желание очередной раз встретиться с Тамерланом. И эта двойная жизнь почему-то нисколько не угнетала, не утомляла, наоборот, пикантность положения только повышала настроение.

Татьяне очень хотелось, её просто распирало поделиться значительным событием с лучшей подругой Светланой, но зная, что та будет не в восторге от её известий, благоразумно помалкивала. На первый взгляд странной казалась дружба этих разных во взглядах и пристрастиях женщин. Знакомые со школьной скамьи и ходившие повсюду вместе, став взрослыми, они почти не встречались. Ну, два-три раза в году, не более, а по телефону перезванивались почти каждый день и болтали подолгу.

И когда в начале мая в погожий солнечный день подруги, заранее договорившись, встретились в любимом кафе, Татьяна всё-таки не выдержала, рассказала о своей сокровенной тайне.

— Вот те на! — вытаращила глаза Светка, едва выслушав слегка сбивчивое сообщение подруги. — Тебе что, Михаила не хватает?..

— Ну причём тут это?.. Влюбилась я, понимаешь, как девчонка-восьмиклассница, без ума втрескалась!..

— Как ни при чём? Что уж придуряться-то? Без секса, что ли, ваши свидания проходят? — при всём своём возмущении Светлана всё-таки не смогла справиться с извечным бабьим любопытством:

— И кто этот?.. твой хахаль? Может, я его знаю?..

— Нет, Тамерлан — человек приезжий...

— Так он ещё и не русский?..

— Какая разница, какой он национальности? Уж очень обаятельный, красивый, на Филиппа Киркорова похож... Ты только пойми меня, — Татьяна взяла Светлану за руку. — Я не стремлюсь за него замуж, нет, нет! Тем более, он человек семейный, и от Михаила уходить не собираюсь...

Она уже пожалела, что завела этот разговор, потому как и себе самой не смогла бы убедительно объяснить, что с нею происходит.

— Конечно, Михаил цельный, умный, порядочный человек, но наблюдала бы ты каждый день, как он, словно горилла, на передних конечностях по квартире скачет...

— Ах вон оно что! — подруга, отняв руку, внезапно взъерошилась, как воробей в стужу. — Надоел, выходит... А ночью как твой муж спит, спокойно? А мой Борис храпит, что трактор, даже портьеры на окнах колышатся... Ничего, привыкла. Даже, когда он в командировке, без его храпа мне кошмары разные снятся... Я знаю, Михаил не курит и практически не пьёт, а мой смолит по две пачки в день, да ещё если выпьет, а последнее время, как организовал строительную фирму, поддаёт часто и помногу, и такой, знаешь, перегар изо рта, что чувствуешь себя не лучше, чем в газовой камере Освенцима! Всякое было, и ссоры и незаслуженные обиды, но никогда даже мысли не возникало искать утешения на стороне с другим мужиком...

“Потому что спроса не было...” — не без ехидства поглядывала Татьяна на полную, с двойным подбородком, подругу и решила прервать её монолог по восхвалению собственных моральных достоинств.

— Всё это семечки в сравнении с моим положением...

— Ну и что? Да я бы так же нормально вела себя, случись с мужем подобное, как с Михаилом... Не дай Бог, конечно!.. — и постучала костяшками пальцев по столу.

— Стол-то пластиковый... — как бы невзначай заметила Татьяна.

Суеверная Светлана заозиралась вокруг, даже под стол заглянула и, не увидев рядом ничего деревянного, подскочила и, колыхая широкими бёдрами, затрусилась к растущей неподалёку и недавно выпустившей острые листочки рябине. Татьяна тряслась в смехе, прикрыв ладонью рот, а вернувшаяся запыхавшаяся Светка вторила ей звонким хохотом. Редкие посетители, ничего не понимая, смотрели в их сторону.

Отсмеявшись, Светлана сказала:

— Тань, прости меня, пожалуйста, но уж очень ты похожа на покойницу, родительницу свою, тётку Клаву: та сколько мужиков за свою жизнь поменяла?.. И первый твой муж Николай, Славкин отец, почему стал с бутылкой дружить? Только из-за твоей частой влюбчивости... Так что вся ты в генах!..

— Как, как ты сказала: вся в генах?..

И у Татьяны опять начался приступ заразительного смеха, скорее похожего на истеричный. Светлана ожидала противоположной реакции на свои слова и, взглянув сначала недоуменно, потом охотно её поддержала.

В общем, весёлой оказалась встреча...

При очередном, как обычно, коротком свидании, Тамерлан предложил Татьяне отдохнуть вдвоём дня три на даче его приятеля. У Славки как раз заканчивался первый учебный год, наступала ответственная пора сдачи курсовых работ, экзаменов; и мать, зная безалаберный характер своего отпрыска, хотела побыть рядом, поддержать, подкормить его. У неё накопилось порядочно отгулов, которых вполне хватит и самой развлечься, и к сыну съездить.

Дачный особняк, куда они приехали в понедельник к вечеру, поразил Татьяну основательными размерами и добротностью постройки. Она привыкла к незатейливым в основном домикам на шести сотках, появившимся, словно после дождя луговые ояпта, в изобилии в окрестностях города за годы перестройки. Около двух десятков подобных внушительных строений стояло на отвесном берегу обширного озера среди невысоких голых гор, сложенных, как слоёный пирог, из огромных серых гранитных плит. Кое-где в ложбинах, на карнизах, где был лишь намёк на присутствие земли, росли редкие небольшие сосны и берёзы.

Встали поздно. Татьяна, забрав сотовый телефон у Тамерлана, вышла на просторную веранду и, как обещала, позвонила Михаилу на работу: мол, доехала нормально, у Славки всё в порядке, тебе от него привет. “Хорошо”, — прозвучало в трубке, телефон отключился. Ей не понравился ответ: сухо-официальный, без прежней участливой теплоты и дополнительных, как всегда бывало в подобных случаях, пожеланий или вопросов. Возможно, у него совещание, посторонние люди, и ему не до сантиментов. Убеждая себя, что это обстоятельство и послужило причиной его нежелания говорить, тем не менее в душе Татьяны стало так неуютно, гадко, будто ощутила на себе внимательный, презрительно-укоряющий взгляд обо всём догадывающегося мужа.

После завтрака Тамерлан с соседом по даче, отставным полковником, с которым познакомился вчера, стали играть в бильярд. Татьяна прошлась по берегу, хотела было присоединиться к купающейся ребятне, но передумала. Плохое настроение, навеянное телефонным разговором, быстро улетучилось. Она обладала счастливым свойством характера быстро забывать о плохом, неприятном. Поднялась на каменистый пригорок. На его вершине росла единственная искривлённая сосенка, будто через силу выдирая себя из узкой, не шире человеческой стопы, скальной расщелины. И, странным образом, это дерево, упорно цепляющееся корнем за жизнь в прямом и переносном смысле, напомнило ей Михаила.

Ей быстро наскучило быть одной. Вернулась к дому. Из распахнутых окон слышались стук шаров, возгласы и смех подвыпивших мужчин. И опять невольно подумалось о Прутове. Едва ли бы он, появившись на новом, незнакомом месте, усидел в помещении и тем более оставил без внимания Татьяну. Обязательно бы, несмотря на свои ограниченные возможности, увлёк её в поход в горы.

Чего греха таить, ей было как-то не по себе появляться в общественных местах, на людях, рядом с увечным мужем. Её состояние, по-видимому, чутко улавливал Михаил, и потому, кроме выездов на природу, они нигде не бывали. И ей очень хотелось, чтобы сейчас с ней рядом по тропе, бережно придерживая за локоть, шагал подтянутый, стройный Тамерлан. Они болтали бы о пустяках и беспричинно смеялись.

Во время обеда Татьяна попробовала было напомнить своему другу о том, что он приехал не один, а с дамой, и обязан её развлекать и вообще

о пользе совместных прогулок на свежем воздухе, но тот, не желая вникать в подобные тонкости, рвался к бильярдному столу, как измаявшийся от жары бычок к водопою.

Вечером Татьяна легла пораньше, постелив себе отдельно на диване. Хмельной Тамерлан пытался её приласкать, что-то мычал в своё оправдание, но она осталась непреклонной.

Завтрак прошёл в напряжённом молчании. Но Тамерлан и на этот раз не сделал для себя никаких выводов, а может быть, и не пытался их делать. Он исчез в бильярдной комнате, где его уже ждал лысый полковник в поношенных военных брюках и домашних тапочках на босу ногу.

“Наверное, я зря пристаю к нему со своими бабьими капризами? — пыталась убедить себя Татьяна. — Мужик замотался на работе, ему надо отвлечься, отдохнуть, он в кои веки дорвался до своей любимой игры...”. Но успокоение не приходило.

Вся огромная сверкающая, будто сфокусировавшая все солнечные лучи, чаша горного озера просматривалась с веранды. И не хотелось отводить взгляд от этой красоты. Наверное, людям здесь отдыхать интересно. Но, вспомнив блаженные дни отдыха с Михаилом на их водоёме, где кочковатые торфяные берега и не столь прозрачная чистая вода, но таком родном, уютном, она мысленно назвала раскинувшееся перед ней сияющее голубое чудо “Озером Разочарования”. Она вдруг представила, что по какой-нибудь причине сын решит позвонить домой, и... Татьяне впервые стало страшно от мысли, как может повести себя Михаил. По натуре весёлый, добродушный, открытый, в критической ситуации, — она интуитивно догадывалась, — поведение его может быть непредсказуемым...

“Получается, я у Тамерлана в роли наложницы. Смешно! И зачем я, дура, согласилась сюда ехать! Права Светка, пора бы уже научиться думать головой, а не одним местом...”

С отчуждённым, каменным выражением лица Татьяна вошла в бильярдную, где в этот момент мужчины о чём-то горячо спорили.

— Тамерлан, увези меня в город...

Тот, остывая от перепалки, молча уставился на женщину.

— Довези хотя бы до трассы, оттуда я доберусь на автобусе или на попутной машине...

— Но мы же договаривались вернуться завтра к вечеру...

Татьяна видела, что он начинает заводиться, но её уже ничто не могло остановить.

— Мне необходимо ехать сейчас.

Тамерлан резким движением, заставив полковника непроизвольно отшатнуться, отбросил в сторону кий и заходил из угла в угол по комнате.

— Мне никогда не понять психологию русских баб, способных по пустякам устраивать скандалы!..

Полковник, прокашлявшись, решил вмешаться:

— Это потому, что русские женщины в своей родной среде привыкли к несколько иным традициям по отношению к себе. Их или уважают, или, во всяком случае, считаются с их мнением... А вы зря, Тамерлан, поднимаете бурю в стакане. Отвезите супругу до шоссе, усадите в первую попавшуюся машину и возвращайтесь назад продолжать игру...

— Я ему не супруга, а любовница... — почему-то решила сказать правду Татьяна, поглядывая на отставного военного: какова будет его реакция.

Тот, избегая смотреть в глаза, пожал плечами:

— Какая разница...

Она почувствовала в военном интеллигентскую мягкость, уступчивость, что ли.

— А может, вы меня добросите?.. Мне действительно очень-очень нужно... Но не с этим... я лучше пешком уйду!..

— Вообще-то я уже подшофе...

— Но вы же знаете, до трассы нас никто не остановит..

Словно получив приказ от руководства свыше, полковник, не говоря больше ни слова, пошёл готовить автомашину.

Татьяна с сумкой направилась за ним. Её догнал Тамерлан, загородил дорогу.

— Слушай, не унижай меня, не заставляй другого... Я тебя мигом домчу!..

Она обошла бывшего любовника, как обходят появившийся неизвестно откуда на пути валун.

— Знаешь что, великий завоеватель? А не пошёл бы ты... куда следует!..

Есть в механике такое понятие: усталость металла. Когда механизм или деталь, не выдержав длительной сверхрасчётной нагрузки, ломается. Михаил Николаевич, как специалист, конечно, знал об этом. Он также был уверен, что у каждого человека, как бы он ни был закалён житейскими невзгодами, испытаниями, есть свой предел прочности. После чего может начаться душевная депрессия с непредвиденными последствиями. Такой вот предел наступил для него.

Последние две недели он находился в напряжённом, удручающем ожидании неизбежности разговора с женой, который должен был немедленно перечеркнуть их так хорошо начавшиеся отношения, разрушить, казалось бы, пустившую уже крепкие корни семью. Но тянул время, не решаясь первым начать этот трудный разговор, проще говоря — боялся.

Как ни пыталась Татьяна маскировать, таить захватившую её целиком увлечённость другим мужчиной, Михаил Николаевич, хотя и не сразу, почувствовал что-то творившееся с ней неладное. Она становилась временами рассеянной, задумчивой, а то чрезмерно, до назойливости, заботливой, внимательной к мужу. И при том — её запоздалые возвращения с работы. Не постоянные, раза два в неделю, чего никогда не было раньше. Объяснения причин, хотя Прутов не требовал их, казались ему путанными и не всегда логичными. Не вдаваясь в анализ своего поступка, хорошо или недостойно он поступает, движимый не испытываемой ранее в такой сильной мере ревностью, Михаил Николаевич решил устроить за женой слежку. Он выбрал пятницу: в этот день Татьяна чаще всего задерживалась с работы. За полчаса до окончания её смены он припарковал свои "Жигули" на обочине дороги между других машин, чтобы её нельзя было заметить от магазина. Раньше Прутов не раз предлагал Татьяне заезжать за ней, но она, жалея его, отказывалась: "Автобусная остановка рядом, до дома добираться нет проблем, ты лучше ужин приготовь к моему приезду...". В восемь вечера, как и должно быть, жена вышла из магазина и, быстро оглянувшись по сторонам, пошла не в сторону остановки, а направилась прямо к автомобильной стоянке, пошла не в сторону остановки, а направилась прямо к автомобильной стоянке, где сидел в "Жигулях" Прутов. Не доходя до машин, Татьяна свернула под арку во двор, и через несколько минут оттуда выехал чёрный джип с тонированными стёклами. В голове

Михаила Николаевича словно застучали, зазвенели по наковальне молоточки, ладони повлажнели. Ему стало дурно.

Конечно, у Прутова до знакомства с Татьяной были женщины, с которыми рано или поздно по его или по их инициативе приходилось расставаться. И не одна из них не зацепила души. Даже о первой жене, так предательски от него сбежавшей, со временем вспоминал без прежней горечи и обиды. А в Татьяну влюбился сразу, с первого же дня, как она появилась у него в квартире. Наверное, так бывает. И Прутов не скрывал от неё своих чувств. «Эта женщина моего плана», — говорил он своим друзьям.

Ещё какое-то время он сидел, усилием воли заставляя себя успокоиться. В общем-то всё правильно. Глупо, наивно было надеяться, что такая яркая, красивая женщина, как Татьяна, могла всерьёз связать свою судьбу с инвалидом первой группы. Ей просто на время нужна была помощь, поддержка, она её получила, пока не нашла достаточно обеспеченного и физически неуязвимого «благодетеля». Прутов вспомнил, что где-то читал, как в Африке местные жители охотятся на боа — змей из семейства удавов. Охотник усаживается на землю и выставляет перед норой, расщелиной, где укрылась добыча, ногу, смазанную жиром. Боа медленно заглядывает живую «приманку» и, когда пасть уже приближается к паху, охотник ножом распарывает змею, как чулок. Михаил Николаевич почти физически ощутил, как кровотоцит его сердце, располосованное наподобие глупого удава.

Дома, раздевшись до плавок, он долго и усиленно занимался гантелями, таким способом стараясь снять стресс. Через пару часов, клацая ключом, открыла дверь Татьяна. Ещё с порога начала оживлённо рассказывать, как она на улице встретила бывшую сотрудницу по музучилищу и долго с ней болтала. Прутов, сохраняя спокойствие, расставлял на кухонном столе тарелки, нарезал хлеб. С этого вечера он не верил ни одному её слову.

Когда сегодня утром позвонила Татьяна, у Михаила Николаевича никакого совещания не было, он сидел один в своём тесноватом, похожем на кухню в «хрущёвке», кабинете, чуть не третью часть которого занимал кульман, по стенам громоздились стеллажи, забитые чертежами. Его сразу же насторожило, что жена вела разговор с ним по сотовому телефону, а не с переговорного пункта, как обычно делала, приезжая к сыну в гости. А её слова, произнесённые как бы между прочим, что телефон она одолжила у Славкиного товарища по общежитию, только усилили его уверенность, что уехала она не одна, а с покровителем. Любовником он почему-то даже мысленно не мог назвать своего соперника.

В кабинет часто заходили конструкторы, согласовывали какие-нибудь узлы на чертеже или советовались по другим техническим вопросам, звонил телефон и самому приходилось до кого-то дозваниваться, но тем не менее рабочий день для Прутова тянулся томительно медленно.

Дома, тупо уставившись в телевизор, без привычного аппетита поужинал и, продолжая ощущать, что ему душно, тесно находиться в четырёх стенах, не надевая протезы, как был в шортах, только лёгкую куртку надел, выбрался из квартиры. Гараж находился недалеко, почти напротив подъезда. Он ехал по улицам города, борясь с искушением увеличить скорость выше разрешённой. И только тогда, когда дачные посёлки остались позади, он прибил газ. Слева, между свежее-зелёных, ещё не успевших выгореть до будто присыпанной пылью желтизны холмов оловянно отсвечивала река, издали кажущейся остановившей свой привычный бег.

Вода имеет магическое свойство притягивать к себе человека. И, сбавив газ, Прутов по первому попавшему своротку направился к реке. Берег был пуст, безлюден. Оставив машину, он сполз поближе к негромко пошумливающему перекату и лёг на спину на мелкой речной гальке. Смотрел на редкие облака, отчуждённо, холодно, как нерастаявшие глыбы льда, плывущие по вечернему небу, и было так невыносимо тоскливо, муторно, как тогда, много лет назад, когда, очнувшись от наркоза после операции, он осознал всю тяжесть случившейся с ним беды. Не хотелось возвращаться к людям, видеть никого из многочисленных приятелей, друзей.

С личным горем, сколько бы ни было вокруг утешителей, ты обречён быть один на один.

И обратно Михаил Николаевич гнал машину по трассе на огромной скорости. Впереди, перед мостом через глубокий овраг, был крутой поворот. Спрямить дорогу мешал склон горы, который дорожники не стали убирать, возможно, из-за экономии средств. И хотя водители, на этом участке притормаживая, ехали с большой осторожностью, аварии случались.

Прутов не стал сбавлять газ. Он тщательно примеривался, прикидывал расстояние, чтобы не задев, проскочить между бетонными столбиками, ограждающими поворот. Машина должна по инерции описать в воздухе большую дугу, прежде чем удариться радиатором в каменный склон оврага. И если он в этот миг всё-таки каким-то чудом уцелеет, то уж наверняка, когда “Жигули”, переворачиваясь, всё больше превращаясь в груды металлолома, достигнут дна оврага, ему не остаться в живых. Михаил Николаевич уже отчётливо видел эти столбики, между которых, как через ворота, он должен попасть на тот свет, на правом была различима продольная трещина...

“Нет уж, дудки!..”. В последний момент всё его существо взбунтовалось против этого решения. Неприятно завизжали тормоза, словно под колёса попала бродячая собака.

Странно, но потрясение от осознания чуть было не совершённого им страшного, необратимого поступка как-то оттеснило на задний план саму причину его отчаянного состояния. Стало легче, будто сам по себе лопнул гнойник. “Бог вмешался...” — решил Прутов.

Получается, человек не может жить по законам механики: усталость души и усталость металла — не одно и то же...

Уже смеркалось, когда он въехал к себе во двор и увидел Славку, сидящего на скамейке неподалёку от гаража. У ног его стояла дорожная сумка.

— Здоровеньки булы! — стараясь придерживаться шутиливой обычной своей манеры, поприветствовал Прутов пасынка. — Ты чего так рано заявился, или из института попёрли?

— О, привет, дядя Миша! — парень вскочил на ноги. — Я вас уже заждался!.. Я экзамены досрочно сдал — уж очень по дому соскучился... Не верите? Могу показать зачётку...

Подойдя к машине, Славка всмотрелся в темноту салона.

— А где мама?..

— Мама на большом выходном... У тёти Светы на даче отдыхает... — Михаил Николаевич почему-то посмотрел на часы. — Скоро, на днях появится...

г. Усть-Каменогорск.

Римма АРТЕМЬЕВА

“Не покидай меня, любовь...”

Ярок грим родившегося века,
А цветы закованы в бумагу.
Мишурой опутав человека,
Воздаёт он Господу и магу.

То вдруг корчит дикие гримасы
Терроризма, опиумной смерти,
То бывшее втягивает в маски,
Искажая ценности и мерки.

Нам бы вновь остановить мгновенье!
Красотой Земли наполнить — радость.
И дарить лугам весны цветенье,
Разорвав тиски бумажных рамок.

Звуки любви

Рябина вихрастой молочною пеной
украсила зелени нежной наряд.
Ещё далеко ей до терпкости спелой
тех ягод, что пурпуром в гроздьях горят.

Она дебютанткой в кружащемся платье
на склоне пологом, что сценой ей стал,
под звуки аккордов струящихся клавиш
речушки поёт. Среди елей и скал.

А горы внимают руладам и трелям.
В ответ — белизной все вершины покрыв.
И травы цветами, как ситцы пестреют,
услышав любви её первой порыв.

Настроение

Моему любимому. Двору

Лиловый вечер.
Каштана свечи.
Прохлада с гор.
Туманом млечным
Покроет плечи
Небес узор.

В бурлящей речи
 Арыков, речек
 Звонит мажор!
 То слог застенчив,
 То скоротечен
 Их разговор
 Про город. Вечность,
 С которой венчан
 Садов простор
 В лиловый вечер...

Сентябрь хрупким холодком
 пленяет город.
 По зыбким улицам пешком
 ступая гордо.
 И в позолоту куполов,
 в синь минаретов,
 И в неприкаянность дворов
 он прячет лето.
 А в струях ливней золотых
 листву омочит.
 И не для света, а для тьмы
 поёт: "O, more!".
 Багрянцем выкрасив наряд
 и терракотой,
 Свершает таинства обряд,
 а город кроток...

Людмиле Варшавской

Дом детства — в городе моём
 звенящем, солнечном, зелёном.
 Тот дом, навек запечатлённый
 судьбой в эпохи окоём,

Где круг бесчисленных друзей
 отца. И мамина улыбка...
 Где каждый миг фортуна зыбка,
 а мир — как Бога Колизей.

где свита в летопись строка
 (её теченья не нарушу).
 Там все распахивали душу,
 Ведь дому каждая близка.

Дом детства в памяти живёт.
 И для потомков сохранится,
 пока в ней каждая страница
 звучит и дышит, и поёт...

Ностальгия

В Ретро-городе, где "пяточок"
 На "Бродвее" был, не на "Арбате".
 За шагами бежал арычок,
 Разливался, стремясь обогнать их.

Лишь на солнце держа ориентир,
 Вальс кружил над домами "косыми".
 А дороги делящий пунктир
 Шлёпал в детство ногами босыми.

От весны там, пьянея, сады
Осыпали проспекты стихами,
И, настроив любовью лады,
Там всю ночь соловьи не стихали.

И в “Акку”, серебрящийся пруд,
Вдохновлял на поэмы лебязьи.
Там был в “Стойле Пегаса” уют
Всем, кто Богом в таланты обряжен.

Там любилося и пелось легко,
И мечтою дышало мгновенье.
Город-ретро уже далеко,
Но бессмертно его вдохновенье...

Разговор с душой

Не спрашивай: — Куда?
Я не привыкла лгать..
Иду туда, где счастья переливы,
Туда, где лишь любовь всё может оправдать.
Где смел порыв, признанья не пугливы.

Где нежность не запрятана в багаж
Немилым, потрепавшимся нарядом.
Туда, где без сомнений всё отдашь
За то, чтоб миг побыть с любимым рядом...

Восточный ноктюрн

Гульфейрус Исмаиловой

Степную палитру
Со строгостью невских причалов
Ночная молитва
В прозрачных холстах обвенчала.

Как в песне забытой —
С конца, обретая начало,
На струнах кобыза
Поэма любви зазвучала

Ноктюрном восточным.
Все хрупкие краски печали
Сменялись восторгом
И счастьем ему отвечали.

Оно не растает
И с первыми солнца лучами.
Раздолье эстампов
Бессмертьем его увенчает.

Киты любви

Секреты любви — придают только взглядом огласке.
Дороги любви — поведут даже Время с начала.
Запреты — любви не нужны и над нею не властны.
Короной — любовь, лишь взаимность по праву венчала.

Одежды любви — опоясаны музыкой грусти.
Оковы любви — неизбежность желанного плена.
Надежды любви — от себя никого не отпустят.
Покровы любви — сберегут всё живое от тлена.

Исповедь

Прости, Господь, чужие слёзы
и неприкаянность. Прости,
что даже в гроб не бросят розы,
как дар другим в конце пути.

Прости за то, что стыли пальцы
в тепле чужого очага,
мне рифмы — звёздные скитальцы
дарили радость. Дорога́

была земной любви сладинка,
пленяя пылкостью лица.
Что сердце не сверкало льдинкой,
а всё сгорало до конца.

Мольба

Не покидай меня, любовь!
Не отводи свой взгляд счастливый.
Пусть судьба слагает вновь
Сюжеты из нечётких линий.

Пусть наполнятся мечты
Нежданной чередой событий,
Где ткут реальности холсты
Из ярких разноцветных нитей...

Не покидай меня, любовь!
Не за грехи, не за прозренья.
Ты рифмы таинств приготовь
Душе для нового паренья.

В неё с небесной высоты
Польются ласковые звуки.
Их откровения чисты
И не остудят их разлуки!

Не покидай меня, любовь...

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

(Продолжение. Начало в № № 6,7 за 2007 г.)

17 декабря

Провели областную отчётно-выборную журналистскую конференцию. Обошлось без сюрпризов, избрали меня председателем...

Из начальства были секретарь обкома А. М. Ажибаева и председатель облисполкома Ж. Г. Искаков. Я не предполагал, что он может прийти, и позвонил ему где-то за час до конференции, больше для проформы. А он, дав понять, что приглашения ждал, просидел всю конференцию и даже выступил.

На конференции выдвигали кандидата в народные депутаты республики от Союза журналистов. Обсуждалось несколько кандидатур, в том числе моя, но все, и я тоже, отказались в пользу редактора экибастузской городской газеты “Заветы Ильича” Павла Оноприенко. За него и проголосовали. Это было отрядное единодушие: он не только хороший журналист и редактор, но и достойный человек, к тому же с характером, “упёртый” в хорошем смысле слова.

На конференцию приезжал редактор “Казахстанской правды” Ф. Ф. Игнатов. Нас с ним позвал в гости С. П. Шевченко. У него дома мы дружно ругали партийное начальство — каждый своё, жаловались друг другу на жизнь. Но и шутили тоже, выпивая и закусывая.

Игнатов рассказал о недавней полулегальной встрече группы журналистов с бывшим всесильным Д. А. Кунаевым. Говорилось на ней и о декабрьских событиях 1986 года в Алма-Ате. В пересказе Игнатова дело было так. Кунаеву позвонил бывший второй секретарь ЦК и, объяснив ситуацию, попросил выступить перед участниками митинга протеста, которые никого не хотят слушать. Кунаев приехал в ЦК, где в это время шло заседание бюро, и стал ждать... Спустя какое-то время напомнил о себе, и ему ответили, что от него уже ничего не требуется. И он ушёл. А сменивший его на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин, против назначения которого и протестовала казахстанская молодёжь, затем публично заявил, что Кунаев отказался выступить перед демонстрантами...

Кто знает, как было на самом деле?..

Теперь создана комиссия по расследованию “декабрьских событий”. Выдвигаются требования не только пересмотреть оценку того, что тогда случилось, но и реабилитировать всех осуждённых участников тогдашних событий — не помиловать, а признать невиновными. Звучат требования — спросить с тех, кто допустил незаконие и дезинформировал общество. То есть все оценки меняются на прямо противоположные...

19 декабря

Опять тяжёлый день. С утра сразу после планёрки повздорили со Штарком из-за Ткаченко. Позиция Роберта: надо было его всё же предложить в расширенный список редколлегии, а на заседании бюро обкома партии пусть убирают, если он им не по душе... Я позвонил в сердцах в обком: мол, члены редколлегии настаивают на кандидатуре Ткаченко... В ответ услышал: понятно, кто у вас там заправляет. Я тоже в ответ наговорил резкостей, заведомо зная, что "номер" с Ткаченко нам всё равно не пройдёт... В итоге и тут, и там опять крайний.

Потом позвонил кандидат в депутаты облсовета В. Н. Вихлянов и напустился на меня за то, что мы опубликовали его письмо об аппаратных играх не в первоизданном виде, а в обзоре. Говорили, как водится, на повышенных тонах. Он требовал признания, что я в данном случае действовал под давлением обкома, хотя решение я принимал сам. После чего уже сам Вихлянов пожаловался на меня в обком.

Потом пришли ходоки с подачи Ажибаевой: некто П. выдвигается в райсовет и ей нужна поддержка, поскольку она на выборах противостоит "нежелательному" кандидату Б.

Потом по звонку из обкома пришли представители кандидата В. и принесли его готовое интервью о своих заслугах перед городом, хотя мы раньше договорились, что не будем накануне выборов агитировать ни за кого из кандидатов. Но тут — опять особый случай — "желательный" кандидат В., оказывается, противостоит в своём округе "неформалу" Г., который, в свою очередь, завтра же потребует от меня объяснений и публикации уже о нём самом.

Опять звонил в обком и ругался... Настаивают на публикации...

Потом вызвали к секретарю обкома: надо опубликовать письмо ветерана Ш. о группе "неформалов", которые "обливают грязью нашу историю, шельмуют партию". Это письмо у нас лежит уже давненько, я его надеялся заволочить. Сказал, что письмо примитивно-ублюдочное и никого ни в чём не убедит, что обком меня сегодня просто "достал", что нельзя так работать... Велено было подумать...

Домой пришёл "на взводе". В ответ на спокойное Ольгино замечание: "Ну и дай ты это дурацкое письмо в подборке", — стал на неё орать: "А что мне прикажешь делать, когда "неформалы" принесут ответ?"

В чувство себя приводил двумя рюмками водки...

Очередной съезд Компартии Литвы провозгласил компартию самостоятельной, одной из независимых общественно-политических структур республики, составной частью мирового коммунистического движения... И ни слова — о связях с КПСС. Очередная зуботычина Горбачёву: как говорится, приплыли...

Секретарь ЦК КПСС В.А. Медведев в интервью Гостелерадио опроверг слухи о том, что Политбюро ЦК КПСС якобы собиралось подать в отставку. А было, по его словам, следующее: один из ораторов на пленуме ЦК КПСС заметил: если нас уж очень усердно хвалят за перестройку на Западе, в том числе и наши заклятые идеологические противники, то стоит ли этому радоваться? Может, тут есть повод задуматься: то ли мы делаем? Но, конечно же, другие члены ЦК не поддержали такую постановку вопроса.

Думаю, что очень многие, наоборот, в душе её поддерживают, просто боятся высовываться. Тот же Ю. А. Мещеряков как-то сказал мне: хвалят Ваньку незнамо за что, а он, дурачок, радуется. Вполне понятно при этом — кого он имел в виду под Ванькой-дурачком.

20 декабря

Публикуем выступление Ю. А. Мещерякова на съезде народных депутатов. Говоря об общих низких темпах роста производительности труда и объёмов производства в промышленности, он объясняет это, помимо прочего, политизацией общества, межнациональными конфликтами...

Говорит, что выборность директоров ослабила дисциплину, и надо вернуться к выстраданному жизнью назначениям руководителей госпредприятий.

Приводит интересные цифры, которых я не знал: из 86 млн. тонн добываемого в Экибастузе энергетического угля 30 % сжигается на месте, а из 42 млрд. киловатт-часов вырабатываемой ежегодно в области энергии четверть потребляют наши же предприятия.

На тракторном заводе две трети оборудования изношено больше чем наполовину. На его замену требуется ежегодно не менее 20 млн. рублей, почти в четыре раза больше, чем затрачено в этом году.

Умер А. Д. Сахаров — один из отцов атомной и водородной бомб, трижды Герой Социалистического Труда... За “крамольные” мысли о необходимости переустройства мира в брежневские времена был сослан в город Горький и вернулся в Москву благодаря М. С. Горбачёву. В качестве народного депутата СССР доставлял немало неприятных минут уже самому М. С.

Отношение к Сахарову в стране было часто полярным — от явной неприязни до обожания.

Умер он скоропостижно, готовясь к очередному выступлению...

21 декабря

Крупные волнения в Румынии. В одном из провинциальных городов местное население вступилось за священника-венгра, которого власти решили выселить из его дома. Произошли столкновения с милицией, на помощь ей пришли войска, применили оружие. Некоторые информационные агентства сообщают о сотнях погибших.

Генеральный секретарь Компартии Румынии Н. Чаушеску охарактеризовал демонстрантов как хулиганов и экстремистов; армия, утверждает он, была вынуждена защищаться. Очень резко отреагировали на случившееся в Югославии, Венгрии, Польше, странах Запада. Похоже, верный сталинский последователь обречён, но сколько же людей будет уничтожено, пока история не выпшвырнет их вон — вместе с его венценосой супругой-сподвижницей. Хотя кто-то может сказать — он тоже отстаивает идеалы... Правда, делает это с помощью пулемётов и танков и полной изоляции своей страны от всего мира. Таких “реликтов” на земном шаре, уже, пожалуй, не осталось... Разве что великий вождь Ким Ир Сен в Северной Корее...

Об искусстве полемики. Дней десять назад сборок “Сельской жизни” в Казахстане Валерий Савельев (мы с ним хорошо знакомы) опубликовал статью “Поветрие”, в которой размышляет о нынешней общественно-политической атмосфере в

республике, об отношении к истории, языковой политике. Статья многоплановая, небесспорная, в ней многоличных суждений, но, тем не менее, она хоть и дискуссионная, но вполне корректная. “Сельская жизнь” у меня пролежала с неделю — не было времени прочитать, пока не получил “Казахстанскую правду” с полным “отлупом” Савельеву. Чего стоит один заголовок — “Взгляд на действительность из-за плетня”. Волей-неволей пришлось читать оба материала. Главная партийная газета республики камня на камне не оставила ни от статьи, ни от самого Савельева. Вот уж заклеямили так заклеямили. Я взялся подчёркивать одни лишь эпитеты и определения и скоро запутался: “...Ортодоксы от идеологии... их сентенции, уродливо деформирующие сознание... метания гневных филиппик... имеющих целью пострафить... автор является носителем деформированного под тяжестью застойных лет сознания... автор впадает в рассуждения... распространяет обычные обывательские сплетни... функционеры от директивной идеологии и их разноликая креатура... автор кокетничает по поводу своего знания...”. И т. д. и т. п. Вместо аргументов — по существу площадная брань, на псевдонаучном, разумеется, лексиконе. Авторы — доктор наук, ректор пединститута, академик. И такой вот уровень полемики. А мы от народа требуем терпимости.

Позвонил Савельеву, ехидно поинтересовался: а кровь христианских младенцев он часом не употребляет перед обедом? Оказалось — звонок мой весьма кстати. Валера — в расстроенных чувствах, не понимает, за что его так отволтузили. Постарался, как мог, успокоить его...

24 декабря

Почти не писал об этом, старался не думать, делал вид, что не так уж это меня занимает, но, конечно же, переживал за исход выборов.

Сам агитацию почти не вёл... Правда, “домашний штаб” всё это время действовал: Ольга, Данька и Димка несколько вечеров подряд печатали на машинке листовки с призывом голосовать за редактора “Звёздочки”... На каждой странице умещалось до пяти штук, итого оказалось 600. Потом агитаторы разнесли их по почтовым ящикам. Может, и это сыграло свою роль, может, авторитет газеты... Выборы закончились в восемь вечера, в 9.15 раздался звонок с первого участка: у вас всё в порядке: из 1345 голосов 977 — “за”. Рука сама собой потянулась к телефону: что там на втором участке? Но набрался терпения, и через несколько минут сами позвонили оттуда: победа за вами, подробности позже. Обобщённые данные: “за” — 1913, против — 818, то есть за меня около 70 %, остальные у двух моих конкурентов. Правда, народу на выборы пришло немного, процентов 65, но всё равно это очень важная для меня победа, и больше потому, что поддержали прежде всего газету...

Из других важных событий — поездка в родной совхоз “Михайловский” на его 35-летие. Я и вообще-то очень люблю там бывать, а тут — ещё и праздник, столько знакомых лиц... Поразила атмосфера в зале, где проходило торжественное собрание, дух какого-то удивительного дружелюбия — большой и доброй семьи. В числе других и меня пригласили на сцену. Выступал сумбурно и сбивчиво, прочитал отрывок из “Поры сенокосной”, заметив, что герои этого очерка в зале — бригадир Иван Гриценко и мой давнишний напарник по сенокосу Толик Елисейкин.

По сценарию на большом экране демонстрировали слайды с фотографиями целинников. Мы с сестрой Натальей сидели на первом ряду и вдруг увидели на

экране отца... Это был тот снимок, который я когда-то перевёл на керамику для отцовского памятника на его могиле и который мне не очень-то нравится — отец на нём какой-то неживой... Но тут у меня перехватило дыхание, а сестра даже всплакнула... Нам с ней показалось, что отец был на экране дольше остальных...

Пообщался с земляками, многие спрашивали о матери, передавали приветы. На редкость хорошим выдался день — погожий, тёплый, к тому же накануне выпал снежок, отчего совхоз наш, казалось, ещё больше похорошел... Нигде и никогда мне не было так хорошо, как здесь, дома, даже теперь, когда никого из родных тут больше нет...

Закончилось празднество — как в “добрые застойные времена” вкуснейшим бешбармаком и обильными возлияниями и речами. Хорошо ещё, что я сбежал, не дожидаясь окончания этого утомительного ритуального действия. Тем не менее утром являл собой жалкое зрелище, за что был подвергнут справедливому возмездию со стороны супруги. Что ж, за всё в этой жизни приходится платить.

Весь номер — официоз, в том числе три полосы — доклады на съезде народных депутатов министра внутренних дел В. В. Бакатина и генерального прокурора А. Я. Сухарева.

Цифры и факты оба приводят убийственные.

В прошлом году в стране каждый месяц проходило в среднем 194 митинга, в этом — уже 400; с февраля по ноябрь этого года бастовали 1500 предприятий.

В колониях только судимых три и более раз — 310 тысяч.

Ориентировочный объём теневой экономики — 70-90 млрд. рублей в год.

Рост хищений в крупных и особо крупных размерах по сравнению с 1971 годом — в пять раз. С 1985 года осуждено 63 человека, у которых изъято реальных ценностей более чем на миллион рублей у каждого.

Полнейший бардак в кооперативах, получивших в банках кредиты, а затем бесследно исчезнувших.

Появляются новые виды преступлений — рэкет и заказные убийства.

Генеральный прокурор сказал, что бывший первый секретарь Чимкентского обкома партии (а он работал и первым секретарём Алма-Атинского обкома) обвиняется в получении взяток и хищениях на 250 тысяч рублей.

Короче — творится чёрт знает что и вряд ли завтра станет лучше. Скорее — наоборот.

30 декабря

Вот и ещё один год прошёл — очень для меня сложный, хотя по-своему интересный. Бывали моменты, когда всерьёз подумывал — не оставить ли мне свою должность... Но как-то всё же удержался. Наверное, это хорошо, потому что я многое приобрёл за это время: лучше узнал людей и самого себя, понял, что высокая должность и совесть редко уживаются друг с другом; что люди, выросшие и сформировавшиеся в определённых обстоятельствах, во всяком случае очень многие из них, уже не становятся другими, даже если меняется всё вокруг и к переменам взывает здравый смысл. Всё это грустно, но такова суровая реальность... Стало быть, не следует расшибать лоб там, где не надо... Надо научиться жить, уступая в мелочах и не уступая в главном и сохраняя душу. Иначе — не выжить.

Хоть и немного, на три с половиной тысячи экземпляров, вырос тираж газеты. И это после того, что мы творили с нашим сверхтерпеливым читателем! Есть возможность сделать газету лучше. Надо набираться душевных сил и тащить свою редакторскую телегу дальше — теперь уже в год Лошади.

Съездил в Алма-Ату на пленум Союза журналистов. Сутки летел туда, сутки — оттуда. Но если первые провёл дома, позванивая время от времени в аэропорт, то вторые — 24 часа полностью — в алма-атинском аэропорту, до отказа забитом пассажирами с отложенных рейсов. В Алма-Ате туман, чёрт бы его побрал...

На пленуме обсуждали, как казахстанские газеты освещают межнациональные отношения, и выбирали кандидата в депутаты Верховного Совета Казахской ССР.

Выдвинуто было 19 претендентов — в основном журналистские начальники — редакторы газет разного ранга, председатели телерадиокомитетов. Пятеро сняли кандидатуры, остальные выступили со своими платформами, большинство — бесцветно и вяло. Наш Оноприенко на этом фоне смотрелся вполне прилично, но я сразу понял: шансов у него нет. Против него ополчились журналисты казахскоязычной прессы из Экибастуза, прислали коллективные письма в Союз журналистов и даже своего представителя. Письма — грязные, о том, что Оноприенко не пользуется авторитетом в журналистской среде, стремится заполучить депутатский мандат любой ценой, вот и на недавних выборах народных депутатов СССР противопоставил себя кандидату-рабочему, использовал в своих целях редактируемую газету... Ну и, наконец, занимает недостойную позицию в национальном вопросе...

Всё тут — неправда, от первого до последнего слова. Я это сказал в своём выступлении на пленуме, как, впрочем, и о том, что Оноприенко часто бывает “неудобным”, но, может, в данном случае это и хорошо, ведь такие люди и нужны в парламенте, чтобы отстаивать наши права... Председательствовал на пленуме редактор “Казахстанской правды” Ф.Ф. Игнатов, рассказавший о том, с каким единодушием выдвигали Оноприенко в Павлодаре... Но это ничего не изменило: за Оноприенко в итоге проголосовали немногие.

Я так и не понял, чем он уж так насолил братьям-казахам, лишний раз убедившись в том, что, когда люди дают волю национальным чувствам, все остальные, включая элементарное здравомыслие, куда-то прячутся.

Ещё о выборах. В облсовет избран один из лидеров “неформалов” В. Галенко, несмотря на то, что за его соперника, начальника крупной городской коммунальной структуры, агитировала вся официальная аппаратная рать, включая нашу газету (мы, впрочем, делали это не по своей воле).

Сразу после окончания Второго съезда народных депутатов СССР состоялась внеочередная сессия ЦК КПСС, который обсуждал итоги XX съезда Компартии Литвы. Она “откололась” от КПСС, хотя часть делегатов осталась “на платформе КПСС” и создала свое руководящее оргбюро. В докладе М. С. Горбачёва, выдержанном в жёстких тонах, действия литовских коммунистов оценены как раскольнические, противоречащие Уставу и Программе КПСС, а, следовательно, неправомочные.

М. С. напомнил: сегодня Литва в рамках Союза удовлетворяет потребности в чёрных металлах на 74 процента, по нефти и газу — на 77, по цветным металлам — на 97, по углям — на 100 процентов. И заявил, что сепаратисты толкают свой народ в исторический тупик.

Смогут ли Горбачёв и его сторонники переломить ситуацию, сказать трудно. Скорее всего, съезд литовских коммунистов лишь отразил существующее в республике настроение большинства... И если даже удастся вернуть литовских коммунистов в лоно КПСС, настроение населения Литвы это вряд изменит.

Неожиданная развязка волнений в Румынии. Несколько дней назад писал о всесильных Чаушеску и его жене, а теперь их уже нет в живых. Некий "революционный трибунал" приговорил обоих к смертной казни, и они тут же были расстреляны. По телевидению несколько раз демонстрировали их трупы...

Читал в одной из газет стенограмму допроса бывших хозяев Румынии — в высшей степени невразумительную. Из неё ничего невозможно понять: чета Чаушеску тоже или вовсе не понимала, о чём их спрашивают, или делала вид...

Представитель "ревтрибунала" заявил, что действовать так быстро пришлось по одной простой причине: пока жив тиран, будет сопротивляться верное ему окружение — вплоть до попыток освободить своего вождя...

Как можно с этим согласиться? Чаушеску надо было судить настоящим судом, чтобы сказать всю правду о его деяниях... Но у всякой революции всегда своя логика — чаще всего логика революционной целесообразности. Наш И.В. Сталин говорил так: есть человек — есть проблемы, нет человека — нет проблем.

Арестованы сын (и преемник) Чаушеску и его дочь. У дочери — полный дом сверхдорогих произведений искусства, изъято также 100 тысяч долларов, у сына рабочий стол забит импортными сигаретами и дорогими винами, и нет ни одной деловой бумаги.

При всём при этом Румыния — самая бедная страна в Европе, беднее некуда.

1990 год

2 января

Новые веяния. Студентка-практикантка из Омского университета Галя Лебедева раскопала интересный факт: семья Воробок — муж, жена и их взрослый сын — с лета 1988 года взялась за необычный подряд — полное обслуживание многоквартирного дома. Они втроем заменяют девятерых: техничек, мусоропроводчиков, слесарей-сантехников... Теперь и сам дом, и двор в полном порядке; даже жильцы, прежде с недоверием относившиеся к "подрядчикам, погнавшимся за длинным рублём", оттаяли и подобрали... А вот всевозможные комиссии мордуют семью проверками до сих пор... Однако, пишет Лебедева, в Павлодаре уже десять семей взяли подряд на обслуживание многоэтажных домов.

В Экибастузе придумали новое необычное средство для борьбы с любителями безбилетного проезда на городских маршрутах. Здесь каждый месяц будут проводить лотерею среди абонементов и проездных. Сумма выигрыша — от 50 до тысячи рублей. Автомобилисты считают, что в накладе не останутся...

4 января

Булат Ахметов написал материал об ужасающих условиях, в которых находится Экибастузская городская детская больница. Новую ждали 12 лет, а теперь оказалось: 120 её коек — половина от того, что требуется... Не хватает врачей,

оборудования... И всё это в Экибастузе, где действуют предприятия-супергиганты — угольные, энергетические, строительные, которые “перемальвают” ежегодно десятки миллионов рублей. Тысячной доли этого хватило бы на самую современную больницу. Между тем в Экибастузе ежегодно умирает 160 детей в возрасте до трёх лет.

5 января

На заседании бюро обкома партии восстановлена в партии Евгения Гавриловна Курбатова. Ей принесены извинения за необоснованные наказания. Не такой уж частый случай — партия у нас, как правило, не ошибается... Но тут случай и правда особый: в партии она восстановлена спустя 50 лет — исключение состоялось в 1940 году...

Мы публикуем список репрессированных в 30-40 годах и начале 50-х годов и реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР. И другой список — комиссии партконтроля при обкоме партии — о партийной реабилитации.

Кого только нет в этих списках “врагов народа” из 115 фамилий: сторож, конюх, животновод, слесарь-монтажник, хлебороб, кузнец, секретарь сельсовета, единоличник, портной, рыбак, бухгалтер, механизатор, директор совхоза, заведующая детским домом, председатель колхоза, заведующая сельмагом, председатель райисполкома... Возраст: от 20 до 72 лет, и по фамилиям — полный интернационал.

6 января

Из доклада Н. А. Назарбаева на пленуме ЦК Компартии Казахстана: “... Партийная принципиальность, мужественность в признании допущенных ошибок стали у некоторых как-то незаметно трансформироваться в некий болезненный комплекс вины, этакое вселенское покаяние, полностью отрицающее какие бы то ни было достижения социализма”.

О декабрьских событиях 1986 года: “... Выход молодёжи на площадь не был нацелен против других народов, населяющих Казахстан, а тем более против русского народа, с которым казахов связывает традиционная вековая дружба... Вместе с тем, безусловно, нет оправдания отдельным экстремистам, хулиганам, которые, пользуясь обстановкой, совершали уголовно наказуемые преступления, позволяли себе выкрики откровенно националистического толка. Но нельзя не признать и того непреложного факта, что выход юношей и девушек на площадь явился демонстрацией возросшего национального самосознания, выражением недовольства и возмущения отсутствием гласности при выборе первого руководителя республики в условиях перестройки...”.

Н. А. Назарбаев предложил правоохранительным органам исправить ошибки, допущенные в ту пору в отношении тех, кто был наказан за участие в “декабрьских событиях”, призвал СМИ объективно подходить к оценкам этих событий.

7 января

Рождество... А накануне вечером дома зазвонил телефон.

— Это отец Пётр, настоятель Павлодарской православной церкви. Хоча поблагодарить вас за публикацию нашего материала накануне Рождества Христова. Большое вам русское спасибо...

Далее последовал обмен любезностями с обеих сторон, после чего отец Пётр не преминул заметить, что его снимок в газете мы тем не менее дать не осмелились... Я в тон ему отвечал: мы ведь всего лишь несколько месяцев назад открыли эту тему и, хотя мне это стоило неприятностей, всё же сделали это. Отец Пётр снова заверил меня в своём совершеннейшем уважении и повторил, что он звонит не для того, чтобы высказать претензии, а для того, чтобы выразить признательность.

Так я заслужил благодарность русской православной церкви...

А теперь о делах мирских...

Прочитал в нашей газете список депутатов нового областного Совета — впечатление удручающее: партийно-советские начальники, другие начальники разных рангов, несколько рабочих. Избраны почти сплошь те, кого намечал аппарат, и с таким Советом аппарат будет делать — что захочет. Рад буду ошибиться...

Наш Штарк продолжает активно “бодаться” на выборах с директором алюминиевого завода Исаевым: заказал специальную предвыборную листовку, выдал в газете статью, в которой автор предстаёт активной личностью со своей позицией, областное телевидение сделало большую передачу с его участием. На экране Штарк был хорош и, надо думать, его шансы возросли.

Но и партаппарат не дремлет. Нам было велено дать интервью с Исаевым...

Пришла “телега” из Иртышского района на недавнюю корреспонденцию В. М. Воронова. Под возмущённым письмом — 160 подписей. “Митрофаныч” был в этом совхозе и, не особенно утруждая себя разбирательством — почему в нём произошла смена руководителя — в свойственной ему манере выстроил собственную конструкцию, весьма, впрочем, достоверную... Но на деле оказалось не так. А главное — почти ни с кем, кроме “обиженного”, не говорил... Ни для кого у нас в конторе не секрет: Воронов давно утратил всякий интерес к работе. Он был в своё время одним из самых ярких и самобытных журналистов “Звезды” — самоучка, самородок... Но всё это, увы, в прошлом. По-хорошему его давно пора отправить на пенсию. Но у него семья, дети, а на полагающуюся ему максимальную пенсию в 120 рублей не шибко разгуляешься...

И такой у нас не один Воронов...

8 января

Суматошный понедельник... Бестолковый спор на планёрке, переросший в перепалку: я, Горбунов, Побережников... Испорченное с утра настроение... Знаю, что по сути я был прав, но вот по форме... Не сдерживаюсь, повышаю голос, а в итоге зачастую — прямо противоположный результат...

Злюсь же оттого, что вижу — многое в конторе надо менять, но мало что получается. В конторе привыкли работать по старинке, хотя время кардинально меняется. Чтобы поспевать за ним, надо напрягаться, от чего-то отказываться, учиться... Но кому-то неохота, кто-то неспособен, а других — нет. Люди не могут больше того, что они могут. И у всех свои жизни и свои судьбы, симпатии-антипатии, амбиции и характеры, собственные пристрастия... И во всём этом кипяще-бурлящем котле мне надо сохранять трезвость, ясность ума,

спокойствие, самообладание... Конечно, получается не всегда — вот из котла и выплёскивается пена. Главное, чтобы крышку не сорвало и чтобы у меня самого “крыша” не поехала...

Принесли на просмотр молодёжную страницу. Не нравится всё: почти на треть полосы — коллаж, перебор явный; на “чердаке” полосу открывают пространно-путанные суждения начинающей жизнь девицы, в то время как интервью с участниками Всесоюзного студенческого форума почему-то “загнали в подвал”; в довершение ко всему — реплика “Зачем пионеру автомат?”, в которой речь о школьниках, которые стоят в карауле у Вечного огня Мемориала Славы... Начинается реплика словами: “А что у них (пионеров. — Ю.П.) в руках должны быть вилы или дубина?”.

Конечно же, я “развыступался” — куда смотрели? А никто и не смотрел. Суждения-откровения юной современницы просил поставить на открытие страницы заведомо Николай Попов, а всё остальное сверстал по своему разумению, смакетировал замответсека Володя Митрофанов. Он же, как оказалось, автор ехидной реплики, в которой ставится под сомнение обязательность оружия в руках у несущих почётную вахту пионеров.

Думали-думали, ничего не придумали, и я сказал: “Пусть всё идёт как есть”. Но из-за чего тогда весь сыр-бор? Впрочем, убрал из митрофановской реплики первую строку — про “дубину или вилы”. Тут же прибежал Митрофанов: “Я вижу — всё делается для того, чтобы выжить меня из конторы!”. Попытка объяснить ни к чему не привела — это при том, что именно я привёл Митрофанова к нам в редакцию и всегда к нему хорошо относился.

Пришёл заведомо М. и сказал, что разводится с женой... Я только руками смог развести: ну вы даёте, братцы, а от меня-то что вам надо... Он между тем продолжал: супруга вместе со старшей дочерью устроила облаву на квартиру его новой избранницы, рассчитывая “накрыть” там обоих, подралась с ней, разбила цветной телевизор... Жена М. уже звонила Штарку, обвиняла супруга в измене, и вот сам М. решил мне всё рассказать.

Только этими делами я ещё не занимался! Ответил: его семейные дела — дело его совести. Что же до акта коллективного порицания неверного мужа, на что, вероятно, рассчитывала его супруга, то никаких собраний-обсуждений в редакции по этому поводу не будет..

На заседании областного временного комитета по борьбе с преступностью обсуждали вопрос о видеосалонах. Вот уж действительно — проблема из проблем: мы этими видеосалонами такую мину закладываем под собственное будущее! Но разговор получился какой-то суматошно-эмоциональный, тем более что, как выясняется, никаких реальных рычагов воздействия ни на владельцев видеосалонов, ни на их репертуар нет. А когда председатель облисполкома стал садиться на прокурора области — мол, почему не принимаете мер — тот вскинулся:

— Посадить кого-нибудь?

— Ну, не посадить, — отвечал ему председатель, — а примерно наказать надо.

— Профилактируем! — последовал ответ, что в переводе на русский означало: накажем в профилактических целях.

Мне показалось, что за обеими прокурорскими репликами явно прослеживалась ирония, если он вовсе не забавлялся, понимая всю абсурдность ситуаций — остановить видеовакханалию сегодня запретными мерами невозможно, а о других никто и не задумывается.

Уже в конце дня позвонили из обкома — с вопросом не без ехидства:

— Ну что, ваш кандидат расстроен?

Это о Штарке, который проиграл выборы в облсовет директору алюминиевого завода. Роберт сомневается в достоверности результата: на первом этапе перевес у его соперника был совсем невелик, а тут — разрыв в 400 голосов. Не берусь судить, так ли это, но недобросовестность при подсчёте голосов не исключаю. Сам Роберт, хотя и расстроен, держится молодцом.

9 января

Любопытный разговор на собрании депутатов облсовета от Ильичёвского района Павлодара. Вёл встречу второй секретарь обкома Масхут Куликбаевич Дуйсембаев. Цель — “обкатать” вопросы предстоящей сессии облсовета и, в частности, кандидатуру первого секретаря обкома в качестве председателя облсовета. Кстати говоря, в районах и городах, за исключением Павлодара, подобные сессии уже прошли и везде председателями советов избраны первые секретари соответствующих райкомов и горкомов партии. Исключение составил Иртышский район, где первого секретаря не избрали даже в райсовет (таков, видно, авторитет, что даже аппаратные игры не помогли) и там председателем райсовета — невиданное дело! — стал (по совместительству, должность-то неоплачиваемая) директор одного из хозяйств.

Я шёл на собрание депутатов-“ильичёвцев”, каковым по месту жительства являюсь и сам, не без некоторого скепсиса. Однако — ошибся и рад этому обстоятельству. Началось всё, правда, в привычном духе, но как только Дуйсембаев сказал о том, что “есть предложение пост председателя Совета доверить первому секретарю обкома”, тут же посыпались вопросы:

— А сколько всего будет кандидатур?

— Пусть сначала отчитается о том, что сделал!

Это были голоса депутатов — представителей тракторного и химического заводов.

Первый секретарь Ильичёвского райкома (хозяин встречи) попытался разрядить напряжение:

— Это ведь совместительский пост, и логичнее всего его занять Мещерякову...

Его поддержал депутат — директор завода:

— Авторитет партии в последнее время сильно пошатнулся, а мы его у нас укрепим, избрав первого секретаря обкома председателем...

— Он же всё время в разъездах — то Алма-Ата, то Москва, ему некогда будет заниматься делами Совета, — не сдавался депутат с тракторного.

— Не забывайте — он народный депутат СССР и сможет отстаивать интересы области на любом уровне, — привёл, скорее всего, заранее припасённый аргумент секретарь обкома комсомола.

— У него и так много нагрузок, — подал голос представитель завода “Весна”, — когда ему вникать в суть дела? Нельзя одному человеку отдавать абсолютную власть, а избирать председателя надо демократическим путём.

Дуйсембаев:

— А что, у вас есть альтернативные предложения?

— Мы можем, например, вас выдвинуть? — сказал кто-то, и другие оживились. — А почему, собственно, нет?

— Я откажусь, — отвечал Дуйсембаев, — Меццераков — более подходящая кандидатура.

— Ну если он так нужен на этом посту — давайте выберём, — как бы соглашаясь с собеседниками, а на самом деле упорствуя, продолжал представитель тракторного, — а должность первого секретаря обкома пусть оставит.

— Ну да, а зарплату ему кто платить будет? — запальчиво спросил первый секретарь райкома, вызвав тем самым дружный смех присутствующих.

Вот такой неожиданный разговор. Через несколько дней — сессия. Интересно, хватит ли духу у депутатов с предприятий задать все свои “неудобные” вопросы уже на самой сессии? Они ведь не могут не понимать, что дело-то почти решённое — Меццеракова всё равно выберут.

11 января

В. М. Воронов сделал интервью со своим давним героем Тимофеем Волковым. Это легендарная, хотя порядком подзабытая личность: целинник, хлебороб божьей милостью, некогда бригадир одной из лучших в области (да, наверное, и в Казахстане) полеводческой бригады, Герой Соцтруда. Воронов когда-то написал о нём хорошую документальную повесть, которая была напечатана в “Просторе”.

Волков проработал в совхозе имени Ленина около 25 лет, подорвал здоровье и пять лет работать не мог. Теперь работать может, но не берёт, и он живёт за счёт личного хозяйства.

Почему не берут? Неудобен, на всё имеет свою точку зрения, не терпит диктата, особенно дурацких указаний начальства. С агрономами и директорами, пока был в бригадирах, ругался до белого каления...

При всём при том Волков — труженик из тружеников (потому и надорвался), много лет выращивал рекордные урожаи, он в прямом смысле выстрадал собственную систему земледелия, основанную на чистых кулисных парах. На таких землях в лучшие годы Волков получал от 25 до 38, а на отдельных участках — до 44 центнеров зерна с гектара. Причём, отменного зерна. Были годы, когда волковская бригада выращивала по тысяче тонн пшеницы на каждого основного механизатора при себестоимости производства одного центнера менее двух рублей.

Знающие люди скажут, что это просто фантастика, но всё это было. Волков высказывается за передачу хлебных полей в личное пользование (на определённых жёстких условиях), критикует нынешнюю систему работы с землёй и применяемую технологию... Так что вряд ли после этого интервью его опять позовут в бригадиры. Грустно, конечно, но, похоже, время Волковых ещё не пришло...

В который раз убеждаюсь, насколько тупа, жестока и бессердечна наша государственная машина, провозглашающая лозунг: всё во имя человека, всё для блага человека.

О своём горе нам написала Е. Чистякова. Умерла её 34-летняя дочь, осталось четверо детей-сирот (отец умер ещё раньше). Их бабушке (самой Чистяковой) 56 лет, она пенсионерка, вырастила своих троих детей и вот теперь взяла опеку над внуками. У неё свой дом в Павлодаре, а у внуков трёхкомнатная квартира в Экибастузе. Забрать их к себе она не может, с ней живут два сына, один из них — с семьёй. Прожить в Экибастузе с четырьмя внуками на пособие в 149 рублей и пенсию без какой-то дополнительной помощи ей будет трудно, и поэтому она хочет перевезти внуков в Павлодар, однако не может поменять квартиру.

Обращалась в Экибастузский и Павлодарский горисполкомы: помогите с обменом. И там, и там отказали. Предложила: заберите квартиру в Экибастузе, дайте такую же в Павлодаре — отвечают: не положено, но подумаем...

“Думают” уже полгода, Е. Чистякова в отчаянии, пишет: “Что, мне этих несчастных детей в детдом сдать? Это будет по закону. А по совести?”.

13 января

Суббота, старый Новый год. До обеда заседал, потом сходил на лыжах — от речного вокзала до зверофермы. Хорошо зимой в пойме...

А вчера была первая сессия вновь избранного областного Совета. Впечатление оставила удручающее.

Перед началом сессии кандидаты на будущие руководящие посты “демократично” ходили по залу, лично здоровались с депутатами — в том числе первый секретарь обкома и председатель облисполкома, примеру следовали их будущие замы.

Многоопытный Альходжа Мухамеджанов, редактор газеты “Кызыл Ту”, с которым мы сидели рядом, со знанием дела прокомментировал это “хождение в народ” так: “Указание спущено...”.

Сессию открыл и сначала вёл председатель областного совета ветеранов Ю. В. Панов — в прошлом зампред облисполкома. Начали, как водится, с утверждения повестки дня. Зачитали “аппаратный” вариант, но тут встал “неформал” В. П. Галенко и предложил свой альтернативный: заслушать сообщения первых руководителей области о социально-экономической ситуации в области, обсудить регламент, а также вопросы об обеспечении гласности работы сессии, составлении и обнародовании её стенограммы... По сути дела это был своего рода манифест протеста против “аппаратного” подхода к ведению сессии... Но, как и следовало ожидать, депутаты остались безучастны к демократическому порыву своего коллеги.

Потом выбирали председателя Совета. Была предложена кандидатура Мещерякова, Панов поставил на голосование вопрос о внесении фамилии кандидата в бюллетень... Проголосовали...

Кто-то из депутатов предложил послушать самого Мещерякова, но тут же проголосовали против... Впрочем, некоторые, в том числе и я, проголосовали “за”.

Наиболее настырные депутаты настояли на своём праве хотя бы задать вопросы будущему председателю Совета. Галенко припомнил Мещерякову его интервью в нашей газете, где тот говорил: иногда в коллективах проявляют неразборчивость, выдвигая самозванных кандидатов, которые обещают с три короба, строят свои программы на шельмовании партии и госаппарата, выступают с экстремистских позиций, отстаивают “не наши” ценности. Галенко спросил, кого именно имел при этом в виду Мещеряков, ведь подобные утверждения граничат с клеветой. М. отвечал, что остаётся при своём мнении — многие кандидаты действительно щедры на заведомо невыполнимые обещания; это проявлялось

и проявляться будет: сразу видно — кто что несёт людям... Последнее, само собой, адресовалось Галенко.

Тут же дружно проголосовали за прекращение вопросов.

— Да что же это такое творится? — возмущился сидевший рядом со мной депутат Б. И. Анохин с завода “Весна”. — Мы, можно сказать, на пять лет вверяем человеку судьбу области и не имеем права задавать ему вопросы? Это же пародия на демократию! Я не против Мещерякова, но хочу знать его позицию по принципиальным вопросам. Он ведь многое неправильно делает и мог бы измениться после обстоятельного разговора с депутатами. Да он сам должен был настоять на продолжении вопросов!

“Сам”, однако, такого рвения не проявил...

Голосовали тайно. Я был удостоен чести войти в счётную комиссию и голосовал одним из последних. Голосовал “против”. Потому что против совмещения двух таких постов, тем более в лице Мещерякова — бесспорно, волевого, сильного руководителя, но скорее хозяйственника, а не политика. Всего из 137 депутатов “против” были 19.

После перерыва на обед избирали комитет народного контроля. Мещеряков предложил в качестве председателя комитета первого секретаря Баянаульского райкома партии Б. Н. Нажмиденова. Сказать, что часть зала пришла при этом в замешательство — значит, ничего не сказать; скорее, это был лёгкий шок.

После коротких дебатов слово дали К. Н. Шакириму — нынешнему председателю комитета народного контроля. Он говорил о том, что работа нашего НК не раз отмечалась и обобщалась в республике, что он в последнее время подвергается гонениям, что на него клеветают (вот и Мещеряков только что в перерыве обвинил его в смене пяти (!) квартир), что он будет добиваться справедливости, обращаясь во все инстанции — вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС.

— А главное — запомните, — сказал, завершая своё эмоциональное выступление Шакириму, — завтра точно так же могут поступить с любым из вас!

Потом спорили — обсуждать или не обсуждать выступление Ш. — и с наибольшим скандалом стали обсуждать. Неутомимый Галенко предложил отложить принятие решения — пусть, мол, Мещеряков и Шакириму встретятся для “выяснения отношений”, потом изложат нам свою общую позицию (или разные позиции), а мы, депутаты, примем правильное решение.

У М. спросили: не в том ли всё дело, что Ш. выдвинул свою кандидатуру в депутаты Верховного Совета Казахской ССР, и, если бы он снял её, то, может быть, был бы вновь рекомендован на свой пост? Спрашивали, чем вызвано недоверие М. к Ш.? М. отвечал, что выдвижение Ш. кандидатом в депутаты тут ни при чём (“Ещё как “при чём”, — сказал я сам себе, вспомнив “разносный” звонок М. мне домой), что предлагать те или иные кандидатуры, входящие в структуру облсовета, его право председателя, что год назад на пленуме обкома партии Ш. предъявлялись большие претензии, и на его нынешнюю работу много жалоб — увлекается администрированием, денежными начётами на руководителей и т.д.

— И вообще, не надо делать из случившегося трагедию, — подытожил М. — идёт нормальный процесс — обновление кадров.

Ш. в свою очередь сказал — для него это самая настоящая трагедия, и в зале стало тихо.

Кто-то предложил послушать нынешнего претендента на пост председателя НК — Нажмиденова. На моего давнего знакомого и товарища было больно смотреть. Лицо Балтабая Нажмиденовича, принявшее землисто-багровый оттенок, выдавало его сильнейшее душевное потрясение:

— Вы должны понять моё положение... Я сам только что узнал о новой возможной работе и говорить о какой-то программе действий мне очень сложно... Доверите — буду работать...

Положение Нажмиденова и вправду было аховым: отказаться от предложения нельзя (не принято подобное в партийных органах) и соглашаться — не по-людски, но куда денешься?

Проголосовали за назначение Нажмиденова. Против было 19 депутатов, четверо воздержались...

Конечно, это право председателя — формировать свою команду, но ощущение осталось гадковатое.

У меня самого неоднозначное отношение к Шакиримову. Я не слишком хорошо знал его до недавней опалы. Он, бесспорно, умён, влиятелен и популярен в Павлодаре, хотя, скажем так, далеко не всегда был по-партийному принципиален и по-человечески справедлив. В бытность его вторым секретарём обкома нашей газете изрядно досталось от него за критику ермаковского партфункционера — секретаря парткома крупного предприятия, а мы этого чинушу критиковали за дело... Но в данном случае — речь о другом. О том, что Шакиримову не могут забыть печально известное “письмо 42-х”, в котором товарищи по партии предлагали руководству республики обратить внимание на его кандидатуру в качестве первого секретаря обкома. Предлагали вполне корректно. В итоге Ш. лишился должности второго секретаря обкома и, отказавшись от нескольких предложений поработать в столице республики, был “задвинут” в кресло председателя областного КНК. Тут он развил бурную деятельность, умело пропагандируя её и в нашей газете, за что мне, собственно, и устроил несколько месяцев назад выволочку Мещеряков. И, в довершение ко всему, Ш. имел нахальство “несанкционированно” выдвинуться кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахской ССР. Да ещё на тракторном заводе, обойдя четырёх своих претендентов, включая генерального директора...

Ш. играл “не по правилам”, за что и получил. Это урок не только ему, но и другим “ослушникам”. Газете — в том числе. Обычно первый замредактора “ЗП” входит в число членов областного КНК (на общественных началах). Но нашего Ковхаева в списке не оказалось. Я, узнав об этом, говорил накануне сессии с Шакиримовым и позднее на самой сессии (ещё до обсуждения его вопроса), и внятного объяснения не получил; выглядел он несколько растерянным (что для него не свойственно), видно, уже знал, что над его головой сгущаются тучи, и просто не мог мне прямо сказать об этом...

... В остальном сессия проходила по накатанному сценарию — членов исполкома, начальников отделов и управлений утверждали за редким исключением автоматически.

Вышло так, что моё место на сессии оказалось в “радикально настроенном центре”, среди той части депутатов, которые были избраны в Павлодаре и представляли крупные рабочие коллективы — тракторный, химический заводы, завод “Весна” и другие. Голосовал я чаще всего так, как и они, хотя мы всегда оказывались в меньшинстве. Психологически это было не так просто... Я сидел в третьем ряду, напротив председательствующего Мещерякова, и тянуть всякий раз руку, зная, что сам он (как и большинство зала) проголосует иначе, и, кажется, именно в этот момент только на тебя с укоризной и смотрит, бывало не по себе... Но — тянул, выдавливая из себя раба... И это называется свободным волеизъявлением!

После сессии ещё пошёл на работу посмотреть полосу с “дежурной” информацией о сессии. Уже после семи вечера — звонок от не пожелавшего назваться доброхота:

- Вы послали журналиста в тракторосборочный цех?
- Зачем?
- Цех стоит!
- А что случилось?
- Это наш рабочий ответ на репрессии по отношению к нашему кандидату в депутаты Верховного Совета Шакиримува!

14 января

В Павлодаре появился первый коммерческий телевизионный канал — КТК-7. Он будет вещать четыре часа в сутки. Содержание: развлекательно-информационные программы, фильмы, информация о жизни области, реклама.

Месяц горожане смогут смотреть передачи канала бесплатно, а потом он будет закодирован и понадобится установка на телевизор специального декодера (25 рублей плюс десять — установка и настройка). Заготовлено уже две тысячи декодеров. Ежемесячная плата за просмотр КТК-7 — пять рублей. Судя по всему, неплохо заработают на нас организаторы этого проекта...

15 января

События развиваются как в лихо закрученном детективе. Тракторосборочный цех — главный цех завода — действительно простоял в пятницу две смены из-за решения сессии, не назначившей Шакиримова на его прежнюю должность. Не работал цех, во всяком случае, до 17 часов и сегодня, в понедельник. Подали заявления об увольнении начальник цеха Паничев и оба его заместителя.

В пятницу переговоры с забастовщиками вели генеральный директор, секретарь парткома, председатель профсоюзного комитета, но безуспешно. Бастующие потребовали приезда первого секретаря обкома. Сегодня утром он был в цехе, три с половиной часа говорил с его представителями, но и этот разговор ничего не дал...

Послали на завод Сергея Гурбунова, чтобы отслеживал ситуацию на месте.

К концу дня позвонили от Мещерякова — просит нас с редактором “Кызыл Ту” Альходжой Мухамеджановым зайти.

Встреча протекала в исключительно доверительно-уважительном тоне. М. сказал нам о том, что сначала приглашал заводчан в обком и прождал их в субботу до половины одиннадцатого вечера. А в понедельник поехал на завод сам — к восьми утра и объяснялся с ними до половины двенадцатого. Объяснял свою позицию — это его право предлагать кандидатуры на посты, утверждаемые областным Советом депутатов. Этот аргумент не был принят. Потом М. читал рабочим справку о том, как Шакиримов, используя служебное положение, менял квартиры — себе и родственникам. Тоже не сработало.

Примерно через полчаса после приезда М. на заводе появился и Шакиримов, он отмёл все обвинения М., сказал, что не согласится ни на какую другую должность (даже если Мещеряков уступит ему свою), вернётся лишь на прежнюю... А если этого не будет, то Ш. пойдёт работать в тракторосборочный цех — слесарем-сборщиком. Ещё Ш. сказал, что создаёт комитет по отзыву Мещерякова из народных депутатов СССР.

М. спросил, что мы обо всём этом думаем.

Я сказал, что сегодня Шакиримов предстаёт в глазах павлодарцев уже не только в роли жертвы гонений на авторов “письма-42”, но и в роли поборника перестройки и демократии, человека, противостоящего партаппарату. И это надо воспринимать как реальность, любое дальнейшее давление на Ш. будет

только способствовать появлению нашего “павлодарского Ельцина”. Я также сказал, что нельзя “kozyрять” справкой о квартирных злоупотреблениях Ш. на страницах двух наших газет: в войне компроматов победителей не останется — будут одни проигравшие. Все силы должны быть брошены на прекращение забастовки тракторосборщиков. Только в этом случае положение можно будет как-то выправить.

Я также дал понять М., что поспешность, проявленная им при решении на сессии вопроса о председателе комитета народного контроля, была неоправданной и чревата другими неприятностями. Ведь о “бунте на тракторном” станет известно в Алма-Ате и Москве, этой историей уже заинтересовалась московская “Рабочая газета” (бывшая “Социалистическая индустрия”), которая давно “имеет зуб” на наш обком партии за то, что газете в своё время не дали довести до конца идею с выборами генерального директора Павлодарского тракторного (её “зарубил” Г. В. Колбин — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана). Кстати говоря, одним из горячих сторонников идеи выборов директора и едва ли не её инициатором был как раз Шакиримов — в ту пору второй секретарь обкома партии, тогда же лишившийся своего поста.

Написать о “павлодарском скандале” захотят и другие газеты, говорил я, поэтому в качестве первого шага к локализации конфликта именно наши газеты первыми и должны сообщить о нём — с изложением ситуации, позиций сторон, призыва к здравому смыслу и т. д. М. ответил — надо подумать.

Вечером мне позвонила домой редактор многотиражки “Тракторостроитель” Людмила Бусыгина и рассказала о некоторых других подробностях происходящего. Она разговаривала с начальником цеха Паничевым и тот заявил: “Если на меня будут давить городское начальство и горком-обком, то я брошу им партбилет”. С ним говорил генеральный директор завода: “Ну что я должен сделать, чтобы ты пустил конвейер?”. А начальник цеха отвечал: “Конвейер-то я включу, но не уверен, что люди меня поддержат...”. То есть и сам он уже заложник ситуации: забастовка объявлена и идёт “не по правилам”, стихийно, но тракторосборщики отступать не намерены. Ситуация почти тупиковая, тем более что “волнения” могут перекинуться на павлодарскую ТЭЦ-1, где когда-то работал Шакиримов, в Экибастуз, где прежде его избирали депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Бусыгина говорит, что Мещеряков на встрече в тракторосборочном выглядел бледно, его “компромат” на Шакиримова не возымел успеха.

И не возьмёт, думаю я. Ещё и потому, что очень многие сегодня слышат только то, что хотят слышать. А говорящие озабочены лишь своими собственными речами и тоже никого не слышат. Как глухари на токовище. Лишний раз в этом убеждают “литовские события”.

Центральное телевидение три вечера подряд транслирует встречи М. С. Горбачёва в Литве. Поразительная вещь! Глава государства и просто человек едва ли не наизнанку выворачивается, убеждая себе подобных не рубить сплеча, подумать, обсудить варианты... А в ответ — глухаринная песня про независимость. Конечно, у литовцев наболело, у них есть свои доводы, и очень веские... Но при всём при том нет ни малейшего желания сделать хотя бы малый шаг навстречу, хоть чем-то помочь Горбачёву, благодаря которому и стал возможен “литовский демарш”, за которым явно маячат латвийский и эстонский... Мне кажется, и этот по-своему отчаянно-блестящий марафон М. С. в Прибалтике не увенчается успехом... Процесс пошёл, как выразился, и не однажды, сам М. С.

В стране и вообще-то творится чёрт знает что. В Нагорно-Карабахской автономной области — самая настоящая война. В Баку — погромы и охота за армянами. В Армении — 300-тысячный митинг протеста. Понятно, что проблемы, в том числе и национальные, копились многие годы, что жить стало труднее... Но люди мы в конце концов или не люди? Почему люди идут за экстремистами, а не дают им по физиономиям? Неужели же неясно, что никогда нельзя стать счастливым, делая несчастными других?

Говорится о необходимости введения чрезвычайного положения на “горячих” территориях... А их становится всё больше...

В Нахичевани низложена советская власть. Райком партии, райисполком, радиостудия захвачены местным “народным фронтом”. Населению роздано оружие, ранее конфискованное властями. Представители “народного фронта” заявили, что сложат свои полномочия лишь после “справедливого решения проблемы Нагорно-Карабахской автономной области” (она сегодня под контролем Армении, а Азербайджан считает её своей территорией)... Приплыли... Дальше, как говорится, некуда...

18 января

Подготовили материал по ситуации на тракторном — небольшой, но внятный — о том, что причиной забастовки стала сессия, кратко изложили позиции сторон. Мещеряков попросил показать текст, сделал пару существенных замечаний, не меняющих сути его содержания. Ещё он сказал, что утром было заседание бюро обкома с участием Шакиримова, на котором ему напомнили об ответственности, которую он — коммунист, член обкома — несёт за простой главного конвейера тракторного завода, посоветовали поехать туда самому и убедить людей возобновить работу. Что он и сделал: поблагодарил тракторосборщиков за поддержку, сообщил о заседании бюро... Словом, побузили — и хватит, а его правое дело может и впредь отстаивать инициативная группа в лице совета трудового коллектива цеха...

Главный конвейер завода, наконец, пошёл, можно было перевести дух, и Мещеряков был настроен несколько эйфорически... Я решил, что самое время сказать ему некоторые вещи, которые вряд ли могут им быть восприняты в другой обстановке. Напомнил ему об одном нашем разговоре — о том, что в его ближайшем окружении обязательно должны быть люди, способные сказать “Первому” — “нет”, независимо от того, понравится ему это или нет. В случае с Шакиримовым кажущееся единомыслие обошлось вам слишком дорого, убеждал я М. Не может быть, чтобы никто не предположил неблагоприятного развития событий, пусть и не столь нежелательных. Наверняка знали, но молчали или поддакивали, а некоторые, может быть, ещё и злорадствовали: наломал дров — пусть, мол, теперь покувыркается! Я сказал, что также считаю смещение Шакиримова шагом поспешным, недостаточно обдуманым, грозящим неприятностями и в будущем.

Мещеряков отвечал мне, что не считает сделанное ошибкой: если бы Шакиримов укрепился, “выкорчевать” его было бы ещё сложнее.

Пользуясь случаем, сказал М.: неплохо было бы ему иногда принимать меня в качестве “конструктивного оппозиционера”; не обижаться, если буду говорить не то, что от меня ждут услышать (и без меня есть кому поддакивать). Можно, разумеется, и не принимать то, что я скажу, но выслушать всё же не помешает.

Предложение было воспринято, как мне показалось, даже с воодушевлением, и я на всякий случай заручился поддержкой М. насчет усиления в газете критической линии... Всегда бы так встречаться...

Дали материал о забастовке на тракторном. В редакции он принят нормально, а от читателей раздалось несколько недовольных звонков: журналисты встали на сторону аппарата...

Позвонил и один из главных героев событий последних дней Шакиримов. Бодрым голосом сообщил, что говорит из своего служебного кабинета и покидать его не собирается... Читал наш "уклончивый" материал и считает: мы погрешили против истины, умолчав о том, что именно он сделал всё для того, чтобы запустить конвейер. И вообще, заметил Ш.: грядут горячие дни, и нам (то есть редакции) надо делать свой выбор...

Чем не политический детектив?

Я не разделяю позицию Мещерякова по отношению к Шакиримову. Однако же в качестве лидера перестройки Ш. тоже не приемлю. Ему, кстати, предложено на выбор пять мест работы: замдиректора тракторного завода или "Павлодар-энерго", директора строящегося завода "Весна" и т. д. Но всё это так называемые "хозяйственные" должности, и, конечно, по статусу они не соответствуют его посту председателя областного КНК.

Сегодня состоялось первое заседание президиума областного Совета народных депутатов, на котором обсуждалось обращение коллектива тракторосборочного цеха по поводу его забастовки. В ходе почти двухчасового разговора представителей цеха убеждали в противоправности их действий, в том, что "цех пошёл на поводу", что не было никаких оснований для подобного "демарша" и т. д. и т. п. И ни слова о том, что послужило первопричиной протеста тракторостроителей...

Наиболее яркой была речь прокурора области М. А. Дмитриенко. Он выступил как прирождённый оратор, с пафосом: прокуратура не позволит "замять" это дело, исковое заявление генерального директора завода в адрес руководства и коллектива тракторосборочного цеха уже поступило в областной суд и доведено будет до конца; прокуратура будет добиваться применения законных санкций в отношении противоправных действий, в результате которых в течение нескольких дней была парализована работа крупнейшего подразделения, прекратилась отгрузка продукции... Хотя, мне кажется, всё сказанное — лишь хорошо разыгранная карта, брошенная, чтобы припугнуть представителей цеха, подтолкнуть их к покаянию, желательно публичному... Дабы другим неповадно было...

С нашими редакционными буднями — не соскучишься... На днях дали негодующее письмо учительницы 37-й школы о фильме "Однажды в Америке", который идёт в городских кинотеатрах. Я смотрел его: фильм жёсткий, со сценами (и весьма натуралистическими) насилия, но, безусловно, талантливый, признанный в мире. Письмо опубликовали под рубрикой "Точка зрения" — с тем, чтобы потом и другие высказались. Учительница фильм разругала... А на следующий день собралось бюро горкома партии и объявило выговоры заведующей областной конторой кинопроката и директору городской киносети (они, разумеется,

коммунисты) за демонстрацию фильмов подобного рода. Мы тут же дали рецензию с припиской от редакции, призывающей к обсуждению, но бюро горкома с небывалой оперативностью прислало своё решение, требуя его немедленного опубликования. Вроде радоваться надо — отреагировали на наше же выступление, но решение-то глупое...

Пытался говорить на эту тему с первым секретарём горкома партии Байтеряковым: нельзя же выговорами решать такие вопросы, как пускать или не пускать на экран подобные фильмы, это же мировая классика... Плевать мне на то, что думает по этому поводу весь мир, ответил Евгений Дмитриевич, если сам я вижу, как систематически и целенаправленно развращают целое поколение.

Поговорил — словно мёду напился... Собираемся дать в одном номере решение горкома партии, выдержки из читательских писем и редакционный комментарий.

19 января

В стране день за днём дурные вести. В Закавказье введено чрезвычайное положение. Уже не межнациональная распря, а боевые действия между армянами и азербайджанцами. За несколько дней погибло 56 человек. Боевики с той и с другой стороны захватывают склады с оружием, бронетранспортёры и танки, обстреливают военные вертолёты из градобойных орудий... Берутся заложники с обеих сторон... И нет этому ни конца ни края...

Официальный представитель Азербайджана заявил в Москве, что между его страной и Арменией идёт война (разумеется, спровоцированная Арменией). Лидер Народного фронта Азербайджана в интервью турецкой газете утверждает: армяне получают самое совершенное оружие из США и Франции. Это, конечно, явный бред, но на определённую категорию людей действует.

Президент Ирана сделал заявление о том, что Советское правительство должно с пониманием и уважением относиться к сегодняшним процессам в Азербайджане, ибо это движение советских мусульман к благородному исламу.

У армянской стороны, само собой, свои доводы: наших соотечественников вынудили бежать из Баку, устраивали грабежи и погромы в их квартирах, избивали... Мы вынуждены защищаться с оружием в руках.

И у нас в конторе "конфликт на межнациональной почве". Опять "схватились" на планёрке. Б. как о некоей сенсации сообщил о том, что с городской учредительной конференции общества "Казак тили" ушла часть русскоязычных участников — завучи школ, протестуя тем самым против того, что разговор вёлся исключительно на казахском языке.

Наши тут же недовольно загудели:

— Это хамство!

— Такое нельзя оставить без последствий!

Я попытался урезонить народ: может, всё происходило не совсем так или даже совсем не так, как нам было преподнесено, никто ведь из нас не присутствовал на этой конференции.

Со мной не согласился П.:

— Это в тебе редактор говорит! — то есть как бы сама должность обязывает меня стоять на некоей официально-обязательной позиции.

К.:

— Нечего нам лукавить! Не надо забывать, что казахов в Казахстане меньше половины, поэтому подобному надо давать отпор.

Тут уж и я “завёлся”: от других мы требуем разума и взвешенности в поступках и словах, а сами демонстрируем нетерпимость.

Разговор перешёл на повышенные тона, я остался в меньшинстве, хотя был уверен, что я всё-таки прав. С каждым днём всё более убеждаюсь в том, что национальное чувство — вещь чрезвычайно острая, а временами и опасная, способная заглушить всё остальное, включая и голос разума.

“Казправда” выдала материал “Цена непродуманных действий” — о недавних событиях в Павлодаре, которые привели к остановке тракторосборочного цеха. Авторы Саша Бондаренко и Миша Чирков, бывшие журналисты “ЗП”. Материал хоть и не вскрывает всех корней конфликта, но даёт понять, что решение сессии о Шакиримове принято поспешно, по-силовому, а отсюда и всплеск страстей. Впрочем, сам Ш. в этой публикации тоже предстаёт далеко не героем. Неприятные вещи — прямо и косвенно — сказаны и в адрес Мещерякова.

Мне звонил Чирков и сообщал, что “добро” на публикацию давал сам Назарбаев, предварительно прочитавший материал...

Хорошо, что такой материал появился. Но извлекут ли для себя уроки “герои” недавних событий? Не уверен.

20 января

В Баку за последние дни убиты и ранены десятки человек, разгромлено более 200 квартир. Из города эвакуировано более десяти тысяч армян... У здания ЦК Компартии Азербайджана — нескончаемый многолюдный митинг. Ораторы осуждают факты бесчинств и насилия, требуют восстановления суверенитета на территории Нагорного Карабаха, говорят о нападении армянских боевиков на азербайджанские сёла, блокаде железных дорог.

Призывы ЦК КПСС, Верховного Совета, Совета Министров СССР к народам двух республик пока не возымели успеха. Введено чрезвычайное положение в Карабахе и некоторых других районах двух республик. Поможет ли это?

21 января

Во вчерашнем номере опубликовали полемические заметки Роберта Штарка “Ленин на стенде” — о бездумном тиражировании портретов Ленина в нашей “ненаглядной” наглядной агитации; о вреде его безудержного, часто примитивно-культового цитирования... Например, касаясь известного ленинского утверждения “Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи”, Штарк пишет, что это было сказано по вполне конкретному поводу, ещё до Октябрьской революции, и уж, конечно, не на все времена...

Подписывал материал не без некоторых опасений (всё же не готовы у нас очень многие к серьёзному разговору на эту тему), потом прочитал уже в полосе, пошёл к Штарку и сказал, что он молодец.

Коллектив тракторосборочного цеха дал телеграмму Н.А. Назарбаеву — о том, что сожалеет о выбранной форме протеста, что отставание в выпуске

тракторов, связанное с простым конвейера, исполнено, что средства массовой информации неправильно всё освещали. В телеграмме выражается надежда, что справедливость всё-таки восторжествует (надо полагать — в отношении Шакиримова).

Редактор “Тракторостроителя” Людмила Бусыгина передала мне свой обстоятельный разговор с начальником цеха Паничевым. Она его прямо спросила: “Почему вы — авторитетный руководитель, сильная личность — стали на сторону забастовщиков?”. — “Меня бы не поддержали, поступи я иначе”, — отвечал он.

В его ответе, как мне кажется, корень многих сегодняшних проблем, уже приведших к большим бедам и грозящих ещё большими бедами в будущем. Руководители — от бригадира до первого секретаря республиканского ЦК партии — иногда просто боятся пойти против “коллективного” мнения, которое, кстати сказать, часто таковым не является. Подобный “синдром коллективизма” характерен не только для конфликта на нашем тракторном заводе, но и, скажем, для того же Азербайджана, где руководитель республики, он же первый секретарь ЦК Компартии, боясь быть сметённым с политической арены, не в состоянии сказать своим бесчинствующим землякам-согражданам: “Что вы творите, опомнитесь!”.

Теперь в Баку объявлено чрезвычайное положение. Местный народный фронт активно этому препятствует: заграждаются тяжёлыми машинами подбеды к городу, солдат обстреливают из автоматов и пулемётов, есть раненые и убитые... Только в Баку разграблено более двух тысяч квартир, десятки жертв среди армянских беженцев...

Удастся ли остановить весь этот беспредел?

Мне трудно судить о глубинных причинах того, что происходит в Закавказье... Наверное, и там всё зрело не один день, не один месяц и даже не один год. А власти делали вид, что всё идёт как надо... У нас, слава Богу, до национальных распрей дело не дошло, но ведь и наши местные власти часто ведут себя так, будто в стране за минувшие пять лет ничего не изменилось. Регулярно бывая на заседаниях того же бюро обкома партии, я поражаюсь тому, что говорят и как поступают люди, облечённые властью. Контраст между тем, что слышишь в этом зале для посвящённых, и тем, что говорят на улице, в рабочей среде, настолько велик, что становится не по себе: не может же подобное продолжаться вечно... Неужели не понимают наши местные партийные руководители, что “негативные процессы”, происходящие где-то, могут прийти к нам? Как-то я прямо спросил об этом Мещерякова. Вопрос он воспринял на удивление спокойно и ответил мне в том духе, что “где-то” всё это потому и происходит, что там просмотрели, упустили, вовремя не пресекли; у нас же всё под контролем, мы всё делаем правильно...

Нет, переубедить, тем более перевоспитать таких людей невозможно. Это — система, а она не меняется...

В Москве — очередной скандал. На совещании в ЦК КПСС сразу несколько выступающих ополчились на “Комсомолку” — бесспорно, одну из лучших сегодняшних центральных газет. Суть претензии: газета возвращает молодёжь, опубликовала портрет голый проститутки рядом с фигурой Ленина. Нашёл газету. На самом деле она перепечатала снимок полуобнажённой россиянки из журнала

“Плейбой” — с редакционным, кстати, комментарием: мол, тот ли способ избрала молодая актриса для завоевания популярности?

История, можно сказать, не стоит выеденного яйца. Девушка ещё и в суд может подать за “проститутку”.

23 января

Лидер “неформалов”, депутат облсовета Галенко принёс письмо группы депутатов. Критикуют газету за информацию с последней бурной сессии, написанную в застойном духе. Эта же группа демократически настроенных депутатов требует созыва внеочередной сессии с обсуждением на ней вопроса о работе комитета народного контроля и его председателе.

С трудом подавляя раздражение, я спросил, догадывается ли он, в каких условиях мне приходится действовать? Ведь я редактирую не независимую, а партийную газету — со всеми вытекающими последствиями. Ещё я сказал, что и он должен воспринимать недавно сформированный депутатский корпус как объективную реальность, а не витать в облаках, как на прошедшей сессии, отвергнувшей все его “демократические инициативы”. Если он так будет вести себя и впредь, от него отшатнутся даже те депутаты, которые были настроены по отношению к нему вполне лояльно.

У него была своя тактика для этой сессии, отвечал Галенко, ему важно было побороть в себе генетический страх (наследие всей предыдущей жизни) перед депутатской массой. Поэтому он и шёл на трибуну всякий раз или выступал с места, даже зная, что его не поддержат. Галенко употребил любопытное определение, характеризующее, на его взгляд, душевный настрой, своего рода внутреннюю установку значительной части нашего депутатского корпуса, — воинствующая апатия.

Галенко намерен сформировать депутатскую группу демократической ориентации (пока дали согласие 12 человек), на днях состоится её первое заседание. Приглашал и меня. Сказал, что с ними народный депутат Ткаченко, “окончательно скомпрометировавший себя в глазах аппарата голосованием на съезде народных депутатов за обсуждение вопроса о 6-й статье Конституции”.

Несмотря на все мнимые препятствия, Галенко всё же выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета Казахской ССР. На собрании в “Севказэнергоремонте” он победил двух выдвиженцев этого предприятия. Могу себе представить реакцию “регулирующих” выдвижения кандидатов. Какие, интересно, рычаги будут теперь пущены в ход, чтобы не допустить регистрации Галенко? У меня самого к нему неоднозначное отношение. Уж очень он амбициозен, хотя до этого ничем особым на ниве школьного образования себя не проявил. Безусловно, умён, начитан, да и должен же кто-нибудь быть среди нас, депутатов, “возмутителем спокойствия”. Хотя мне самому, как редактору, Г., скорее всего, принесёт немало неприятностей.

Наш читатель, инженер Ермоленко, прислал письмо, в котором будто рентгеном просвечивает всю нашу “избирательную кухню”, делает на редкость точный и убедительный вывод о победе на выборах не народных избранников, а аппарата. Касаясь совмещения постов первых секретарей и председателей советов, с горечью подчёркивает: ни один из них в Казахстане не счёл возможным отказаться от такого совмещения, наоборот, восприняли как должное...

Состоялось официальное утверждение вновь назначенного председателя областного КНК. Шакиримов же, как мне сказали, решил неделю отдохнуть, а затем, как и обещал, пойдёт слесарем-сборщиком на тракторный завод.

Опубликован мой материал “Аллергия на гласность” — о нервной реакции на критические выступления газеты некоторых “тузов” нашей промышленности. Было несколько одобрительных звонков. Есть, однако, и обиженные...

24 января

Имел продолжительную беседу с Алексеем Серафимовичем Каменевым — немолодым уже человеком, близко к сердцу воспринимающим всё, что происходит в последнее время в нашей жизни. Он обещал выйти к обкому партии с плакатом протеста, если “ЗП” не опубликует четыре его письма, присланные в газету за два года. Хорошо поговорили. Человек он, конечно, интересный, хотя и резковатый. Последнее неудивительно, если иметь в виду, что он уже несколько лет ведёт переписку со многими местными инстанциями (по проблемам экологии, коммунального хозяйства и другим) и, разумеется, безрезультатно. Нам с ним всё же удалось найти общий язык. Лишний раз убедился в давно известном: зачастую человеку надо лишь, чтобы его выслушали...

В тот же день пришёл депутат облсовета Иван Иванович Смелаш — из радикально настроенных, но, похоже, здравомыслящих. Как он сам заявил: “Держись позиции твёрдого центра”.

Принёс письмо — отклик на сессию. Ругает её за недемократичность, поспешные решения, узурпацию власти председателем... Когда я спросил, можем ли мы использовать его письмо по собственному усмотрению, решительно воспротивился. “Вы уже использовали моё письмо во время предвыборной кампании — оставили несколько строк!”.

Колоритная фигура! Высокий, жилистый, бородатый... Ему 47 лет, водитель “КамАЗа”. Ещё 20 лет назад написал заявление о выходе из партии, не желая быть в ней “рядом с хапугами и воругами”.

Сама жизнь заставляет делать выбор в пользу гласности — попробуй такому откажи!

Приехал собкор газеты “Экономика и жизнь” Борис Кузьменко. Цель — написать о конфликте, спровоцированном сессией. Был на заводе, встречался с делегацией экибастузцев, поддерживающих Шакиримова... Сказал мне, уходя: “Похоже, вы тут сами родили Ельцина областного масштаба...”.

Приходила народная депутатка СССР Галина Амангельдинова. Ей предстоит выступить на заседании какой-то депутатской группы. Советовалась — как и о чём говорить, чтобы не попасть впросак. Всё же история с неудачным

выступлением на съезде народных депутатов, вызвавшая волну возмущения и у нас в Павлодаре, пошла ей впрок.

Вообще же, четыре таких визита, как сегодня, для одного дня многовато...

В. Гольшшкин побывал по туристической путёвке в Финляндии и написал любопытные заметки.

Ну, например, финны настолько законопослушны, что в сельской местности у них вообще нет полицейских (аналога наших участковых).

Средняя зарплата в стране — восемь тысяч марок в месяц, из которых примерно треть уходит на налоги. Это много, зато Финляндия — одна из самых благоустроенных стран с общим высоким уровнем жизни, бесплатным образованием, разветвлённой системой социальной поддержки своих граждан.

Какие-то немыслимые льготы (по нашим, разумеется, понятиям) у финских женщин, имеющих детей: декретный отпуск 263 рабочих дня с выплатой 70-80 процентов зарплаты (если мать не работала — всё равно платят — 52 марки в месяц из расчёта средней зарплаты по стране), плюс так называемый “материнский” пакет со всеми детскими принадлежностями на 1500 марок, плюс ежемесячные доплаты на каждого ребёнка до достижения им 16 лет. Однако многодетных семей в Финляндии очень немного, обычно ограничиваются одним-двумя детьми.

И ещё: здесь доплачивают фермерам за то, чтобы они не сеяли слишком много зерновых (это чревато перепроизводством пшеницы) и не держали “лишнего” скота...

Нам бы их заботы!

25 января

По уточнённым данным, с 20 по 22 января в Баку погибли 93 человека, в том числе 75 гражданских лиц, телесные повреждения получили 639 гражданских и 76 милиционеров и военных.

Опроверяются слухи о том, что до полутора тысяч трупов спрятаны на пароме.

В прошлом году за счёт всех источников финансирования в области введено 627 тысяч квадратных метров жилья... А всего за три минувших года по программе “Жильё-91” справили новоселье 39,8 тысячи семей.

Опубликовали большой и толковый материал Ю. Ковхаева с читательскими откликами на наши публикации о фильме “Однажды в Америке”, на сам фильм и размышлениями автора. Ковхаев за то, чтобы показывать всё, но обязательно с возрастными ограничениями.

О решении бюро горкома партии в материале нет ни слова — так мы с Ковхаевым договорились... Умные люди и так всё поймут, дуракам же бесполезно что-либо доказывать.

26 января

Опубликовали впечатления павлодарской студентки А. Миляевой, побывавшей недавно в ФРГ. Помимо прочего, она пишет, что старалась не смотреть на витрины магазинов, боясь получить нервное потрясение от многообразия и

изобилия товаров. Пишет: теперь ей понятно, почему из советского издания популярного западногерманского женского журнала “Бурда” изъята половина страниц — наши соотечественницы голову сломают, отгадывая, для чего предназначено всё это рекламируемое косметическое великолепие.

27 января

Сегодня — редкий случай — свободная суббота. С утра сходил на лыжах, отдохнул душой и телом. Хорошо в пойме. Светло, спокойно, чисто, снежок валит...

Вечером засел за срочную работу — запоздалый отчёт с прошедшей сессии. Задача не из простых: удовлетворить амбиции депутатов, обратившихся с письмами (на некоторые из них так и тянет дать “отлуп”), изложить не только ход сессии, но и передать тон её, соблности все “балансы”, чтобы не вызвать нового всплеска эмоций, да ещё лицо сохранить... Тяжкая эта ноша, когда обязательно надо и “вашим”, и “нашим”...

Как бы там ни было, надо хоть мелкими шажками отвоёвывать новые позиции, раз за разом поднимать в газете планку гласности, сохраняя при этом здравомыслие и порядочность.

В Тюмени и Волгограде со скандалом освобождены от должности первые секретари обкомов партии (в Тюмени ушло в отставку бюро обкома в полном составе). В обоих случаях не последнюю роль сыграли СМИ. И там, и там местные партийные “вожди” были не в состоянии адекватно реагировать на меняющуюся обстановку и ушли с позором.

Неужели же наши не понимают, что и с ними может произойти то же самое, если не изменят тактику, не станут действовать гибче? Хотя многие из наших вряд ли способны меняться...

Прочитал сегодня в “Комсомолке”: некоторые из военных были против введения армейских частей в Баку, цитируются их телеграммы Горбачёву и Рыжкову на этот счёт... Но та же “КП” несколько дней назад писала: чрезвычайное положение надо было вводить на неделю раньше — тогда не было бы стольких жертв. Кому верить?

Похоже, ситуация в стране близка к неуправляемой. И вряд ли её можно изменить, потому что мы, желая жить по-другому, многое оставляем как было. Углубляется пропасть между центром и регионами, радикалами и консерваторами. И ни малейшего желания понять друг друга. Тютчев сказал когда-то: умом Россию не понять... Кажется, не понять умом и весь наш великий Союз...

В Ильичёвском райкоме партии в торжественной обстановке вручён партийный билет Е. Г. Курбатовой. А исключили её, учительницу, почти полвека назад, когда осудили за “измену Родине”.

Самое паразитическое, что после всего случившегося ей самой оказалось это надо — быть восстановленной в партии, которая когда-то вышвырнула её из своих рядов.

Надо будет написать о судьбе Курбатовой.

Крупнейший в области, да, наверное, и в Казахстане трест “Экибастуэнергострой” — фактический банкрот. Никого из его руководителей это особенно не трогает: трест всегда был так называемым планово-убыточным предприятием. “Москва поможет!” — ответил один из замов управляющего нашему собору в Экибастузе Ахметову в ответ на вопрос — как они собираются жить дальше.

Наша читательница Шилова позвонила в редакцию: они с мужем решили испытать чудодейственную силу английского экстрасенса, с телеэкрана ремонтирующего часы. Когда этот сюжет повторяли в программе “7 дней”, они поставили перед экраном старый будильник “Слава”, “молчавший” уже два с лишним года, и через десять минут он ожил. Не знаешь: верить — не верить. Но заметку в подборке “200 строк в субботний номер” даём...

29 января

“Известия” в короткой, но ёмкой заметке “прошлись” по нашей недавней сессии, назвав все вещи своими именами...

Может, ещё и поэтому, зайдя к Мещерякову, чтобы показать ему написанный мной материал о сессии, застал его в расстроенных чувствах. Материал он принял, не согласившись лишь с тем, что должен был поговорить с Шакиримовым до сессии: “Как я мог это сделать, ещё сам не будучи избранным на должность председателя?”. Добавили это его замечание.

Конечно, он прочитал “известинскую” заметку. Я сказал, что она, скорее всего, не последняя, и главное — не втянуться в дальнейшую свару.

М. снова показывал мне справку о шакиримовских квартирах — теперь уже более детальную... Как же ему хочется дать ей ход! Он думает: люди всё узнают, изменят своё мнение, и разом изменится ситуация. Я убеждал его не делать этого — результат будет как раз противоположный.

Заходил С. П. Шевченко. Он собрал публикации из пяти центральных газет о ситуации в Волгограде. О кризисе доверия к первому секретарю обкома пишут по-разному, но звучит и один общий мотив: будучи сам яркой, сильной личностью, он окружил себя угодливыми, податливыми членами бюро, которые могли только соглашаться и поддакивать. Вот и доподдакивались — все вынуждены были уйти в отставку.

Будет удобный момент — надо привести этот пример Мещерякову.

30 января

Милиция устраивает облавы на спекулянтов, торгующих водкой. Ловят их, ловят, штрафуют, штрафуют, а всё без толку. Пока есть дефицит, будет и подпольная торговля. Дошло до того, пишет у нас в газете замначальника областного УВД, что спекулянт водкой при попытке его задержания сбил машиной сотруdnика БХСС, и милиционерам пришлось применить оружие.

31 января

Опубликовали мой запоздалый отчёт с сессии. На планёрке В. Гольшкин отметил нашу смелость, а Н. Попов назвал материал настоящим прорывом в

демократию. Я постарался перевести всё это в шутку, с грустью осознавая: вот если бы мы сами, без депутатского подталкивания, сразу дали такой отчёт...

Позвонил второй секретарь обкома Дуйсембаев и, высказавшись иронически: “Бузите, ребята?” — посоветовал быть осторожнее.

Позвонил С. П. Шевченко: “Несмотря на все “извивы”, “уклоны” и “уходы”, есть три достоинства: всё же прозвучало письмо депутатов, недовольных ходом сессии и её решением; как бы там ни было, есть критика в адрес первого секретаря — председателя облсовета, чего прежде не случалось; как бы нас ни давили и душили, демократия проявляется и у нас в провинции”.

Позвонил читатель, пожурил за опоздание с публикацией и сказал в заключение, что мы всё равно молодцы.

Были, впрочем, и другие отклики: депутат И. И. Смелаш назвал мой отчёт “успокоительным” и по-прежнему требует опубликовать его письмо.

А история с Шакиримовым продолжает закручиваться. Группа избирателей из Экибастузского округа, от которого был избран депутатом Ш., встретилась с представителями тракторосборочного цеха для координации совместных действий. А действия эти таковы: заявлен публичный протест в газете “Голос Экибастуза” против решения сессии облсовета с требованием к Мещерякову ответить. А поскольку ответа не последовало, инициативная группа обращается уже к нам в “ЗП” с тем, чтобы была собрана внеочередная сессия и тайным голосованием решила судьбу Шакиримова. Кроме того, инициативная группа настаивает, чтобы свою позицию по поводу случившегося выразили депутаты Экибастузского горсовета. Представитель экибастузцев Сулейменов требовал от меня опубликовать письмо с изложением его взгляда на случившееся, сказав, что аналогичное он уже отправил Горбачёву.

В довершение ко всему наш молодой журналист Володя Карпов сообщил мне последнюю новость: он только что говорил с начальником тракторосборочного цеха Паничевым (по другому поводу), и тот между делом сообщил — он только что подписал приказ о приёме на работу Шакиримова слесарем-сборщиком.

Ну чем не театр абсурда?

Вчера же больше двух часов беседовал с ответственным (есть такая должность) и завсектором ЦК Компартии Казахстана. Разговор был откровенный и доброжелательный, я им откровенно говорил о непонимании, которое бывает во взаимоотношениях с аппаратчиками из обкома... Кажется, это было встречено с пониманием. Они произвели на меня хорошее впечатление. Не уверен только, что будет прок от этой беседы...

А вообще, ощущение от жизни в последнее время такое, будто вся общественно-политическая атмосфера и в стране в целом, и у нас не только электризуется, но ещё и густеет, уплотняется... Мне кажется, я физически это ощущаю, как животные предчувствуют приближение природных катаклизмов.

Дай-то Бог ошибиться...

Публикуем тассовский отчёт Минстата СССР. В нём есть интересные сведения. Население СССР на начало этого года составило 288,8 млн. человек, увеличившись за год на 2,1 миллиона, или на 0,7 процента. Но коэффициент рождаемости уменьшился с 18,8 до 17,6 родившихся на 1000 человек. Продолжительность жизни — 69,5 года (на прежнем уровне).

Среднемесячная зарплата в народном хозяйстве выросла с 220 до 240 рублей, колхозников — со 182 до 196 рублей. Зарплата в кооперативах — 500 рублей.

В прошлом году из-за забастовок не работали каждый день 30 тысяч человек, из-за чего прямые потери составили 800 млн. рублей.

Наш химзавод наращивает производство шампуня “Диона” с женьшеневой добавкой. В прошлом году выпущено 360 тонн “Дионы”, в этом планируется — не менее 600. Шампунь перестал быть в Павлодаре дефицитом, я вожу его в подарок своим друзьям (даже в Москву).

Выращивание женьшеня из живой клетки методом биотехнологии наладили в Павлодаре Рузиль Гарифуллин. Мы дружим с ним, у него грандиозные планы по налаживанию производства в Павлодаре косметики высокого класса. А у меня в планах — написать о самом Гарифуллине — неординарном человеке с большим будущим.

1 февраля

Прочитал в “ЗП” (публикуем статотчёт), что численность населения Казахстана на начало этого года превысила 16,7 миллиона человек и увеличилась за год на 181 тысячу человек, или на 1,1 процента.

Денежные доходы населения выросли на 10,7 процента, среднемесячная зарплата превысила 230 рублей.

И ещё неожиданная для меня информация: около 300 тысяч человек в Казахстане не работает и не учится (речь о трудоспособном населении).

А наш облстат приводит такие данные: в прошлом году в области за счёт всех источников финансирования сдано в эксплуатацию 627 тысяч квадратных метров жилья. Жилищные условия улучшили 13 тысяч семей (за три года — 40 тысяч), однако в очереди — ещё свыше 30 тысяч семей (только по программе “Жильё-91”).

3 февраля

Почти сенсация!

Публикуем на первой странице репортаж Володи Бугаева со снимками. Из Павлодара в Ермак теперь можно добраться не только на автобусе, поезде (а летом — на теплоходе), но и на самолёте. Время в полёте — десять минут, цена билета — один рубль (на автобусе и поезде, соответственно, 80 и 90 копеек), ежедневно выполняется по восемь рейсов, за первые три дня перевезено более 500 пассажиров. Ермак — седьмой райцентр в области, куда регулярно летают самолёты из Павлодара.

Наш читатель А. Грибов пишет о том, как он недавно “отоваривался” спиртным по талонам. В двух магазинах, где он пытался купить водку, всё как будто специально сделано для того, чтобы унижить покупателя: очереди, толчея, теснота, “жучки”, предлагающие свои услуги. Публикуем его письмо, но вряд ли будет прок.

5 февраля

Самое яркое событие последних дней — встреча с одноклассниками на традиционном вечере выпускников нашей Берёзовской школы. Мы “выпускались” в 1970 году и считаемся юбилярами, поэтому получили особое приглашение.

Я думал, что быстротекущая жизнь с её большими и маленькими заботами основательно притупила мои некогда очень сильные чувства к школе и одноклассникам (не побоюсь их назвать трепетными), но, оказалось, эти чувства живы, просто дремали до поры до времени... Это был тот случай, когда надежды оправдываются, и даже с лихвой. Наверное, дело ещё и в том, что у нас была хорошая школа и хорошие учителя — яркие, самобытные люди, сумевшие создать в школе удивительную атмосферу — атмосферу большой дружной семьи...

Из Павлодара ехали втроём: мы с одноклассницей Надей Асылгожиной и моя учительница Алла Ивановна, с которой мы дружим много лет и которая волновалась перед будущей встречей не меньше нашего.

В совхозе я заехал на заваленное снегом кладбище к отцу, с трудом пробившись к его могиле, а оттуда отправился на разъезд “Осенний” — встречать моих одноклассников и друзей Пуцелевых — Анатолия и Надю, которые ехали из Барнаула на поезде. Толька был моим лучшим другом с самого раннего детства, с Надей мы соперничали в учёбе, ревниво следя за успехами друг друга. Однажды, в классе седьмом, она написала сочинение в стихах, и Алла Ивановна мне с досадой выговаривала: “Лукьянцева-то (это её девичья фамилия) вон какую поэму отгрохала, а ты...”

В старших классах Толька с Надькой, если и испытывали взаимную симпатию, то тайную, во всяком случае, незаметно было, чтобы они “дружили” (так мы тогда говорили о тех своих одноклассниках, которые явно тянулись друг к другу, и не только “по-товарищески”)... А когда Толька уходил в армию, Надька передала ему письмо через свою подругу Лиду Мацкевич, в котором предлагала ждать его со службы, если, конечно, у него по отношению к ней есть какие-то чувства...

Она дождалась его из армии, и я, студент журфака КазГУ, даже приезжал за тридевять земель (из Алма-Аты) на их свадьбу в совхоз, на которой исполнял роль дружки.

На “Осенний” я приехал за полчаса до их поезда. Тут же подошла электричка из Омска, из которой совершенно для меня неожиданно “вывалили” Серёга Личман и Иван Краснов, мои одноклассники с нашей же улицы Абая. Сергей теперь живёт в Омске, а Иван — в Балхаше. Парни, конечно, возмужали, “раздались”, но ещё вполне узнаваемы.

Вскоре прибыли и Пуцелевы. Удивительно, но Надя почти не изменилась, даже по-своему похорошела — уже зрелой женской красотой. А Толян, похоже, заматерел...

Дальше — калейдоскоп событий: вечер в школе, которая была построена уже после нас, доклад нашего директора Павла Васильевича Марковского (вот над кем время не властно); потом нас, “юбиляров”, представили нынешним выпускникам (и, оказалось, всех “переплюнула” Майра Нургалиева, у которой уже четверо детей); было немного не по себе, когда стали перечислять мои регалии... Потом были многочисленные речи, включая мою, которую Серёга Личман оценил так: ну разве после такого выступления ещё хоть кто-нибудь осмелится говорить? Потом нас повели в школьный класс, где есть уголок, посвящённый моему отцу — фронтовику и целиннику, и где оказались также вырезки с моими первыми наивными заметками из нашей районки...

Застолье было в доме у нашего одноклассника, а ныне главы местного сельского совета Кенесары Едрешева, которого мы со школьных лет именуем Комиссаром, и его супруги Бижамал. Во главе стола — наши учителя Дарья Александровна Русских (она нас “выпускала” в 1970 и до сих пор работает в школе) и Алла Ивановна Антоненко, учившая нас с четвёртого по седьмой класс. Дальше — все мы: кроме уже названных — Вовка Скотских, Вовка Джумалинов, Мишка

(Мейрамбек) Утеуов, Нина Переварова, Лена Кирсанова, Маша Тарасенко (мужики наши вились вокруг неё всю ночь, Серёга Личман дурашливо пытался с ней познакомиться). Было шумно, весело, бестолково, временами разговор “выходил из берегов”, когда все пытались говорить сразу. В таких случаях я замечал: “Теперь вы можете представить атмосферу редакции, в которой мне приходится работать...”. Танцевали, в том числе и мой любимый вальс, рассматривали старые фотографии и фотографировались заново...

Примерно к половине седьмого утра наименее стойкие засобирались по домам (у кого было куда). Остальные, выйдя вместе с нами и попрощавшись “до завтра”, спустя минут двадцать вернулись и, к ужасу хозяев, сделавших вид, что ничего особого не случилось, продолжили гульбу.

Я в знак протеста ушёл в одну из комнат, но поспать мне не дали: один за другим зачастили “ходоки”: “Ты что, обиделся?”. “Пойдём, все тебя зовут!”. “Ну как ты тут, не скучаешь?”.

Пришлось вставать. Уже рассвело, и я отправился бродить по ещё пустынному (воскресенье!) заснеженному селу. Обошёл его почти всё, подышал свежим, с морозцем, воздухом, полюбовался знакомыми берёзовыми колками, заваленными снегом. Вернулся уже не просто успокоившимся, но даже просветлённым...

Суматошно прощались... И уже в дороге пришла (и теперь ещё живёт) грусть — оттого, что всё уже позади и что таким составом мы, наверное, больше не увидимся, оттого, что не было на этот раз с нами Лильки Сычёвой, которая теперь где-то в Удмуртии, и двух моих друзей Сәнек — Гоаса (в Киргизии) и Пыстина (в Новосибирске)...

Да, все мы давно разделены временем и пространством, давно живём каждый своей жизнью, но часть моей души — по-прежнему вместе с ними...

7 февраля

Третий день идёт Пленум ЦК КПСС. Печатаем доклад М. С. Горбачёва, изложение выступлений. А “Правда” все выступления даёт полностью. М. С. говорит о том, что партия должна быть готова действовать в ряду других общественно-политических структур (читай — в условиях многопартийности, хотя само это слово и не было произнесено). Похоже, предрешена участь 6-й статьи Конституции, провозглашающей руководящую роль партии в обществе, и чем дольше партаппаратчики будут за неё цепляться, тем хуже будет для всей партии.

Также идёт речь о необходимости кадровых перемен в высших эшелонах партийной власти, о пересмотре структуры ЦК КПСС, об альтернативных выборах на предстоящий съезд и в руководящие органы партии.

М. С. пытается удержать хрупкое равновесие, найти оптимальный путь между радикалами и консерваторами в партии. Не знаю, удастся ли ему это, но знаю, что сам по себе партаппарат на местах никогда не откажется ни от власти, ни от привилегий.

Я вижу, как меняется в последнее время “секретарский корпус” разных рангов: от райкомов до ЦК. Среди партийных секретарей преобладают хозяйственники: бывшие руководители предприятий, различных отраслевых структур. Так вот, хозяйственники они, наверное, неплохие, а может, даже и хорошие (я ведь многих наших местных знаю и хорошо к ним отношусь), но беда в том, что никакие они не политики, и большинство никогда таковыми не станут: они воспитаны по-иному, в иной шкале ценностей, у некоторых из них туговато с интеллектом. И это, скорее, не вина, а беда подобных людей, но от этого не легче: где они, другие светлые головы, готовые работать в новых условиях?

Между тем кризис в партии углубляется. В Свердловске многие партийные организации потребовали отставки бюро обкома во главе с первым секретарём. А он взял и укатил на Пленум ЦК. Хотя только что сообщили: оказывается, подал в отставку.

Исключён из партии бывший член ЦК КПСС (и даже, кажется, кандидат в члены Политбюро) бывший первый секретарь Ленинградского обкома партии Соловьёв — за покупку (с какими-то льготами) “Мерседеса”.

Очень жёсткая пространная статья в “Правде” с заголовком, не требующим комментариев — “Алиевщина” — о нравах, царивших в Азербайджане в пору, когда здесь безраздельно властвовал первый секретарь ЦК Компартии республики Г. А. Алиев, впоследствии член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Предсовмина СССР.

Добавление из 2005 года. Придёт время, и Г. А. Алиев вернётся в Азербайджан, станет его президентом. Он очень многое сделает для налаживания жизни в разорённой республике, наладит её нормальные отношения с Россией. Он будет с почестями похоронен на родине, оставив о себе добрую память.

10 февраля

Наконец-то дошли руки до чтения материалов Пленума ЦК — осилил всё, что мы напечатали.

Из доклада М. С. Горбачёва:

“Наш идеал — это гуманный, демократический социализм...”

... Продвигаясь по пути перестройки, мы увидели, что кризис, поразивший страну, глубже и серьёзней, чем можно было предполагать...

... События последнего времени показали, что перелома к лучшему пока не произошло...

... Особенно большое недовольство советских людей вызывает положение с продовольствием”.

Обсуждается платформа ЦК КПСС к предстоящему XXVIII съезду. В выступлениях, помимо прочего, говорится о необходимости признания многопартийности и отмены шестой статьи Конституции.

Много критики в адрес партаппарата, который в связи со всеми новыми веяниями нутром чувствует угрозу самому себе, поэтому и тормозит всё дело, тем самым дискредитируя партию.

Первый секретарь ЦК Компартии Литвы сказал, что пора подумать о законе, определяющем порядок выхода республик из Союза.

Б. Н. Ельцин сказал, что эта длительная монополия партии на власть превратила её в бюрократическую структуру, которая довела страну до крайнего состояния, а народ, десятки миллионов людей — до нищеты, за что надо отвечать.

Но, может быть, самым жёстким по тону и аргументации было выступление члена ЦК, посла СССР в Польше В. И. Бровикова. Цитирую по отчёту с пленума, который мы публикуем:

“... В документе достаточно дифирамбов в адрес перестройки, критики далёкого прошлого и щедрых посулов на будущее, но зато практически отсутствует оценка настоящего, допущенных не когда-то, а за перестроечный период ошибок. В последнее время мы как-то больше стали дорожить не своими собственными оценками нашей собственной работы, а тем, как нас оценят господа на Западе...”

Мы как-то всё стараемся доказать, что народ за перестройку, но позвольте спросить: за какую? Не за ту ли, которая за неполные пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела её к черте, у которой мы лицом к лицу столкнулись с разгулом анархии, деградацией экономики, гримасой всеобщей разрухи и падением нравов? Утверждать в этой ситуации, что народ “за”, что всё это ему по нраву, по меньшей мере, политически непорядочно...

Кстати сказать, понятие “перестройка” одинаково успешно эксплуатируется и истинными сторонниками революционных перемен и реакционерами, и друзьями Советского Союза и его недругами, и теми, кто за социализм, и теми, кто всю жизнь с ним оголтело борется. Всё это результат... личных ошибок, которые допустили руководители нашей партии и государства...

Мы надеемся, что возведённая в абсолют демократия всё расставит по своим местам в политической сфере, а рынок — в экономике. И коль скоро всё получается наоборот, то виноваты, видите ли, не руководители в центре, а исполнители на местах.

... Больше всего для нас стало модным списывать все наши беды на “проклятое прошлое”. А мы-то давно расхлёбывали не суточные щи вчерашнего застоя, а кашу, заваренную сегодня из продуктов перестройки...

Да, скорее всего, недолго ещё оставаться товарищу В. И. Бровикову и членом ЦК, и послом.

В одном из выступлений предлагалось провести денежную реформу, в другом давался отпор тем, “кто толкает страну на путь буржуазного реформаторства и восстановления частной собственности”.

Е. К. Лигачёв сказал, что “главную, смертельную угрозу для перестройки, для Советского Союза представляют мощные силы националистического, сепаратистского, антисоциалистического толка...”.

И ещё из выступления Е. К. Лигачёва: “Чистосердечно, откровенно хочу сказать: чертовски хочется заняться конструктивной работой...”.

Обсуждается идея создания самостоятельной компартии России. Один из ораторов заметил, что не представляет себе единой КПСС без коммунистов России, которая является стеновым хребтом державы, многонационального государства.

Гендиректор НТК “Микрохирургия глаза” С. Н. Фёдоров сказал, что обсуждаемая платформа “хочет объединить необъединимое — старые, отжившие принципы и новое мышление... платформа временами проникнута некоторым духом насильственного центристского метода построения гуманного демократического социализма...”. Ещё он сказал: “Скучно сегодня и в низах нашей партии. Она давно потеряла свою привлекательность для активных людей. Жизнь у солдата партии, как у рекрута Павловской армии”.

Академик С. С. Шаталин: “Платформа в ряде мест написана очень лоскутно, слезливо, часто непрофессионально... В платформе много политического апломба, монополизма КПСС...”.

Так что уж чего-чего, а плюрализма на этом пленуме, отчёт с которого занял у нас в “ЗП” три полных номера, хватало...

Публикуем короткое сообщение облуправления торговли о том, что “благодаря организованному проведению зимовки скота и успешному осуществлению мероприятий “Программы-53” совхозы и колхозы обеспечили сверхплановый прирост производства молока, масла и с 1 марта норма его отпуска по приглашениям будет увеличена до 350 граммов на человека”.

На работе — относительное затишье: печатаем материалы пленума ЦК и прочую “обязаловку”.

“Друзья” из обкома запланировали мой отчёт на бюро обкома партии о работе областной организации Союза журналистов. Позвонил секретарю обкома Ажибаевой: “Алма Муқановна, неужели вы всерьёз считаете, что “повышение ответственности Союза журналистов за идейный уровень публикаций” — наиболее актуальный вопрос для обкома партии?”. Обиделась: “Ну вот, вы нас уже и учите...”.

... Бесконечная и часто бессмысленная череда дурацких, ничёжных, пустых забот, от которых никуда не деться. Меня это бесит, но сделать ничего не могу...

Такое ощущение, что этот пленум ЦК КПСС вообще никогда не закончится... Три номера были посвящены докладам и прениям по платформе ЦК КПСС к предстоящему съезду партии. Четвёртый номер почти полностью заняли дебаты по “литовскому вопросу”.

Собственно, оценка раскольническими действиям “литовских товарищей” уже была дана — однозначно осуждающая... Теперь М. С. Горбачёв в своей речи добавляет, что “суть перестроечных процессов в Литве сводится к одному — необходимости национального обособления, выходу республики из состава Союза”.

М. С. продолжает увещевать литовцев и, учитывая всю сложность момента, считает допустимым функционирование двух руководящих органов компартии — “отколовшегося” ЦК КП Литвы и временного ЦК КП Литвы (на платформе КПСС). Что, в свою очередь, позволило бы всем коммунистам республики принять участие в съезде КПСС.

(Напомню, что М. С. с группой членов ЦК КПСС ездил в Литву, пробыл там несколько дней, провёл множество встреч в самых разных аудиториях, но, судя по всему, на общее развитие сепаратистских настроений в стране эта поездка не повлияла).

На пленуме выступили два первых секретаря ЦК КП Литвы: “отколовшийся” — Бразаускас, и остающийся в КПСС — Бурокавичус. Первый говорил о том, что “их партия” действует, учитывая настроения большинства общества, и что рейтинг партии после её недавнего съезда существенно поднялся. Второй без обиняков заявил: “Сепаратистское крыло Компартии Литвы не признаёт социалистической государственности Литвы... Главная цель — в создании независимого Литовского государства вне состава СССР”.

Не раз говорилось на пленуме о той роли, которую играет в наращивании сепаратистских настроений в Литве хорошо организованное движение “Саюдис”, контролирующее практически все средства массовой информации. Первый секретарь Вильнюсского горкома партии Литвы сказал, что СМИ в этой республике сегодня не столько отображают реальные процессы, сколько формируют в нужном направлении — нужном прежде всего “Саюдису”. Звучало на пленуме и такое: “Саюдис” генерирует идеи реставрации буржуазного строя, а исполнителями их становятся руководители “самостоятельной” Компартии Литвы”.

Секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев назвал происшедшее в литовской парторганизации “ударом по перестройке в момент самый трудный, самый ответственный, самый критический...”. Самого Яковлева некоторые из выступавших тоже критиковали, считая, что и он повинен в том, что происходит в Литве. Критиковали и пленум ЦК КПСС — за нерешительность и двойной подход в оценке литовских событий. Один из секретарей ЦК КП Литвы (на платформе КПСС) прямо заявил: компартия Литвы вышла из КПСС и туда не вернётся, она не

коммунистическая, её цель — оторвать Литву от Советского Союза... Да, скорее всего, литовцев в Союзе не удержать, разве что силой. И пленум лишний раз подтверждает это.

Были с А. М. Мухамеджановым у Мещерякова, который всем своим видом демонстрировал нам свое особое расположение. Видимо, события последнего времени его основательно “припекают”. Договорились о публикации интервью М. по межнациональным отношениям.

... Вообще же, в коридорах партийной власти царят растерянность и напряжённое ожидание. В одном из кабинетов знакомая инструкторша обкома так и спросила: “Что с нами будет, вы не знаете?”.

А. М. Ажибаева пригласила “на совет”. Оказывается, у Мещерякова возникла идея опубликовать в двух областных газетах открытое письмо о сложившейся ситуации и личности Шакиримова. А. М. спросила — как я к этому отношусь. Сказал, что отношусь крайне отрицательно. Ведь за этим письмом (если оно, конечно, появится) тут же появится ответ — наверняка более сильный, чем само письмо — о стиле и методах работы первого секретаря обкома. И тогда ситуация ещё более усугубится, вокруг Ш. объединятся не только все противники М., но все те, кто так или иначе противостоит партаппарату. Значит, нужны будут “новые решительные шаги”, но то же самое станет делать сторона Ш. И так — до бесконечности. При этом авторитет Ш. как борца за справедливость будет только нарастать, а авторитет М. — падать.

На следующий день меня позвал уже сам Мещеряков — по тому же поводу. Я без обиняков сказал ему, что если продолжится война до победного конца, то победителей в ней не будет — останутся одни проигравшие. А сам он, заиклившись на этом конфликте, начнёт всё более упускать другие дела. Его широко разрекламированные программы будут тормозиться, последует потеря темпа — этого главного козыря, которым он сегодня гордится. Более того — начнёт валиться и то, что пока держится во многом лишь благодаря его нынешним жестокатым, но в чём-то оправданным действиям.

Ещё он спросил — имеет ли смысл ему встречаться с Шакиримовым? Я сказал, что встреча нужна, надо объяснить. И пусть некоторые посчитают это проявлением слабости, на самом деле М. получит лишние аргументы для объяснения своей позиции в любой аудитории.

Судя по всему, М. нутром чувствует опасность, лихорадочно ищет выход из ловушки, которую сам себе устроил. Ищет и пока не находит..

Тут, как мне кажется, налицо признаки настоящей человеческой трагедии. И вот почему. Жил себе человек, воспитанный в определённом духе, много работал, всё время рос по службе, формируя собственную систему взглядов и методов достижения целей. Всё это до сих пор безотказно срабатывало, вдруг — такой прокол. И вся его система ценностей оказывается негодной, и методы не те. А по-другому человек не умеет, не так воспитан, не в той среде, ему вся эта нынешняя атмосфера чужда как инопланетянину. Он растерян, обижен, озабочен и, может быть, впервые за всю свою относительно благополучную жизнь не знает — как же ему быть?

Он не понимает, что прежние времена канули в вечность, что сегодня надо жить и действовать совсем иначе. И сколько таких в стране? Может быть, их вообще большинство — во всяком случае, в партийных кабинетах?

Ещё М. показал мне материал П. И. Оноприенко в “Заветах Ильича” о встрече Шакиримова с избирателями. И добавил при этом:

— Жалко, я тогда его недодушил.

“Его” — это Оноприенко, “тогда” — это после проигранных им выборов в народные депутаты СССР.

Оказалось, что буквально через несколько часов Мещеряков всё же встретился с Шакиримовым.

11 февраля

Шакиримов “играет на опережение”. Свою встречу с избирателями в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета Казахской ССР он провёл на площади около Дворца культуры тракторостроителей. Это больше походило на митинг. Аудитория (во всяком случае, наиболее активная её часть) была умело “разогрета”, соответствующим образом “заряжена”, она напоминала команду, с которой хорошо поработали и которая в итоге добилась своего.

Надписи на лозунгах гласили: “Мещеряков — это вы виновник забастовки!”. “Мещеряков, какое право вы имеете говорить от имени народа?”. И, наконец, ещё одна, весьма многозначительная: “Тюмень, Волгоград... Павлодар?”. (В первых двух городах отправлено в отставку областное партийное начальство, выходит — теперь очередь за Павлодаром?).

Первый оратор — представитель ТЭЦ-1, делегат XIX Всесоюзной партконференции, говорил о солидарности с бастовавшими тракторостроителями и о том, что нам не нужны пришлые кадры-временщики, делающие в Павлодаре карьеру. Оратор произносил речь закигательно, с пафосом и сорвал аплодисменты. Помимо прочего, предлагал выразить недоверие Мещерякову и отозвать его из народных депутатов СССР.

Выступал и сам Шакиримов. Сказал, что всегда жил и работал честно, старался быть принципиальным, за что не угодил нынешнему первому секретарю обкома партии. Благодарил тракторостроителей за поддержку, обещал бороться за социальную справедливость, стоять за людей труда, добиваться прекращения ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне и материальных компенсаций пострадавшему населению. Сказал, что не пожалеет сил, здоровья, а если потребуется и жизни, чтобы отстоять интересы избирателей. Его речь неоднократно прерывалась аплодисментами и одобрительными возгласами.

Брали слово и противники Шакиримова. Но их аргументы: кого защищаем — партаппаратчика, он ведь совсем не тот, за кого себя выдаёт и т. д. — аудитория не воспринимала, её симпатии были явно на стороне Ш. Впрочем, едва ли не треть пришедших на встречу составляли чиновники разного ранга: работники аппаратов райкомов, горкома и обкома партии, руководители правоохранительных структур, включая прокурора области и председателя облсуда, и т. д. Так что и они способствовали массовости, хотя никак себя не проявляли.

После митинга ко мне подошёл Г. А. Никифоров и спросил: что же это мы такую плохую газету делаем? Читатели так не считают, отвечал я, вот и тираж у нас в этом году вырос. Мы с ним немного попикировались, после чего он пообещал следующий митинг устроить у здания Дома печати, где находится и редакция “ЗП”.

12 февраля

Понедельник... Договорились на редакторате, что при освещении митинга (встречи Ш. с избирателями) руководствуемся двумя главными принципами — здравомыслием и сдержанностью. Не стал нашим журналистам говорить, что меня просили в обкоме не упоминать в материале фамилию Мещерякова. Из написанных Робертом Штарком 212 строк в итоге оставили 85. Всё, что надо было сказать, там сказано, в том числе после долгих обсуждений и споров оставили фразу: “Звучала критика в адрес первого секретаря обкома партии Ю. А. Мещерякова и первого секретаря Павлодарского горкома партии Е. Д. Байгерякова”.

Председатель облисполкома Ж. Г. Исаков сказал мне, после публикации, что не надо было называть фамилий. Мещеряков, по слухам, придерживается той же позиции, но мне не звонил. И то хорошо.

13 февраля

Был у Мещерякова. У него родилась идея — ответить на все вопросы и критику, прозвучавшие на недавнем митинге. Я составил реестр этих вопросов — весьма малоутешительный. Зато решили оставить — ведь на самые острые вопросы ответов нет. М. сказал мне, что встречается сегодня с неформалами из группы “ЭКОМ”. Вот так номер! В своё время я чуть лоб не расшиб, доказывая ему необходимость такой встречи, а он говорил: “Давить их надо в зародыше, пока не набрали силу!”. Выходит, меняется Мещеряков? Или просто жизнь загнала его в угол?

Был у меня сегодня один из неформалов-“экомовцев” А. Бойко. Интересная личность и светлая голова. Был начальником средней руки, секретарём парторганизации и постоянно испытывал душевный дискомфорт, потому что говорить и делать приходилось то, что шло вразрез с его убеждениями. Ушёл “в просто рабочие” и живёт теперь в ладах с самим собой. Он считает, что наша система, особенно партийная, подавляет человека, заставляет идти на сделки с совестью; и чем выше положение человека — тем больше всего этого. Поэтому Бойко и борется против этой системы. Мне он чем-то напоминает академика Сахарова — манерами, интеллигентностью и какой-то непоколебимой внутренней убеждённостью в своей правоте.

Несколько дней назад начались и продолжаются беспорядки и погромы в Душанбе. Есть убитые, много раненых. Власти с трудом контролируют ситуацию в центре города, а на окраинах — настоящая вакханалия насилия. Поводом к беспорядкам стал слух (совершенно, кстати, беспочвенный) о том, что беженцам-армянам отдают квартиры. Теперь несчастных армян срочно вывозят из города. Бедные, ни в чём не повинные люди. Разум отказывается в это поверить. Люди мы или нелюди?

14 февраля

Публикуем платформу ЦК КПСС к XXVIII съезду партии “К гуманному, демократическому социализму”. Объём — более двух газетных полос. О содержании можно судить по подзаголовкам: “В чём смысл перестройки, от чего надо

решительно отказаться и что сохранить в идейно-политическом арсенале партии”, “В центре политики — человек”, “За эффективную планово-рыночную экономику”, “К развитой социалистической демократии и самоуправлению народа”, “К новой федерации”, “К обновлению партии”.

15 февраля

Письмо из сегодняшней подборки писем. Автор — В. Колесниченко из Ермака пишет, что всю жизнь честно трудился — бурильщиком, рабочим на рыболовческих судах, слесарем на Ермаковском заводе ферросплавов. Всегда хорошо зарабатывал и всегда мечтал иметь личную машину. И деньги были, да вот очередь так и не дошла.

Теперь он на пенсии и, узнав, что если сдать полторы тонны цветного металла, можно получить взамен машину “Таврия”, загорелся этой идеей. Заключение договор с Ермаковской заготконторой и вместе с женой — тоже пенсионеркой — стал собирать по всей округе, включая соседние сёла, цветной металл. Складировал дома, а потом отвозил во “Вторчермет” в Павлодар, единолично выполнял обязательный план сдачи лома. Вместо полутора тонн в итоге сдал три с половиной, то есть свои обязательства выполнил дважды. А обещанной машины нет как нет — лишь обещают, что выделят при первом же их поступлении в Ермак... История эта тянется уже третий год.

16 февраля

Сегодня в известном смысле исторический день. Ю. А. Мещеряков, собрав расширенное заседание аппарата обкома, заявил на нём о кардинальном — на 180 градусов — изменении своей политики. К этому решению его подтолкнула вчерашняя встреча с “экомовцами”, которая продолжалась с шести до десяти часов вечера.

Оказывается, он сожалеет, что не встретился с ними раньше — ведь из этого можно было извлечь немалую пользу. Оказывается, среди “экомовцев” есть разные люди: и здравомыслящие, и заблуждающиеся, и экстремисты (как же без них!). И объединяет их всех, таких разных, нелюбовь к аппарату — в первую очередь, партийному.

Я рад, что он совершает такие “открытия”, хотя слушать всё это мне было обидно и грустно: когда я предлагал ему устроить такую встречу (пусть даже не в обкоме — в редакции), на меня в обкоме смотрели как на врага народа, в том числе и он. А всего-то и нужно было, чтобы его самого жареный петух клюнул в зад.

“Неформалы”, оказывается, “насовали ему полную пазуху”. Сначала разговор у них с М. не клеился: было ощущение, что пришли к доброму дяде — поплакаться, рассказать о своих бедах; а он должен снизойти — пожалеть и помочь... Нет, жёстко говорили ему “неформалы”, мы пришли сказать, что результаты наших опросов свидетельствуют о недоверии людей к партаппарату, и чем дальше — тем больше. Вряд ли ещё когда-нибудь М. слушал столько неприятных вещей в адрес обкома и свой собственный. Ему припомнили и безальтернативные выборы в народные депутаты СССР, и недавнюю сессию, и пленум обкома, на котором людей пугали “ЭКОМом”, и забастовку на тракторном, им спровоцированную... И то, что встреча “Первого” с “экомовцами” сильно припоздала...

Наверное, что-то всё же сдвинулось в его мозгах, если он уже на следующий день говорил нам:

— Я теперь понимаю Горбачёва в его стремлении обновлять партию. Нам тоже надо обновлять наш аппарат, кадры, которые сегодня, по сути, топят дело.

Давайте чистить наши рабочие столы и выбрасывать из них накопившееся дерьмо, которое мы приберегали и использовали на все случаи жизни — все эти справки, доклады и прочую рухлядь...

А я слушал и ушам своим не верил:

— Мы весь свой аппарат формировали по отраслевому принципу. Хороший специалист — брали в обком, и он тут у нас продолжал ворочать кубометрами, тоннами, процентами... Теперь акценты меняются: на первый план выходят общечеловеческие ценности — совесть и нравственность, межнациональные отношения, другие человеческие категории. Вот о чём надо говорить с людьми! Тех, кто не понимает этого, сама жизнь отодвинет на обочину.

Он говорил — как пел:

— Нельзя сегодня навязывать позицию. Наша партийная сверхдисциплинированность нас губит. Проект платформы ЦК КПСС — келейное искусство, и мы его тоже обсудили только на пленуме, в узком кругу. А теперь вся партия должна сказать своё слово, и беспартийные — тоже.

— К чему ведёт наша дисциплинированность? — продолжал М. — В декабре всеми силами отстаивали шестую статью Конституции, а теперь безропотно хороним, хлопая глазами.

Такие вот благонамеренные речи...

Кстати сказать, на газету “экомовцы” Мещерякову тоже жаловались: не даём им слово, шельмуем и т.д. Но я на них не в обиде — лишний козырь будет.

18 февраля

Вчера участвовал в учредительной конференции областного общества “Казак тили” (казахский язык). Мне позвонил председатель облисполкома Ж. Г. Искаков и посоветовал сходить. Сидел в президиуме между заместителем председателя облсовета народных депутатов А. М. Джазиным и председателем облтелерадиокомпании М. М. Абдрахмановым. Что-то из разговора я понимал, но нюансы, конечно, не улавливал и тогда просил перевести соседей. Чувствовал себя при этом не совсем в своей тарелке...

Удивило, что разговор с небольшими перерывами шёл около шести часов, и я видел: люди готовы продолжить его. Похоже, наиболее активная часть казахов просыпается от спячки, обретает голос и действительно начинает бороться за возрождение основы основ своей нации — казахского языка. И мы, все остальные, живущие в Казахстане, должны относиться к этому с пониманием и сочувствием.

Нашу газету на конференции тоже критиковали — в том числе и за то, что мы не опубликовали статью, в которой предлагалось убрать из города Ермака памятник Ермаку, поскольку надпись на нём — “От благодарных потомков” — оскорбительна для казахов, предков которых атаман истреблял едва ли не поголовно....

Громом аплодисментов встретили немца, говорившего с трибуны на чистейшем казахском. Он из семьи ссыльных немцев, попал в 1941 году вместе с родителями в казахский аул, учился в казахской школе, отсюда и знание языка.

Критиковали Мещерякова, Ажибаеву, Байтерякова за то, что их нет на конференции.

На пленуме ЦК Компартии Казахстана по аграрным вопросам (в докладе первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. А. Назарбаева) отмечался “ценный опыт павлодарцев по взаимовыгодному сотрудничеству города с селом (“Программа-53”).

Приводились ужасающие цифры потерь сельхозпродукции из-за плохой переработки и плохого хранения: по этой причине пропадает пятая часть всех сборов зерна, овощей, картошки. Думаю, картошки пропадает даже больше.

Вышла новая Ольгина книжка — “Прогулка на Иртыш”. Первая подобная — “Данилкин кораблик” — посвящалась Даньке, а эта — Димке. Купить её почти невозможно, поэтому включаю руководящие рычаги и связи.

21 февраля

Из письма В. Зейналовой “Мы — беженцы” (“ЗП”, 21 февраля). Она — русская, родилась в Баку, замуж вышла за азербайджанца, который также всю жизнь проработал и умер в Баку. Трое детей, младшая замужем за армянином. Когда в Баку начались погромы, зятя-армянина сильно избили, врывались в квартиры других армян, били женщин и детей...

“Мы бежали ночью, украдкой, — пишет В. Зейналова, — из своего дома, из своего родного города. Но куда бежать? Армяне бежали в Армению, но нам туда нельзя, так как моя дочь — азербайджанка. Вы даже не представляете трагедии нашего положения: зять болен, на руках — годовалый ребёнок... У нас много родственников в Азербайджане, а у зятя — в Армении, но путь и туда, и туда нам был закрыт..

Приехали к дальней родне в Павлодар, а там своя семья — трое взрослых и маленький ребёнок... Они приютили нас две недели, а теперь жить негде...”.

В Ильичёвском райисполкоме ей обещали помочь — дать временное (на три месяца) жильё, материальную помощь, ребёнку — бесплатное питание. В остальном они должны рассчитывать на собственные силы... Может быть, кто-то что-то предложит после нашей публикации.

Опубликовали список павлодарцев, погибших в Афганистане. 28 фамилий. И среди них мой земляк Николай Толстой. Его отец был когда-то мужем моей родной тётки (они разошлись). А Николая я совсем не помню, хотя мы окончили одну школу (он на 13 лет моложе). Обстоятельства его гибели неясны. Судя по всему, воевал достойно — награждён медалью “За отвагу”. А погиб месяца за полтора до “дембеля”.

22 февраля

Из доклада первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. А. Назарбаева на пленуме ЦК:

“Под меркой плюрализма, например, “Ленинская смена” напечатала письмо некоего Жукова, пекущегося о русской автономии на правобережье Иртыша. Трудно поверить, что редактор уважаемой молодёжной газеты О. Никонов не смог разглядеть провокационную суть этой заметки, заключённый в ней немалый заряд межнациональной розни”.

Интересно, лишится после этого Олег своего кресла или ещё поработает?

Острая статья редактора издательства “Жалын” Ю. Тарасова в сегодняшнем номере “ЗП” — о варварском отношении книготорговцев к книгам. В подсобках нашего облпотребсоюза в списке на списание значатся книги, изданные в

1986 (!) году и якобы не пользующиеся спросом: М. Ауэзова, Г. Мусрепова, Б. Майлина, Г. Мустафина, А. Нурпеисова, М. Алимбаева, Ч. Айтматова, Н. Носова, А. Алексина, А. Гайдара, а также прекрасные издания сказок — всего около трёхсот названий. Всё это — книги на казахском языке...

23 февраля

Н. А. Назарбаев избран председателем Верховного Совета Казахской ССР. При этом за ним сохраняется пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана.

Решением облисполкома так называемый загородный дом (что-то вроде обкомовско-облисполкомовской резиденции) передан в распоряжение Павлодарскому совхозу-техникуму. Так у нас борются с привилегиями.

24 февраля

Завтра — тяжёлый день. Во многих городах, в том числе и у нас, намечены митинги. ЦК КПСС выступил со специальным обращением к народу — о том, что обстановка в стране может быть дестабилизирована... Вечерняя телевизионная программа “Время” также пронизана тревогой по поводу завтрашнего дня.

По республиканскому телевидению транслировали большое интервью Ю. А. Мещерякова. Передача под рубрикой “Кто есть кто?” должна была открыть телезрителям лицо нашего партийного лидера. Журналисту Игорю Мельцеру удалось “раздеть” Мещерякова. Ю. А. хорошо — свободно и уверенно — смотрелся на экране, пока речь шла об экономике, но как только разговор переходил на свободные темы — политику, идеологию, философию, где требовались раскованность, способность размышлять, дискутировать, он часто оказывался беспомощным. Так, Мельцер явно поймал его на вопросе о том, что же такое социалистический плюрализм и социалистический рынок, подводя М. к очевидному ответу: плюрализм и рынок не могут быть капиталистическими или социалистическими — они либо есть, либо их вовсе нет.

Ещё М. не стал скрывать своих симпатий к Е. К. Лигачёву, мягко пожурил одного из идеологов перестройки А. Н. Яковлева. Словом, вполне продемонстрировал свою ортодоксальность. Одни многократные “средства” (с ударением на “а”) чего стоят. Впрочем, вряд ли имеет смысл критиковать Ю. А. за его убеждения и пристрастия: он таков, каков есть, и другим уже не станет. Он умелый, пожалуй, даже талантливый хозяйственник и никакой не политик. И скорее не вина, а беда его в том, что он оказался на этом посту именно сейчас. А республиканское телевидение оказало Мещерякову медвежью услугу, выдав в эфир интервью с ним накануне митинга.

Верховный Совет Литвы принял решение об отмене всех решений, в соответствии с которыми она вошла в СССР. ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) выступил с заявлением, осуждающим подобный шаг, но вряд ли это оставит литовских радикалов. Тут, похоже, тот самый случай, к которому применимо выражение М. С. Горбачёва “процесс пошёл”.

25 февраля

Был на общегородском митинге. Всё видел и слышал.

Народу собралось прилично, но, конечно, не столько, сколько у нас бывает в последнее время на общегородских праздниках. Во всяком случае, свободное

место на площади перед зданием Дворца культуры тракторостроителей ещё оставалось.

Многочисленные лозунги условно можно разделить на три вида: политические, экологические и прочие. Я прежде всего записывал те, что касаются прессы, и, в частности, “ЗП”. “Почему местные СМИ не доводят правду до народа?”, “ЗП — орган Советов!” (в том смысле, что газета должна перейти от обкома в ведение облсовета и что депутаты вправе высказывать в ней свои мнения и взгляды свободно — без правки и сокращений — об этом говорили и некоторые ораторы), “Гласность — отоваривать!” (и печатать внизу с буквами ОК, ГК — в смысле разрешена только с одобрения обкома-горкома), “Гласность — без лимита!”

Были антимещеряковские лозунги: “Мещеряков и перестройка — несовместимы!”, “Мещерякову — не доверяем!”, “Позор Мещерякову и К°!”

И ещё такие: “Горбачёв, смелее! Мы снизу поддержим!”, “Где ваша власть, Советы?”, “Наши депутаты — все наши?”, “Сократим райкомы партии в Павлодаре, нам достаточно горкома!”, “Сталинский колхоз — крестьянский кровосос!”.

Вёл митинг депутат облсовета В. М. Чевненко, сказал, что записались для выступлений более 50 человек, каждому отводится по 3-5 минут. Он также сказал, что цель митинга — консолидация, созидательные действия, что не должно быть экстремизма и беспорядков.

Депутатка облсовета В. Гартвих с тракторного завода: митинг — это форма несогласия с тем, как идёт перестройка, это средство для пробуждения людей; “ЗП” должна быть органом Советов.

Некто Петров (я так и не понял — кто он такой) на чём свет стоит крыл сессию облсовета за её “застойный синдром”, предложил отозвать из кандидатов в депутаты Верховного Совета республики первого секретаря горкома партии Е. Д. Байтерякова (пусть, мол, лучше городом занимается); ругал Мещерякова, сменившего лучшего председателя комитета народного контроля на худшего.

Председатель профкома СПТУ-5, которое власти намереваются закрыть за ненадобностью, ругала “ЗП” за то, что мы не публикуем обращения коллектива училища, и предлагала отдать здания обкома комсомола, бывшее “дворянское гнездо” — два здания в центре города на берегу Иртыша и строящееся здание для Индустриального райкома партии — по другому назначению (по какому — не сказала).

Некто Садыков, назвавший себя членом республиканского комитета по правам человека, критиковал всех и вся, требовал отставки по меньшей мере десятка начальников республиканского уровня, включая редактора “Казахстанской правды” (за неправильное освещение известных “декабрьских событий” 1986 года); действия Мещерякова он охарактеризовал как партизанские и, конечно, требовал его отставки... Когда речь оратора втрое превысила регламент, толпа дала понять, что её терпение иссякло.

Ветеран из Иртышского района говорил о том, что бюро обкома партии во главе с Мещеряковым потеряло авторитет, и потребовал его отставки. Раздались аплодисменты, и ведущий митинга Чевненко счёл нужным призвать выступающих к благоразумию.

Некто не представившийся высказал здравую мысль о том, что руководителей такого ранга, как председатель облсовета и первый секретарь обкома, на митингах не выбирают, и вообще коней на переправе не меняют.

Депутат облсовета Смелаш ругал “ЗП” за то, что его тексты в газете сокращают.

Выступил и Мещеряков, держался неплохо, хотя ему и мешали. Высказался за полновластие Советов. Говорил о предстоящей сессии, назначенной на третье

марта, и о том, что она должна пройти иначе, чем организационная первая; о том, что в области есть хороший резерв кадров, способных двигать дело; призывал собравшихся к разуму, к тому, чтобы каждый думал своей головой...

Ведущий Чевненко попытался на этом закрыть митинг, но не тут-то было...

Делегат XIX Всесоюзной партконференции Жумабеков (ТЭЦ-1) опять стал ругать Мещерякова за то, что он провоцирует народ на крайние формы протеста и предложил отправить его вместе с Байтеряковым на село в качестве подарка к придуманной ими "Программе-53".

Зачитали резолюцию и проголосовали за то, чтобы опубликовать её в "ЗП".

Митинг на этом закончился, но часть людей не расходилась. Некто, собрав вокруг себя человек 40-50, рассказывал о том, как он вышел к обкому партии с плакатом "Мещеряков — человек Лигачёва", и был задержан милицией, где его заставили писать объяснительную, и на завтра опять вызывают. Вот он и просит защиты у народа.

Самостоятельный митинг продолжался ещё с час, несмотря на то что основная масса людей давно разошлась.

27 февраля

Выдали репортаж о митинге: три снимка на первой странице и строк 400-450 — на второй. Суть происходящего изложили — это главное...

Вчера была областная школа партхозактива (читай — политзанятия). Обсуждали платформу ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. Послушал ораторов и ужаснулся: какая там перестройка, какая демократизация партийной жизни... Тут такая партийная закостенелость и нетерпимость! Если что и погубит Горбачёва, так это прежде всего партаппарат, особенно на местах. Хотя, положи руку на сердце, некоторых из них тоже можно понять: они не понимают — чего от них хотят, по большому счёту — не знают, что делать и как им дальше жить.

Шакиримов вышел-таки на работу в тракторосборочный цех — слесарем на главном конвейере. Об этом сообщил на встрече в редакции второй секретарь обкома партии М. К. Дуйсембаев. Он был у нас в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета республики. Удивлял своей откровенностью: считает, что с Шакиримовым обошлись не по-товарищески; в аппарате по-прежнему не принято перечить "Первому" (и у нас в обкоме — тоже). Говорил также о предстоящем большом сокращении партаппарата: в городе останутся либо райкомы, либо горком партии.

Прочитал в "АиФ": на партсобрании аппарата прокуратуры СССР исключены из партии следователи по особо важным делам Гдян и Иванов (на собрание они оба не пришли). Скорее всего, они и вправду наломали дров и в "узбекском" ("хлопковым") деле, и не только в нём, но бездарные действия "верхов" по отношению к ним только добавляют обоим авторитета. Иванов уже заявил в кооперативной газете, что "Горбачёв и иже с ним насквозь коррумпированная клика, которую давно пора сбросить". А избиратели Гдяна из Зеленограда грозятся объявить забастовку в его защиту.

Острое письмо в “Московских новостях” — с критикой в адрес правления Союза журналистов СССР. Московские журналисты (14 тыс. членов СЖ) заявили о недоверии президиуму правления и потребовали его отставки. Да — Союза журналистов, как такового, у нас и вправду нет, в Казахстане — тоже...

28 февраля

Небывалый случай: партком треста “Павлодаржилстрой” конфликтует с бюро Павлодарского горкома партии. Суть дела: бюро горкома объявило строгие выговоры управляющему трестом Ю. М. Калугину (с занесением в учётную карточку) и секретарю парткома треста Ю. Ф. Кульбеде (без занесения). Первому — за проявленную личную безответственность и недисциплинированность в организации строительства, второму — за беспринципную, примиренческую позицию.

Бюро при этом руководствовалось тем, что в прошлом году трест выполнил задание городских властей по строительству лишь на 82,6 процента, сорвал ввод ряда важных объектов.

А партком треста настаивает на том, что коллектив выполнил все основные показатели и был признан лучшим среди родственных предприятий республики. А за навязанные тресту неплановые объекты он прямой ответственности не несёт. Два с половиной часа шло заседание парткома с участием второго секретаря горкома, коммунисты треста стояли на своём, критиковали бюро горкома за административный нажим и застойные методы работы и намерены добиваться в вышестоящих партийных органах снятия наказаний с управляющего трестом и секретаря парткома.

Интересный материал нашей нештатницы А. Букеевой из Экибастуза. Рабочий автобазы комбината “Экибастузшахтострой” Павел Смолянинов собрал малогабаритный колёсный трактор. Он может всё то же, что и его серийный собрат “МТЗ”, только стоит раза в четыре дешевле, потому что собран из запчастей к автомобилям и тракторам устаревших марок, снятых с производства.

В штабе ЦК комсомола на ЭТЭКе, куда пришёл рационализатор, за его идею ухватились, обещали помочь с помещением для сборки, токарным, фрезерным и сверлильным станками. Но затем обставили всю свою предполагаемую помощь такими условиями, что сразу становилось ясно: в случае успеха предприятия П. Смолянинова он уже будет не хозяин своему детищу...

Умеют у нас испохабить самое благое дело... Может быть, впрочем, кто-то заинтересуется мини-трактором Павла уже после нашей публикации?

Неожиданно большую почту вызвала небольшая реплика Володи Митрофанова “Зачем пионеру автомат?” — о почётной вахте школьников у Вечного огня. Позиции читателей резко разделились: у одних заметка вызвала раздражение, другие считают, что в будни пионерской караул у Вечного огня не нужен. Я, кстати, не без сомнений благословлял митрофановскую заметку в свет...

1 марта

Ну вот и весна... В городе уже который день тает, кругом лужи, природа, похоже, слегка свихнулась... Как, впрочем, и вся наша большая страна.

Смотрел вчера дискуссию по ТВ: Верховный Совет СССР обсуждал вопрос об учреждении президентского правления в Союзе. Дебаты — острейшие. Одни решительно “за”: страна становится всё более неуправляемой, срочно нужна сильная, эффективная исполнительная власть. “Межрегионалы”, разумеется, против: где гарантия, что это не приведёт к диктатуре и культу личности? К тому же надо ещё узнать позицию на этот счёт Верховных Советов республик. Прибалты и вовсе заявили, что их мало волнуют формы правления в СССР, поскольку сами они, обретая полную независимость, больше озабочены проблемами установления взаимоотношений своих государств с СССР.

На Горбачёва временами жалко было смотреть — на все эти его манёвры, когда он то балансирует, то притормаживает, то отступает.. Видно, как он из всех сил пытается мирно вывести наш аварийный, теряющий остойчивость государственный корабль на чистую воду. Но когда рядом с капитаном на мостике ещё с десяток амбициозных советчиков, каждый из которых также пытается рулить, управлять движением вряд ли возможно.

У меня такое впечатление, что именно либерал-радикалы, обязанные своим появлением на политической арене прежде всего Горбачёву, доставляют ему больше всего неприятностей (независимо от того, хотят они этого или не хотят) и в своём реформаторском неистовстве смыкаются с крайними консерваторами, парализуя любые горбачёвские попытки сделать хоть что-нибудь разумное.

Вот и теперь, дабы не допустить президентства, депутаты “межрегионалы” обсуждают всевозможные акции протеста — вплоть до самороспуска съезда народных депутатов.

На Павлодарском алюминиевом заводе первыми в СССР освоили промышленный выпуск редкоземельного металла галлия. Металлургам помогали учёные Москвы, Ленинграда, Алма-Аты. Работа заняла не один год. И сегодня чище павлодарского галлия в мировой практике нет.

Он незаменим в высокотехнологичных отраслях промышленности, и поэтому павлодарская технология извлечения галлия из промежуточного продукта глинозёмного производства уже запатентована в двенадцати странах.

Галлия, кстати, в мире производится гораздо меньше, чем золота.

И ещё: начальник химико-металлургического цеха завода, где освоена вся эта сложнейшая технология, павлодарец Асхат Алькенов.

Три письма из традиционной редакционной подборки писем...

В первом ветеран войны С. Мальшкин пишет, как ему устанавливали “льготный” телефон. Сначала он одиннадцать лет отстоял в очереди, после чего в ГТС уверили, что телефон ему наконец поставят. Но оказалось — нет кабеля (С. Мальшкин живёт в своём доме). И тогда он сам сумел “достать” этот самый кабель за собственные деньги. Но в ГТС сказали, что у них нет землеройной машины для прокладки траншеи. Мальшкин попросил показать, где должна пройти траншея. Ему показали, и шестидесятилетний фронтовик вместе с зятем (зимой!) две недели долбили 20-метровую траншею. А когда спустя несколько месяцев телефон всё-таки установили, оказалось — он не работает: кабель на повреждении...

Мне кажется, что в некоторых конторах, подобных ГТС, работают какие-то особенные люди, которым доставляет садистское наслаждение видеть — как мучаются все те, кто к ним приходит и кого они обязаны обслуживать...

Во втором письме монтажник Л. Филиппов из Экибастуза пишет о вопиющей бесхозяйственности, которую он (да разве он один) наблюдает на Экибастузской ГРЭС-1. Монтажную площадку станции рабочие именуют “Курской дугой” — это настоящее металлокладбище, где ржавеют не десятки и даже не сотни, а тысячи тонн металла, в том числе ещё вполне пригодных конструкций. И никому до этого нет дела.

Я, кстати, был там и видел всё это своими глазами — зрелище и впрямь жутковатое: огромная территория просто усеяна металлическими конструкциями — как после какого-то гигантского побоища. Здесь же — навеки застывшие бетонные надолбы: водители большегрузных самосвалов вываливали прямо на землю не востребованный бетон. Наверное, наши потомки-археологи когда-нибудь головы сломают, разгадывая, что означают эти “бетонные символы” — кто и с какой целью их создавал тут?

Третье письмо — из разряда казусных, но оно вполне соответствует нынешним реалиям. Наша читательница Н. Кокорина пришла в магазин (на телецентре) и глазам не поверила: в мясном отделе над почти голыми рёбрами — ценник с надписью “Мясо костное”. Подарить его покупательнице на память в магазине отказались.

Что тут скажешь? Так называемые супнаборы (кости, с остатками мяса) уже давно вошли в перечень популярных продуктов, которые в магазинах не залеживаются. А вот “мясо костное” — это нечто новое. Может, и оно со временем приживётся?

4 марта

Вчера была внеочередная сессия областного Совета. Проходила она более мирно, чем предыдущая. Похоже, и аппарат подсуетился, дабы избежать конфликтных ситуаций. Но сюрпризы всё же были.

Сначала выступил Ю. А. Мещеряков, затем больше четырёх часов шли дебаты. “Неформал” В. Галенко заявил, что ему ясно: к лету никакой другой власти, кроме Советов, уже не будет; а раз так, то надо переводить депутатов (комиссии и т. д.) на постоянную работу.

Депутат из Экибастуза А. Медведев (он — начальник специализированного строительного управления с совершенно дурацким названием ГОРЕМ, хороший руководитель, мы о нём писали) назвал Галенко нашим местным Сахаровым; сказал, что если бы не было предыдущей сессии с её решением о Шакиримове, то не было бы ни забастовки, ни митинга; программу “Жильё-91”, “Программу-53” он назвал обманом народа (тут он, пожалуй, перестарался — по первой программе вселились в новые квартиры или улучшили свои жилищные условия уже тысячи людей, и вряд ли они согласятся с Медведевым); ещё он предлагал Мещерякову освободить одно из двух занимаемых им кресел.

Много критики было и в адрес прессы, в том числе “ЗП” и телевидения. Мне даже пришлось взять слово, чтобы ответить наиболее усердствующему по этой части депутату В. Чевненко. Впрочем, не думаю, что я кого-то в чём-то убедил.

Последним пунктом повестки дня был вопрос о Шакиримове. Прокурор области долго перечислял статьи и пункты законов, из которых следовало, что прежнее решение сессии абсолютно законно, и отменить его никто не вправе, включая вышестоящие инстанции (это прерогатива председателя областного

Совета и сессии). После чего депутаты Я. Ф. Райсих и С. Б. Алибаев говорили о горьком осадке, который оставило в их душах решение предыдущей сессии, и ещё о том, что не должен оставаться не у дел такой человек, как Шакиримов.

Потом слово взял Мещеряков, заявивший, что и у него на душе такой же осадок и он готов уже в понедельник встретиться с Шакиримовым и вновь предложить ему предлагаемые ранее шесть разных должностей.

Выступил и сам Шакиримов, по-моему, сильно. Говорил: никакой он не экстремист, и, если бы с ним накануне первой сессии поговорили по-человечески, привели разумные доводы, он бы, наверное, и сам согласился уйти; теперь же он принимает решение сессии, благодарит за предложенные ему должности, но он уже работает — слесарем в тракторосборочном цехе.

Сразу после него на трибуну взбежал депутат А. Медведев: казалось, он оседлал её как коня. “У меня есть предложение, — сказал Медведев, — я прошу вновь назначенного председателя КНК Нажмиденова подать в отставку. Я готов встать перед ним на колени. Я призываю всех депутатов встать на колени!”.

Таким образом, по мнению депутата, само собой устранится тупиковая коллизия: место председателя КНК освободится и его вновь может занять Шакиримов, ни на что другое не соглашающийся.

Но депутаты не спешили последовать благородному порыву своего коллеги, и всеобщего коленопреклонения не состоялось. Продолжились вялотекущие дебаты, описывать которые нет ни сил, ни желания. И уже в самом конце сессии очаровательная депутатка — секретарь обкома комсомола Кожамжарова сказала, что все мы сегодня получили урок принципиальности и партийной чести. И преподнёс нам его Шакиримов.

На том и разошлись...

Домой пришёл в полдевятого вечера окончательно разбитым и понял, что заболел. Как всегда, некстати.

7 марта

Чабанам из Железинского района Павлу Чинарёву и Гюсману Жапарову выделено по машине “Волга”. Этой льготы они удостоены за самые лучшие в районе показатели по получению ягнят.

Помимо прочего, это означает: наши чабаны — далеко не бедные люди, ведь “Волга” “ГАЗ-24” стоит не меньше десяти тысяч рублей. В свободную продажу эти машины почти не поступают.

9 марта

Несколько дней провалялся с гриппом и теперь ещё не совсем оклемался: слабость, нос распух, как картошка.

Обычно я переносю грипп на ногах: два-три дня недомоганий — и снова в порядке. А тут прихватило не на шутку: голова пухнет, глаза болят и слезятся, температура подскочила... По ночам — бред: чьи-то бесконечные бессвязные монологи, я силюсь разобраться, вникнуть, но не могу и впадаю в отчаяние... От этого постоянное, не проходящее состояние тревоги... Такое было и в детстве, когда сильно болел: смутно помню ощущение страха и беспомощности от того, что вдруг распухают, вырастая до невероятных размеров, ноги и руки; они столь огромны, что я не могу ими двинуть и даже пошевелиться не могу... Наверное, это были галлюцинации...

На пленуме обкома партии (я не пошёл на него из-за болезни) отличился первый секретарь Павлодарского горкома партии Е. Д. Байтеряков, предложивший

на предстоящей областной партконференции поставить вопрос о доверии Политбюро ЦК КПСС во главе с М. С. Горбачёвым. Байтерьякова можно понять: ведь это М.С. с его перестройкой отнял у таких, как он, всё — право безраздельно властвовать, питаться из особого буфета, ездить в особые санатории. М.С. лишил их не только уверенности в завтрашнем своём благополучии, но, похоже, исторической перспективы вообще...

Теперь уже на Латвийской республиканской партийной конференции принято решение о создании независимой Компартии Латвии. Всё идёт как будто по сценарию, уже написанному и поставленному Литвой... И ничем нам прибалтов не удержать — ни уговорами, ни посулами, ни даже угрозами... А может, и не надо держать? Но ведь вслед за Прибалтикой могут пойти и другие. Куда в таком случае деваться русским (и не только им) в национальных республиках? Ведь нас тоже никто нигде не ждёт, и мы тоже становимся заложниками горбачёвской перестроечной политики. И что же мы в таком случае строили 70 лет, что нет всем нам теперь покоя и нет у нас лада?

12 марта

Замдиректора Ермаковского завода ферросплавов Ю. Мухин разъясняет в нашей газете — на что идёт валютная выручка предприятия.

Оказывается, каждую пятую тонну своих ферросплавов завод продаёт на экспорт, не получая за это никакой валюты. И только от продажи сверхпланового металла, если, конечно, таковой удаётся выплавить, он получает 30 процентов выручки. Совмин СССР разрешил ферросплавщикам обменивать сверхплановую продукцию на товары народного потребления и оборудование для их производства.

Именно по этой схеме закуплено оборудование для мясокопильного цеха в Ермаке (1,5 миллиона так называемых золотых рублей), цеха по производству сыра, завода по производству безалкогольных напитков и т.д.

Для своих работников завод купил таким же образом 100 легковых машин, два вагона женских сапог (в пути они были разграблены), 500 холодильников, 300 стиральных машин, 1000 утюгов... На шесть тысяч заводчан этого оказалось мало, возник ажиотаж, товары распределяет завком.

Ю. Мухин пишет, что из 8,6 миллиона "золотых" рублей завод взял на приобретение товаров народного потребления для своих рабочих лишь 1,2 миллиона, то есть примерно седьмую часть. Тем не менее ферросплавщикам многие завидуют.

Мы, грешным делом, тоже приобщились к этому "золотому" источнику: были с Володиёвым у директора завода С. А. Донского с просьбой — купить для редакции хороший фотоаппарат. И вроде договорились.

18 марта

Больше недели ничего не записывал: чем спокойнее моя жизнь (если её, конечно, вообще можно считать таковой), тем меньше потребности обращаться к дневнику. И наоборот...

Главное событие последних дней — избрание М. С. Горбачёва Президентом СССР. За него проголосовало 59 процентов народных депутатов страны, около 500 человек были против. Другие выдвинутые на этот пост претенденты — Рыжков и Бакагин — свои кандидатуры сняли.

Председателем Верховного Совета СССР избрали А. И. Лукьянова. Среди его конкурентов были академик Велихов, юристы Любченко, Казанник, знаменитый Собчак... Последний накануне требовал отставки Рыжкова с поста Председателя Совета Министров — якобы за содействие некоему кооперативу АНТ, отправившему куда-то за границу 12 новёхоньких танков. Рыжков объяснялся перед съездом — чуть ли не со слезами на глазах...

На съезде народных депутатов СССР также обсуждали ситуацию в Литве, где сейм принял декларацию о независимости страны, изъял из названия республики слово “советская” и призвал СССР вступить в переговоры с суверенной Литвой о налаживании отношений. Съезд признал это решение неправомочным. Председатель сейма лидер “Саюдиса”, народный депутат СССР В. Ландсбергис тут же отреагировал по литовскому телевидению: это акт чужой страны и для нас он необязателен, наших решений никто не вправе отменить, мы должны и дальше делать наше дело. И не беда, что нас не признают сегодня, придёт время — признают.

На границе Литвы создаются 37 пограничных постов — для ограничения вывоза товаров из республики.

На ближайшей сессии сейма планируется поставить вопрос о судьбе Компартии Литвы (на платформе КПСС) — “политической организации чужого государства”. Вот тебе и демократия.

21 марта

18 марта в Вильнюсе состоялся 180-тысячный митинг, на котором было принято обращение к М. С. Горбачёву и Верховному Совету СССР.

Цитирую по “ЗП”: “Утвердившиеся в Верховном Совете Литовской ССР лидеры “Саюдиса” фактически осуществили антиконституционный переворот.

... Безоговорочно поддерживая право каждой нации на самоопределение вплоть до государственного отделения, мы выражаем свою твёрдую уверенность в том, что должен быть создан такой механизм его практической реализации, который бы обеспечил полноценное осуществление законных интересов самого маленького народа, всех национальных групп, каждого человека...”.

Митинг поддержал решение съезда народных депутатов СССР о недействительности решений Верховного Совета Литвы.

Но поезд, похоже, уже ушёл...

У нас дома тоже разгорелся нешуточный спор относительно позиции прибалтов.

— Не надо их насильно держать в Союзе, — заявила Ольга, — пусть отделяются и живут, как хотят.

— Да что это тебе — детские игрушки: возьмите своих куколок, отдайте мои тряпочки, — возмутился я. — А что будет с людьми?

— С какими людьми?

— Которые там живут!

— Ну и пусть себе живут или уезжают, если не хотят.

— А кто их где ждёт? Ты подумала об этом? — я начинаю злиться. — Нет уж, раз решили разойтись, то решите сначала судьбу каждого конкретного человека!

— Это — как? — удивляется Ольга.

— А вот как! В Прибалтике ведь живут сегодня не только эстонцы, литовцы и латыши, но и русские, украинцы, евреи, да мало ли кто ещё. Если они захотят жить в суверенных прибалтийских странах — это их дело. Но многие наверняка не захотят, и это не их вина, что они там оказались: кого-то направили на учёбу, кого-то — на службу, да мало ли у кого какие были обстоятельства. И вот судьбу каждого такого человека надо решать в отдельности — новым государствам и союзному правительству: кто оплачивает компенсации за оставшееся жильё, кто и где предоставляет новое... И прочая, прочая, прочая.

— Ну, это прожектерство, — замечает Ольга, — ты же понимаешь, что такого не будет.

— А надо — чтобы было. Даже если этот процесс займёт не год и не два, а десятилетия. Хорошо ли, плохо ли, но полвека вместе жили, решили разойтись — делайте всё по-людски, решите судьбу каждого человека в отдельности, даже если для этого тоже потребуется полвека.

— Оставь ты свои фантазии, — слышу в ответ, — всё равно прибалты уйдут.

Видя, что спор вот-вот перейдёт в перепалку, в разговор решительно вступает мать:

— Остыньте вы! Нашли о чём спорить: вас-то всё равно никто не слушает...

— Вот и плохо, что не слушают, — в сердцах продолжаю я и вижу, что в комнате уже никого нет...

После материала Сергея Горбунова о том, что партком треста “Павлодаржилстрой” опротестовал решение бюро Павлодарского горкома партии, которым были наказаны управляющий трестом и секретарь парткома, — мне позвонил первый секретарь горкома Е. Д. Байтеряков: он бьётся как рыба об лёд, стремясь накормить, благоустроить город, а пресса ему гадит на каждом шагу. Поговорил с ним — как мёду наелся: или он в самом деле не понимает, что не прав, или прикидывается?

На пленуме ЦК КПСС бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Мишин призвал Е. К. Лигачёва подать в отставку — как человека непопулярного в массах, хотя принципиального и честного...

Член ЦК, посол СССР в Польше В. Бровиков сказал, что вместо заявленного некогда ускорения идёт замедление социально-экономического развития страны. Люди не понимают, что происходит. “КПСС, объединяющая почти 19 миллионов человек, оказалась перед лицом как никогда большой опасности. Её всё больше пытаются спихнуть на обочину политической жизни... Допустить такое — означало бы катастрофу, ибо у нас нет и не может быть другой интегрирующей силы, другого гаранта незыблемости основ социализма”. В. Бровиков не верит, что президентская власть спасёт страну от свалившихся бед, и предлагает провести референдум.

В Павлодаре — своя битва не на жизнь, а на смерть. В преддверии грядущего кардинального сокращения партаппарата схлестнулись горком и два районных (в городе) комитета — Индустриальный и Ильичёвский. При этом воюют,

разумеется, прежде всего аппаратчики, вербуя своих сторонников в крупных парткомах по обе стороны баррикад.

На пленуме горкома, само собой, проголосовали за сохранение горкома и сокращение двух райкомов. Первый секретарь горкома Е. Д. Байтеряков выступил в двух областных газетах — “ЗП” и “Кызыл Ту” — с письмом, объясняющем это решение.

Затем Е. Д. Байтеряков и первый секретарь Индустриального райкома С. Б. Алибаев не сошлись во мнениях по этому вопросу уже на пленуме обкома.

А в прошлый вторник, в отсутствие Ю. А. Мещерякова, по инициативе двух райкомов собрался городской партактив (члены горкома и райкомов и их парткомиссий, секретари первичных парторганизаций — всего более 500 коммунистов). И тут большинство высказалось за упразднение горкома. Больше других при этом досталось первому секретарю горкома, некоторые требовали его отставки... Байтеряков и его наиболее последовательные сторонники, оставшиеся в меньшинстве, перед голосованием в знак протеста покинули зал (мотив: партактив не правомочен решать этот вопрос).

От нас на собрании был В. Гольшкин, оперативно сделал материал, и мы собирались поставить его в ближайший номер. Но начались звонки из обкома с настоятельной рекомендацией воздержаться от публикации.

— Да ведь весь город знает об этом партактиве — молчать глупо, — пытался объяснить я.

— Ну и что, — говорили мне, — собрание-то неправомочно.

Пошёл по секретарям обкома, включая второго. И сразу понял, что все они боятся: вот придёт “Первый” и скажет — что же вы тут без меня натворили!

Материал опубликовали — и правильно сделали.

Кстати, в ряде городов уже решили эту и вправду весьма болезненную проблему: в Усть-Каменогорске сократили городские райкомы, а в Караганде, Семипалатинске, Чимкенте, наоборот, горкомы партии.

Теперь у нас готовится очередной — “правильный” — актив, который должен поставить точку в затянувшемся партийном споре.

На Центральном телевидении прикрыли стремительно набиравшую популярность информационно-аналитическую программу “7 дней”, в которой, мимо прочего, известные в стране люди высказывались по самым актуальным проблемам и событиям. Вместо неё опять стала выходить традиционная программа “Время”, которая готовится по прежней схеме.

У Союза журналистов СССР новый председатель. Ушедшего в отставку бывшего редактора “Правды” В. Афанасьева сменил нынешний редактор “Известий” И. Лаптев (в прошлом замредактора “Правды”).

22 марта

Да, похоже не только в центре, но и на местах заканчиваются времена политического комфорта. Теперь и членов обкома партии будут избирать не на областных партийных конференциях, как раньше, а по партийным округам — на общих собраниях коммунистов. Нормы представительства: на областную партконференцию — один человек от 80 членов партии, в обком партии — один от 320.

В нашем партийном округе больше 15 парторганизаций, на членство в обкоме претендуют, кроме меня, уже четверо.

Я бы философски отнёсся к тому — буду или не буду членом обкома, никаких амбиций на этот счёт у меня нет. Однако есть вопрос формы: как это так — газету обкома возглавляет человек, не избранный членом обкома?

Продолжается кризис мировой коммунистической системы. Подало в отставку в полном составе Политбюро Монгольской народно-революционной партии во главе с первым секретарем Батмунхом. Исключён из партии за ошибки и злоупотребления много лет стоявший во главе партии (и государства тоже) Ю. Цеденбал. Его также лишили многочисленных наград и почётных званий. Между тем я помню какую-то совершенно дурацкую формулировку, с которой Ю. Цеденбала отправляли на заслуженный отдых — “по его просьбе и с его согласия”.

Если же обратить взор на Восточную Европу, то картина выйдет и вовсе неутешительная. Н. Чаушеску со своей венценосной супругой в пожарном порядке расстреляны сторонниками победившей в Румынии демократической революции. Лидер Компартии Болгарии Тодор Живков, лишившись всех руководящих постов, находится теперь под домашним арестом и под следствием. Руководитель социалистической единой партии Германии Эрих Хоннекер также лишён всех званий, наград и даже особняка; от него отказались все, и их с супругой приютила церковь, с которой он порвал в 14 лет..

Если же вспомнить многострадальную историю нашей страны и её вождей, то впору вести речь не об отдельных ошибках, а о серьёзных пороках (похоже, неизлечимых) всей системы власти, основанной на партийно-государственном единоначалии, тоталитаризме, подавлении инакомыслия и свободы личности.

Впрочем, остаются ещё истинные защитники социалистических ценностей — даже в их нынешнем ортодоксальном исполнении: Фидель Кастро пообещал до последней капли крови отстаивать социализм — даже если он рухнет в СССР... А заодно кубинский лидер принял решение за всех сограждан, заявив, что они пойдут вместе с ним.

На Кубе одной ногой уже шагнули в коммунизм — например, в системе распределения благ. Каждой женщине здесь полагается в год по одному лифчику и двое трусов, размеры при этом значения не имеют — какие достанутся...

Почему таких безусловно умных, талантливых, волевых людей, как Фидель, ничему не учит чужой опыт — даже столь красноречивый?

24 марта

Директор трамвайного управления Д. Д. Махмутов в интервью нашей газете вновь подтвердил: в Павлодаре будет троллейбусное движение. Первые троллейбусные линии должны связать железнодорожный вокзал и Успенский жилой массив, алюминиевый завод и микрорайон “Дачный”. Ввод их в действие намечен до 1994 года. К 1995 году к ним добавятся ещё три маршрута: от тракторного завода — до Усольского жилого массива и до алюминиевого завода и от левого берега Иртыша до алюминиевого завода.

Общая протяжённость всех маршрутов должна составить почти 170 километров.

25 марта

Как и следовало ожидать, первый этап выборов в члены обкома партии я проиграл. Можно сказать, у меня практически не было шансов: большинство мелких парторганизаций, включённых в наш округ, “проходят” по ведомству культуры; на собрании было их явное численное превосходство, и голоса они отдали своему начальнику, который вместе со мной выдвигался по этому округу. Думаю, что не последнюю роль сыграл и национальный состав участников собрания. Судя по полученному мною общему числу голосов даже некоторые коллеги-коммунисты из братской конторы “Кызыл Ту” предпочли мне брата по крови.

Вообще же говоря, новая метода выборов — это насмешка над демократией. Если уж действительно хотели наделить правом голоса каждого коммуниста, то нужно было делать так: каждый получает список всех претендентов на членство в обкоме и оставляет в списке тех, кого считает нужным, но не более установленного общего числа членов обкома. Конечно, это не так просто осуществить, но так было бы действительно справедливо.

Сегодня — выборы народных депутатов Казахской ССР. Наше семейство отдало свои голоса Шакиримову (одному из шести кандидатов). Он очень активно вёл предвыборную кампанию: ходил по квартирам, агитируя сам за себя; в Экибастузской типографии выпустили для него специальный плакат; размножены копии статей о нём в газетах. Один наш читатель принёс мне полученное им письмо с такой копией и сильно возмущался тем, что Шакиримов использует такие способы агитации.

Был у меня и сам Шакиримов, рассказал о том, как ему работается слесарем на тракторном заводе. Работается, конечно, не очень: что за удовольствие целый день стоять на конвейере? Но Ш. и не собирается всю жизнь там оставаться и готов принять достойное предложение о трудоустройстве — скажем, должность председателя облисполкома или его первого заместителя....

У Шакиримова есть шансы быть избранным или, во всяком случае, пройти во второй тур выборов...

Продолжается “война нервов” между Москвой и Литвой. Мир настороженно следит за регулярными “обменами любезностями” с обеих сторон. Судя по откликам в прессе, Запад, скорее, сочувственно, чем осуждающе, относится к “литовской инициативе”, однако признавать Литву в качестве самостоятельного государства не торопится.

Ситуация!

Получили, наконец, письмо от брата Шуры, который молчал несколько месяцев. Молчал, оказывается, неспроста: от него сбежала молодая супруга. Сбежала тайно, прислав затем “отказное” письмо.

Новость — как обухом по голове... Они не так давно гостили у нас, было видно, что Анютка во всех смыслах звёзд с неба не хватает, но было также видно, что его новая избранница относится к братану хорошо — находясь у нас, переписывала в толстую общую тетрадь его стихи, намереваясь таким образом собрать вместе всё им написанное. Я ещё подумал тогда: тоже мне — Софья Андреевна...

Братан, судя по всему, тоже был доволен, и у него однажды во время наших с ним прогулок даже вырвалось: “Как всё же хорошо жить здоровой жизнью!”. Насколько я его понял, речь шла в том числе и о чувственной, “плотской” стороне бытия...

Потом его Анна всё писала нам письма, а братан только приписки добавлял...

Несмотря на бодряческий тон Шуркиного письма, чувствуется, что служившееся и для него — удар... Как, впрочем, и для матери: она их будущим детям уже вещей насобирала, договаривались подарить братову семейству стиральную машинку — “Малютку”.

Всё же многовато это для одного человека (имею в виду последние Шуркины новости), особенно после того, что уже с ним было. Конечно, он и сам во многом виноват, но судьба долбит его раз за разом.

На улице весна и на душе немножко слякотно...

Отвозил детей на каникулы к сестре Наталье в Железинку — на “Волге” по улицам не ехали, а плыли как на лодке. Хорошо что там песок, а не глина...

27 марта

Одно из последних заседаний бюро обкома партии — в его нынешнем составе — было интересно прежде всего рассмотрением личных дел. Управляющий трестом “Павлодаржилстрой” Ю. М. Калугин, не согласившись с наказанием, объявленным ему бюро горкома партии, подал апелляцию в обком. Первый секретарь горкома Е. Д. Байтеряков, в ходе разбирательства настаивая на своём, опять лягнул газету: мол, она раздула эту историю. Я не хотел выступать, но пришлось: напомнил, что мы по просьбе Евгения Дмитриевича опубликовали решение бюро горкома, а уже затем — по просьбе парткома треста — наш корреспондент пришёл на его заседание и написал о нём, изложив позиции обеих сторон. В условиях гласности это нормально и естественно, говорил я, а Евгений Дмитриевич по-хорошему должен быть благодарен газете — за сдержанный и корректный тон, ведь мы не стали приводить в газете наиболее острые высказывания членов парткома в адрес бюро горкома и его первого секретаря.

После сдержанных дебатов (ситуация-то щекотливая: и “своего” Байтерякова нельзя обидеть, и дров он наломал, хочешь не хочешь — надо поправлять товарища по партии) выяснилось, что симпатии большинства членов бюро обкома на стороне Ю. М. Калугина: не мог его трест выполнить этот чёртов план, не будучи полностью обеспеченным ресурсами: положенные ему по фондам стройматериалы направлялись на устранение последствий землетрясения в Армении, а также на некоторые неплановые областные программы... Однако надо ведь и правила игры соблюсти: как это после горкомовского “строгача” вовсе оставить Калугина без наказания. Ю. А. Мещеряков предложил формулировку: согласиться с принципиальной позицией бюро горкома, однако, учитывая все обстоятельства (нехватку ресурсов, осознание руководителем-коммунистом собственных недоработок, просьбу первичной партийной организации), ограничиться тем, что “строго указать...”.

И это называется партийной принципиальностью? Хотя для “жилстроевцев”, скорее, всё же победа, чем поражение.

Потом рассматривали апелляцию Ю. Павленко, исключённого из партии якобы за нарушение партийной дисциплины: будучи секретарём первичной

организации несвоевременно сдавал партийные взносы, не являлся на вызов к первому секретарю райкома и т. д. Но на самом деле главным прегрешением Павленко было его участие в неформальном объединении “Экология и общественное мнение”. Скорее всего, под давлением обкома, видевшего в “экомовцах” угрозу своего всевластия, и состоялось исключение Павленко. Но теперь-то Мещеряков и “экомовцы” “замирились”... Как быть?

Любопытно, что парткомиссия обкома, рассматривавшая апелляцию Павленко, высказалась за восстановление его в партии, но со строгим выговором. Однако тут возмутился первый секретарь Индустриального райкома партии С. Б. Алибаев (это он исключал Павленко), стал “прощупывать” его вопросами, из коих следовало: Павленко готов организовать несанкционированный митинг у ЦУМа, где выставляется газета “ЭКОМа”, распространяет листовки с отпечатанной на них Декларацией прав человека, обещал ответить на своё исключение некоей (непонятно — какой) акцией...

Интересно было наблюдать реакцию Мещерякова на ключевые слова — “митинг”, “газета”, “листовки”: он весь подобрался, как охотник, почувствовавший добычу: “Как? Да за все эти дела не только исключать, а привлекать уже к другой ответственности надо! Все эти факты есть в деле?”.

Оказалось — нет. Приняли решение: дорасследовать дело бывшего партийца Павленко и рассмотреть его позднее.

А вообще всё это заседание бюро обкома проходило под неким знаком ускользающей власти.

В самом конце рассматривалась просьба правления областной журналистской организации — разрешить нам выпуск рекламно-информационного вестника (мы этого добивались три месяца). Ю. А. Мещеряков с некоторой грустью констатировал: “Надо разрешать”. И после короткой паузы иронично добавил: “Пока есть что разрешать”.

Из опубликованного сегодня у нас Указа Президиума Верховного Совета Казахской ССР “Об усилении ответственности за злоупотребления в торговле и спекуляцию”:

“Спекуляция, то есть скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы, наказывается лишением свободы на срок до трёх лет с конфискацией имущества или без таковой, или исправительными работами на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, или штрафом от одной до трёх тысяч рублей”.

Ну ясно же, что не будет статья работать!

В Центральном Доме литераторов прошёл вечер памяти Павла Васильева. Помимо прочего, в ЦДЛ была развернута выставка нашего павлодарского художника Виктора Поликарпова, у которого есть прекрасный цикл графики на темы поэзии Павла Васильева.

А вот Елена Александровна Вялова-Васильева, приезжавшая недавно на Васильевские чтения в Павлодар, до этого вечера не дожила.

28 марта

Сильные идут дальше — говорим мы сами себе с братаном Петькой в суровые минуты жизни, когда она в очередной раз даёт нам по морде. Это я к тому,

что всё же продолжаю борьбу за членство в обкоме партии. Оказывается, первое собрание коммунистов нашего округа было не окончательным, по численности — это всего пол-округа. И теперь я “работаю” в его второй половине. Вместе с первым секретарём Индустриального райкома партии С. Б. Алибаевым был на партсобрании в Индустриальном райотделе милиции и получил там поддержку, хотя и “поплыл”, отвечая на вопрос о том, какой я вижу будущую структуру партии.

Потом вместе с секретарём нашей парторганизации Николаем Марчевским встречались с коммунистами облсбербанка, управления капитального строительства, в других организациях. Кое-где меня “пощипали” — за перебор официоза в газете, за то, что мало у нас полемики и недостаёт критики.

Потом было второе общее собрание, где подавляющее число голосов было уже за меня, и общий перевес также оказался в мою пользу.

Уже на улице мой соперник М. М. Омаров пожал мне руку, как и я ему — на первом собрании, поздравляя с победой.

29 марта

При областном Совете народных депутатов создана комиссия по привилегиям, вернее, по их отмене.

Опубликован, в том числе и у нас, проект нового Устава КПСС. Ещё не читал.

На прошедшей неделе зарегистрировано рекордное количество изнасилований — шесть. Половина пострадавших — несовершеннолетние, большинству насильников 17-19 лет.

Посмотрел отличный японский фильм “Легенда о Нараяме”. Не только другая культура — другой мир. В конце фильма сын относит на спине свою мать в горы и оставляет её умирать. Хочет попрощаться, а она, словно уже не видя его, жестом отсылает его обратно. Начинается снег — как доброе предзнаменование — старой женщине не придётся долго мучиться без еды и пищи — она вскоре замёрзнет.

Кто-то скажет: какая жестокость! А чем лучше, когда старых, немощных людей их близкие оставляют одних, обрекая на долгие физические и моральные муки?

31 марта

Наш молодой журналист Володя Карпов побывал на дегустации колбас, устроенной Павлодарским мясокомбинатом.

На дегустацию было выставлено четырнадцать новых сортов колбас, освоенных в прошлом году. Карпов лично удовлетворился в отменном качестве продукции.

Но где оно — всё это великолепие?

В этом году мясокомбинат выдаёт почти 29 тысяч тонн разного рода своих изделий — на сто тонн больше, чем в прошлом. Более 60 процентов этой продукции уйдёт за пределы области — в так называемые союзный и республиканский фонды... А большая часть оставшегося отправится в больницы, профилактории, школы и т. д. Для свободной торговли не остаётся почти ничего.

Возвращаясь с дегустации, Карпов забрёл в один из городских продмагов. Из колбас там была только ливерная.

Напечатали заметку “Отцы духовные” из нашей газеты за 1922 год (тогда она называлась “Степной пахарь”).

“В посёлке Галкино отец Мефодий устроил вечер с возлиянием Бахусу при участии местной интеллигенции. В разгар вечера матушка Лукерья исполняла обязанности женской прислуги, причём отдельным кабинетом служил пригон”.

1 апреля

Вот и апрель пришёл. Утром было прохладно, а вечером — совсем теплынь. И я, идя по улице, даже оголял свою лысую голову, подставляя её солнцу.

Как я любил эту пору в совхозе! Когда, оттаивая, как-то совсем по-особому пахнет земля, наполняясь весенними живительными соками; когда пробивается к солнцу первая робкая зелень; когда набухают почки... В такую пору хорошо было выйти за село, присесть на уже подсохший пригорок, ощущая, как свежо и сильно тянет холодком и сыростью из соседнего леса, где ещё лежит снег...

В городе все эти чувства притухают — тут всё обыденней, привычней... Да и моя сегодняшняя работа такова, что почти не оставляет времени для подобных ощущений... Хотя кто знает: может быть, все мои сегодняшние большие хлопоты не стоят десятой доли тех чувств, которые я испытывал когда-то, выходя по весне в поле...

Моё нынешнее состояние души — сродни весенней распутице: всё как-то неопределённо, смутно, неясно...

Может быть, ещё и оттого, что моя нынешняя жизнь не столько зависит от меня самого, сколько от общей ситуации — в стране, в области...

Конечно, мне хочется видеть нашу газету во многом другой — более жизненной (в смысле — более тесно связанной с реальной жизнью), более оперативной и интересной, более дискуссионной и, конечно, менее идеологизированной.

Есть много задумок разного рода, но попытки вырваться из порочного круга обязательности, обыденности, серости чаще всего заканчивались неудачей. Иногда мне вовсе кажется, что наша контора — это телега на квадратных колёсах, и даже будь ты хоть трижды хорошим кучером — далеко на таком транспортном средстве не уедешь...

4 апреля

Публикуем большую, но хорошую статью — размышления С. П. Шевченко “Небесспорные мысли”.

Пишет, что “как в военное лихолетье, вошли в обиход и стали привычными слова “блокада”, “беженцы” и как сводки боевых действий звучат иногда сообщения ТАСС”. Пишет, что телевидение превратило Кремлёвский Дворец съездов, где заседают депутаты, в подобие огромного театра, который нам изрядно надоел. Ведь у микрофонов, как правило, одни и те же “актёры”, чье красноречие вызывает не восторг и удивление, как раньше, а скорее раздражение.

Облагоразумление общественной жизни выходит в ряд самых насущных задач дня, пишет С. П., и с ним нельзя не согласиться.

Ещё С. П. предлагает поискать в архивах КГБ и у старожилов Экибастуза любые сведения об А. И. Солженицыне, отбывавшем срок в местном лагере, строившем здесь ТЭЦ и написавшим навеянную экибастузскими впечатлениями великолепную повесть “Один день Ивана Денисовича”.

Уже никого не удивишь сегодня сообщением о забастовке, а то, что услышал по ЦТ, действительно необычно: в одном из районов Донецкой области сразу на нескольких собраниях было принято обращение к шахтёрам с предупреждением, что в ответ на обещанную ими забастовку район прекратит поставки сельхозпродукции в этот регион. Не знаю, насколько это возможно технологически, но мера и впрямь отрезвляющая.

На нашем заводе “Весна” монтируется линия по выпуску персональных компьютеров. Первую ЭВМ должны собрать уже в мае. И хоть в это мало верится, информацию в газете даём.

Утром позвонил генеральный директор НПО “Сборочные механизмы” Я. Ф. Райсих. Услышав в трубке его рокошущий неповторимый баритон, подумал: “Наверное, будет благодарить за сегодняшнее большое интервью с ним...”. Услышал другое: “Братцы, что же вы меня так изуродовали — можно подумать, что я только что из угольной шахты!”. Открыл вторую полосу и ужаснулся: на лбу — огромное чёрное пятно, рука, поправляющая очки, — будто в грязи... А я ведь видел бугаевский снимок — Володя отличный ракурс нашёл, было чёткое изображение. Это опять типография напортила: оборудование там ещё тридцатых годов...

Добротная, обстоятельная корреспонденция Н. Марчевского “Стал совхоз кооперативом”. Крупнейший овцеводческий совхоз области — имени XXIII съезда КПСС, где содержат более 30 тысяч овец, свыше 3,5 тысячи голов крупного рогатого скота, а также засевают немалые площади зерновых, все свои производственные участки преобразовал в хозрасчётные кооперативы. Их оказалось двенадцать: овцеводческий, молочный, зерновой, овощекартофельный, кормовой, транспортный, строительный, социально-бытовой, административный и т. д. И сам совхоз стал кооперативом кооперативов. Прошёл только год после реорганизации, не всё тут ещё гладко, возникают разные нестыковки. Но на примере одного из самых крупных — овцеводческого кооператива — видно, что работать стали лучше, потому что очевидной, осязаемой стала связь между результатами труда и размерами его оплаты.

В довершение ко всему жители крупного села Чёрное — центральной усадьбы бывшего совхоза — на сельском сходе также решили создать кооператив “Население”, который займётся зооветеринарным обслуживанием так называемого “частного сектора”, организацией пастьбы скота, сбором молока с личных подворий и другими заботами односельчан, имеющих живность.

Договорились с Н. Д. Марчевским, что он проследит и за делами кооператива кооперативов. И особенно за тем, как проявит себя в будущем кооператив “Население”.

5 апреля

Помимо прочих, в области разработана программа “Увеличение”, согласно которой за три года необходимо увеличить производство и заготовки молока и мяса на 50 процентов (к уровню 1988 года). Мне говорили, что первоначально программа должна была называться “Удвоение”, и специалистам стоило большого труда убедить Ю. А. Мещерякова в том, что подобная задача — за три года удвоить объёмы производства этой продукции — заведомо невыполнима. Никто из руководителей и специалистов-практиков не верит и в реальность программы “Увеличение”, но перечить “Первому” опасно... Его логика: если мы включим весь производственно-ресурсный потенциал (читай — “Программу-53”, “Кормопроизводство” и прочее), ликвидируем потери продукции (а они действительно велики), сократим падёж, повысим продуктивность скота, то добьёмся желаемого. И на первый взгляд всё действительно так. Но — лишь теоретически.

Я помню один из наших разговоров с бывшим главным агрономом совхоза “Мирный”, земледельцем божьей милостью Михаилом Ивановичем Трусовым. Размышляя о возможных пределах урожайности зерновых, он говорил так:

— Среднее по культуре земледелия хозяйство в нашей зоне должно получать в средний по погодным условиям год по 8-10 центнеров зерна с гектара. Мы — хозяйство высокой культуры земледелия (внедрили чистые кулисные пары, строго соблюдаем севообороты, вносим на поля органику и минеральные удобрения в рядки) — значит, за счёт всего этого должны иметь прибавку урожая минимум в два с половиной — три центнера. Считаем дальше: мы — хозяйство семеноводческое, сеем зерно лишь районированных сортов, высоких репродукций и чистоты, а это прибавка урожая ещё в два с половиной — три центнера. Итого даже в средний год “Мирный” должен получать 15-17 центнеров с гектара. А мы этот результат имели только в урожайные, благоприятные по погодным условиям годы, каких у нас один — максимум два в пятилетке. В типичные же засушливые годы, которых большинство, собираем по 10-12 центнеров с гектара. Значит, наверное, всё же недорабатываем... Или есть пределы возможного... Тут ещё надо разбираться и разбираться...

У нас же сегодня хотят всё и сразу. А так не бывает. Но, может, по-своему прав Ю. А. Мещеряков: если за счёт дополнительных вложений и наведения порядка на фермах удастся получить прирост пусть даже не 50, а 15 процентов производства — и то неплохо. Но работать при этом всё же должны не столько административные (хотя и они тоже), сколько экономические рычаги...

Пока же, как пишет в нашей газете консультант аграрного отдела обкома партии (и, кстати, толковый зоотехник) Н. И. Нагула, хвалиться ходом выполнения программы “Увеличение” не приходится.

В прошлом году в медвытрезвителе Павлодара побывало свыше девяти тысяч человек — прочитал я в своей газете. Далее начальник кабинета профилактики медвытрезвителя живописует пьянку с участием замдиректора тракторного завода и его подчинённых, которую они устроили в кабинете секретаря парторганизации (правда, не всего завода, а лишь одного из его подразделений). Других выпивох (инженеров сбербанка!) бдительные милиционеры застукали за “товарищеским ужином” в помещении банка. А у слесаря тракторного завода изъяли трёхлитровую банку самогона перед посадкой... в самолёт. При этом он лишился не только самогона, но и заплатил 100 рублей штрафа, а за эти деньги можно слетать в Москву и обратно...

Что и говорить, пьём мы много...

Большой, на три четверти полосы материал Халела Карпыкова “Как быть с дефицитом?”. Пишет, что специалисты насчитали в стране свыше тысячи наименований товаров, которые попали в разряд дефицитных. Проще назвать немногочисленное то, что можно купить свободно, нежели то, за чем надо охотиться, толкаться в очередях, что нужно “доставать”.

Халел прошёлся по магазинам с их убогим ассортиментом и убедился в том, что местные производители товаров народного потребления практически не влияют на искоренение товарного дефицита. В очередях же за ним только в Павлодаре числится более десяти тысяч человек. Халел решил встать в очередь на приобретение кухонного гарнитура. “Старший очереди” поставил условие: каждый день отмечаться и время от времени (по графику!) дежурить у магазина... Пока наш исследователь обдумывал эту незавидную перспективу, к нему подошёл человек и предложил свою помощь, назвав сумму “сверху”, равную стоимости гарнитура.

Не спасают положения, пишет Халел, выездная торговля и так называемая “распределителка”, когда сверхдефициты распределяются местными профкомами. Во-первых, и тут процветает система неписаных льгот и привилегий, а, во-вторых, дело зачастую доходит чуть ли не до войн в коллективах.

Пример. Одной из больниц выделили для распределения западногерманское сверхмодное пальто “Ламу” — одно-единственное. Его выделили (за деньги, разумеется, и притом немалые) самой-самой, заслуженной из заслуженных. И всё бы ничего, но, как минимум, три десятка медработниц посчитали себя незаслуженно обойдёнными. В самом деле — каким критерием пользоваться в таких случаях? Стажем работы? Производственными достижениями? Участием в общественных делах? Ясно, что никакой стопроцентной справедливости в таких делах не бывает.

Потом Халел отправился на барахолку, где есть многое из того, чего днём с огнём не сыщешь в магазинах: косметика, женские сапоги и нижнее бельё, джинсы, мужские импортные рубашки и прочее, прочее, прочее... Но тут же постоянно дежурят переодетые в штатское сотрудники отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), ведь статью Уголовного кодекса о спекуляции никто не отменял. Впрочем, Халел сразу понял, что у профессиональных фарцовщиков и милиционеров полное взаимопонимание: последние первых как бы не замечают. Зато задержали нянечку детского сада, продававшую губную помаду, и 12-летнего мальчишку, сбывавшего щенка (“Взяли щенка с щенком”, — обронил с ехидцей кто-то из наблюдавших эту сцену). Вот вам и вся борьба. Хотя, будь она трижды эффективной, всё равно не избежать перепродажи, пока сохраняется дефицит.

“Где же выход?” — спрашивает Халел и пытается ответить на этот вопрос. Что-то можем и должны выпускать у себя в области, и есть достойные примеры: стиральные машины “Малютки”, спортивные тренажёры, шампуни и кремы с женьшенем... Но всё это — капля в море дефицита. По-прежнему везём в Павлодар лопацы из Ленинграда и Украины, а то, что делаем сами, зачастую стыдно взять в руки.

Ещё Халел ратует за максимальную гласность при распределении дефицита. Хотя и тут свои “но”: всё равно будут злоупотребления и, конечно, будут недочётные — товаров-то на всех не хватит...

6 апреля

Принят закон об основных экономических отношениях Союза СССР, союзных и автономных республик, который существенно расширяет полномочия республик в финансовой сфере и налогообложении. Теперь республики вправе

сами вести внешнеэкономическую деятельность, планировать и формировать бюджет и даже приостанавливать решения союзных органов — в случае нарушения интересов республик. Последнее наверняка адресовано прежде всего строптивым прибалтам, добивающимся полной независимости. Один из депутатов предсказал новому закону печальное будущее, поскольку он способен лишь усилить тенденцию к распаду Советского Союза.

На днях был второй тур выборов народных депутатов Казахской ССР. В Качирах на одном из избирательных участков додумались до того, что каждому проголосовавшему вручили талон на покупку стограммовой пачки индийского чая. Явка, как и следовало ожидать, оказалась высочайшей... Дали по этому поводу критическую заметку.

Оказывается, 44 процента производства молока в области, 29 процентов мяса и 28 — яиц дают личные подворья граждан. В заметке облстатуправления есть и другие любопытные факты: население области содержит 21 1663 головы крупного рогатого (в том числе 105865 коров), 215402 овцы, 37370 лошадей и 36790 свиней. На каждые сто сельских дворов приходится 231 голова КРС, 236 овец. В то же время 16 процентов семей на селе не держат никакого скота, хотя за последний год число всех видов животных на личных подворьях значительно выросло. Сельчане у нас давно привыкли самообеспечиваться — всем, чем только можно.

Публикуем постановление ЦК КПСС о газете “Правда” — больше чем на полполосы. Можно сказать — хороший документ, беда лишь в том, что каждый здесь найдёт желаемое: сторонники перестройки — аргументы для себя, а партийные ортодоксы — для себя.

Штормовой ветер в Павлодаре — 27 метров в секунду. На центральном стадионе рухнула одна из шести тридцатиметровых осветительных мачт весом в десять тонн, которая простояла здесь 22 года. К счастью, никто не пострадал.

7 апреля

Событие! “ЗП” и “Кызыл Ту” посетил первый секретарь обкома партии Ю.А. Мещеряков. С ним были председатель облисполкома Ж.Б. Искаков и секретарь обкома партии по идеологии А. М. Ажибаева. Скорее всего, это её идея, родившаяся в рамках надвигающейся партийной конференции. Первые лица области ходили по кабинетам, общались с народом... Как написала потом в отчёте наша газета — “знакомились с условиями труда и быта журналистов”.

Впрочем, посещение не было дежурным: М. и сопровождающие его лица после экскурсии по редакциям пообщались с нами. Я на этой встрече не утерпел — вылез со своей концепцией: наша сегодняшняя сверхзадача — показывать в газете жизнь такой, какова она есть, один к одному, независимо от того, нравится это кому-нибудь. Хотя в сложных ситуациях мы стараемся проявлять осторожность и здравый смысл.

Мещеряков в своей ответной речи заявил, что не согласен со мной: газета — не зеркало, в ней должна проследиваться партийная линия. И напомнил нам известную ленинскую триаду о том, что газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор.

Роберт Штарк тоже не утерпел и вылез с идеей снять из нашей газеты лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Ю.А., однако, дал понять, что не склонен “поступаться принципами” и ехидно парировал:

— Может, и от Октября откажемся?

После чего в завуалированной форме отстаивал “пролетариев”.

Тем не менее, высокие гости остались довольны встречей, и Ю. А. Мещеряков даже высказался на прощание в том смысле, что у нас тут, оказывается, работают нормальные люди и что он жалеет, что мы не пригласили его в редакцию раньше. И хотя мы и в этот раз никого не приглашали, хорошо, что такая встреча состоялась.

Ещё в эту неделю пришлось заниматься статьёй одного из высших чинов нашего обкома партии — в порядке, так сказать, товарищеской партийной помощи. Статья, вернее говоря, “болванка”, которую я получил, была не бог весть какая, но, к счастью, не ортодоксальная, в целом здравомыслящая, адекватно оценивающая ситуацию в партии и в обществе. Можно сказать — выше среднего. И политическое лицо автора, претендующего на высокий пост в обкоме, в ней просматривалось.

Я просидел над текстом часа три, изрядно его почеркал, перевёл, насколько это было возможно, с партийно-бюрократического на русский язык, перепечатал и отдал автору оба варианта: смотрите сами и сравнивайте — что было и что стало.

Моей работой “заказчик” остался доволен, заметив, что о подобной правке мечтал всю жизнь. Зато весь день одолевал звонками, внося многочисленные поправки. Так, в первоначальном варианте была фраза: “Нам пора привыкать жить в условиях не моноидеологии, а полиидеологии...”. И дальше: “Но нам ни в коем случае нельзя отказываться от заповедей марксизма-ленинизма”. Это выражение показалось мне ортодоксальным и я его смягчил: “В то же время, мне думается, не следует отказываться от марксистско-ленинского учения...”. Сначала мой вариант был принят, но уже в конце дня автор разыскал меня и настойчиво попросил снять это самое “мне думается”. Сняли, для чего пришлось переделывать уже сданную полосу. Потом, уже поздно вечером, он поднял меня с постели с требованием заменить “полиидеологию” — “многопартийностью”. Я сказал, что сделать уже ничего нельзя, что тираж наполовину отпечатан и попытался успокоить: в утверждении о том, что “нам надо привыкать жить в условиях не моноидеологии, а полиидеологии никакого криминала нет, и замена последнего слова на “многопартийность” по сути ничего не меняет.

Вроде успокоил, а утром чуть свет раздался звонок: автор всю ночь глаз не сомкнул и встал с твёрдым намерением дать поправку к статье, подчёркивающую его незыблемую приверженность идеалам марксизма-ленинизма...

Чем не сюжет для пьесы со сценами из провинциальной жизни?

В конце концов обошлось без поправки: даже самые бдительные ревнители чистоты партийного мундира не смогли заподозрить в статье уважаемого автора никакой крамолы. В конце дня он снова мне звонил, говорил, что статья на всех уровнях оценена очень высоко, благодарил за помощь...

Вечером был немало удивлен, обнаружив в почтовом ящике многотиражную газету “Строитель”... Мы эту газету не выписывали, и я подумал — наверное, сунули по ошибке. Оказалось — нет, всё правильно, это пропагандистская акция. Газета, с одной стороны, агитирует за управляющего трестом “Павлодаржилстрой” Ю. М. Калугина (она принадлежит этому тресту), а с другой, агитирует против его соперника К. Н. Шакиримова. Притом агитирует во втором случае весьма своеобразно — перепечатывая статью собкора центральной газеты “Экономика и жизнь” Бориса Кузьменко, опубликованную с месяц назад. В статье описывается история с Шакиримовым, есть в ней и критические суждения о нём. Самое удивительное, что какое-то время назад ко мне приходили сторонники Ш. с тракторного завода с требованием перепечатать эту самую статью в “ЗП”, но я им отказал. Это же какая каша должна быть в головах у людей, чтобы одна и та же публикация использовалась как козырная карта и сторонниками, и противниками её главного героя — в данном случае Шакиримова.

Сторонники Шакиримова также распространяют среди избирателей копию материалов из “Рабочей трибуны”, в которой он предстаёт в привлекательном свете. А в эту субботу ими была пущена в ход и “тяжёлая артиллерия”. Сидя утром дома за бумагами, вдруг услышал до боли знакомый голос, усиленный динамиком. Это был голос бывшей журналистки нашего областного телевидения Валентины Ланцевой, умудрившейся сделать головокружительную карьеру в Москве. Отправившись туда на какие-то курсы, она познакомилась и подружилась с людьми из окружения Б. Н. Ельцина и таким образом оказалась в его команде... И теперь её голос звучал из разъезжавшего по нашему двору “Москвича-пирожка”, призывая голосовать за единственного достойного кандидата, прошедшего путь от слесаря до второго секретаря обкома партии и наоборот. Его соперник, утверждала агитаторка, злоупотребляет служебным положением, обещает избирателям заведомо невыполнимые вещи...

Вот так: на войне как на войне.

За кого буду голосовать? На первом этапе голосовал за Шакиримова, а теперь, наверное, вычеркну обоих.

Несколько человек подали на нашу газету иск в суд за то, что мы якобы опубликовали не тот текст обращения с общегородского митинга. Повод: в тексте есть фраза о том, что собравшиеся выступают против проявления национализма, но нет ничего о том, что они также против шовинизма. Но у нас не было никакого другого текста, кроме переданного его организаторами.

Тем не менее неприятно: судиться газете ещё не приходилось.

10 апреля

Обзор Зои Суворовой “Читатели о газете”. Читательские письма она делит на три основные группы. Первые обвиняют газету в полугласности (некоторые считают, что причина — в “замшелости” местных партийных органов), вторые отмечают стремление газеты приоткрыть завесу над многими закрытыми темами, шагнуть в гущу жизни со всеми её противоречиями, и, наконец, третьи дают газете своего рода социальные заказы.

Наш читатель В. Коньков, обычно не жалуемый не только местное начальство, но и газету, на этот раз удостоил её похвалы — за статью “Аллергия на

гласность”. Это была моя статья о том, что многие крупные руководители едва ли не в штыки воспринимают наши критические материалы, назывались их фамилии.

Павлодарец И. Чириков прислал пухлый конверт с вырезками наших фото-иллюстраций. “Что ни фото — сплошная размазня”, — с возмущением пишет он. Суворова в очередной раз объясняет: это не мы виноваты, это такое оборудование в типографии... Вообще Зоя Алексеевна хорошо работает с письмами.

12 апреля

В сегодняшнем номере опубликовали открытое письмо ЦК КПСС коммунистам страны “За консультацию на принципиальной основе”. Судя по его содержанию, дела в партии совсем хреновые...

Цитирую:

“... Одни отвергают перестройку, видя в ней “либерально-буржуазное пере-рождение” общества и партии. Другие, смыкаясь с антисоциалистическими силами, объявляют Октябрьскую революцию трагической ошибкой, призывают к реставрации капитализма.

... Под флагом перестройки ряд членов КПСС развернул борьбу против партии с псевдорадикальных позиций... Они повели атаку на идейные и организационные основы КПСС, а некоторые прямо ополчились на Ленина и ленинизм. В этой связи обращает на себя внимание деятельность лиц, объединившихся вокруг так называемой “Демократической платформы”.

... Замыслы авторов “Демократической платформы” — превратить нашу партию в некую бесформенную ассоциацию с полной свободой фракций и групп, то есть практически развалить её.

Идёт регистрация сторонников, созданы координационные советы, рассылаются эмиссары на места. Поставлен вопрос о формировании независимой от КПСС материальной базы. Это курс на раскол КПСС изнутри, на устранение её с политической арены.

... Необходимо разобраться, как быть с теми членами партии, кто настойчиво и целеустремлённо ведёт дело к расколу..., кто отрицает социалистический выбор советского народа...

Размежевание с теми, кто встал на путь борьбы с партией, — не чистка, не подавление инакомыслия. Оно должно быть направлено против организаторов фракционных группировок...”.

В этом же номере — большая речь М. С. Горбачёва на XXI съезде ВЛКСМ. “В чём драматизм переживаемого момента? Страна как бы находится на пике перехода из одного состояния в другое... В экономике у нас, можно сказать, наступающее междоцарствие. Уже не работает командная система, но ещё не вступила в свои права новая...”

Гуманный, демократический социализм — вот достойная цель, осуществление которой на практике должно стать делом жизни молодого поколения”.

Письмо А. Филатова из сегодняшней читательской подборки писем:

“Уже 15 лет стою в очереди на приобретение автомашины “Жигули”, из них пять лет — первым... Имею правительственные награды, доработал до пенсии,

заработав и инвалидность второй группы. Недавно получил письмо из Лебяжинского райисполкома, согласно которому моя очередь на машину — уже третья”.

Из материала врачей областного психдиспансера: в 1987 году в стране на каждые сто тысяч населения приходилось 19 самоубийств, в 1988 — столько же. “Рекордным” по этому показателю стал 1989 год — 30 самоубийств на каждые 100 тысяч. Эту статистику они взяли из брошюры с оптимистическим названием “Благосостояние советского народа”. Для сравнения: в Великобритании на каждые 100 тысяч населения приходится 9 самоубийств, в США — 12.

Врачи пишут, что людей, склонных к самоубийству, у нас становится всё больше. Именно этим объясняется создание в стране суицидальной (от слова суицид — самоубийство) службы. В Павлодаре с недавних пор при облпсихдиспансере работает первое звено этой службы — телефон доверия. Надо будет обязательно сделать материал о том, как он работает.

13 апреля

Опубликовали закон об учреждении в Казахской ССР поста президента.

Опять пишем о кооперативах. Не поймёшь, чего в этом новом деле больше — хорошего или плохого. С одной стороны — реальность: в области действуют свыше 500 кооперативов, в них занято почти 13 тысяч человек, в прошлом году они произвели продукции и оказали услуг на 83,5 миллиона рублей (пятая часть этого объёма — товары и услуги для населения), заплатили почти восемь миллионов рублей налогов. С другой стороны, кооперативы “наловчились” перекачивать безналичные деньги в наличные. В прошлом году взяли из банков 16,8 миллиона рублей, а вернули только 2,4 миллиона. За одну и ту же работу в кооперативах получают в два-пять раз больше, чем на госпредприятиях. В народе нарастает недовольство кооперативами, но ввести их работу в цивилизованное русло никак не удаётся. В масштабах страны в кооперативы, как в чёрную дыру, утекают огромные деньги, которые далеко не оправдываются поставляемой кооперативами продукцией.

В колхозе имени 30-летия Казахской ССР работает три детских сада. Все размещены в типовых зданиях, могут принять одновременно 500 детей. Их содержание полностью взял на себя колхоз, родители не платят ни копейки.

Ну чем не коммунизм!

Из подборки “200 строк в субботний номер”:

“В прошлом году на футбольных матчах в Павлодаре побывало 258 тысяч 459 человек (на самом деле — больше, это столько билетов было продано). Это лучший показатель в республике. 26 человек уехали со стадиона “Трактор” на выигранных в лотерею “Москвичках”, 28 — на “Запорожцах”, 26 — на мотоциклах. А всего за сезон обладателями различных призов спортивной лотереи стали 944 павлодарца.

Не отсюда ли столь высокая посещаемость футбольных матчей?

Ещё информация из этой подборки: “Павлодарский магазин “Всё для женщин” дарит мужчинам прекрасную возможность сделать достойный подарок милой подруге сердца. Здесь можно купить шубу “Таврош” по цене 26000 рублей.

Вообще-то за эти деньги можно купить “Волгу” и “Жигули” в придачу. Но они, правда, свободно не продаются.

“ЗП” и областное отделение Советского Детского фонда выпустили специальное приложение. Цена его — 50 копеек — установлена с благотворительной целью, все вырученные деньги пойдут Детскому фонду.

Узнал из нашей газеты: в области ежегодно более 32 тысяч доноров безвозмездно сдают кровь. Многие делают это не по одному разу в год. Наверное, некоторые доноры делятся своей кровью небескорыстно — им полагается дополнительно два дня отпуска, и всё равно — они молодцы.

14 апреля

Стали известны итоги выборов народных депутатов республики. Шакиримов проиграл Калугину, а первый секретарь горкома партии Байтеряков — рабочему Казакову. Во втором случае разница составила всего 28 голосов, думаю, что избиратели голосовали не столько за Казакова, сколько против Байтерякова. Б. — деятельный, энергичный человек и, скорее всего, в прежние времена быстро пошёл бы в гору, но в нынешние времена он на эту должность никак не вписывается.

Новая заварушка на тракторном заводе. Рабочий Зайнуллин, объявивший в прошлом году голодовку, на этот раз грозит устроить самосожжение. В его новом конфликте с начальством чёрт ногу сломит: судя по всему, хорош и сам Зайнуллин, не желающий никому ни в чём уступать; может быть, у него вообще проблемы с головой...

Опубликовали материал о конфликте на тракторном, призвали стороны к благоразумию. В ответ — заявление Зайнуллина о том, что он “пойдёт на крайнюю меру”.

Состоялось судебное заседание по поводу опубликованного нами обращения участников общегородского митинга. Нанимали адвоката, заплатив ему 90 рублей. От нас на суде были Роберт Штарк и Костя Минкин. Суд шёл целый день. В сущности, суть обвинения в наш адрес состояла в правомерности одной-единственной фразы из обращения: “Мы выступаем против национализма и экстремизма”. Позиция истцов: подобных проявлений нет ни в области, ни в республике, а посему заявители посчитали, что тут оскорблены их честь и достоинство.

Наиболее активным на суде оказался свидетель со стороны истцов, давний автор нашей газеты. В своё время он начинал у нас вести уроки казахского языка, но потом мы вынуждены были отказаться от его услуг — уроки оказались

слишком сложными, наукообразными... Судя по всему, теперь он решил отыгаться на газете, обвиняя её во всех смертных грехах.

Тем не менее, суд отказал истцам в удовлетворении их иска к газете и принял решение — взыскать с них сумму, которую мы заплатили адвокату — те самые 90 рублей. Впрочем, и в наш адрес было вынесено частное определение — впредь быть более осмотрительными при публикации материалов такого рода. Хотя не опубликуй мы это самое обращение (или подвергни его правке), вызвали бы праведный гнев со стороны организаторов. И так плохо, и так...

В Литве — новая акция “Саюдиса”: его сторонники захватили Дом печати и издательство в Вильнюсе, собственником которых является ЦК Компартии Литвы (читай — ЦК КПСС). Дело в том, что издательство отказалось печатать газеты “Саюдиса” (не может же ЦК КПСС поощрять публичную критику в свой адрес на их страницах, как и сепаратистскую идеологию, насаждаемую ими). И “Саюдис” сделал встречный решительный ход. Его действия, конечно, незаконны, но ведь Верховный Совет Литвы объявил, что законы СССР на его территории уже не действуют...

Похожие процессы (пока что без захвата имущества КПСС) происходят и в соседней Эстонии. И хотя заявления местных политиков националистического толка звучат мягче, чем в Литве, суть от этого не меняется: и тут взят решительный курс на выход из состава СССР.

Заявляют о себе громкими акциями недавно избранные радикально настроенные Советы. Так в Ленинграде сессия горсовета обязала председателя Ленинградского телевидения предоставить эфир народному депутату СССР Н. Иванову (тому самому — бывшему следователю по особо важным делам Прокуратуры СССР, сподвижнику Гдляна по так называемому “хлопковому” делу). Телевизионный начальник отказал, сославшись на рекомендацию руководства Центрального телевидения, чьим подразделением является телевидение Ленинграда. Ленсовет принимает решение — освободить председателя ЛенТВ от занимаемой должности, хотя самостоятельно делать это не вправе. Тем временем группа депутатов Ленсовета, пользуясь поддержкой симпатизирующих им журналистов-телевизионщиков, проникает на строго охраняемую территорию ЛенТВ и выпускает в прямой эфир Н. Иванова. Центральное телевидение заявляет по этому поводу решительный протест. Идёт разбирательство...

У наших соседей в Омске исполком горсовета в полном составе подал в отставку. Мотив: некомпетентность депутатского корпуса, воинствующая агрессивность народных избранников, их стремление превратить исполнительный орган Совета в “мальчиков для битья”.

“Подрядился” написать рецензию на последнюю книжку С. П. Шевченко “Да вершится”. Книжка, мне кажется, получилась; может быть, это самая значительная из всех его повестей — сплав художественной прозы и добротной публицистики.

17 апреля

Из нашей газеты: оказывается, средний американец платит в год 10 тысяч долларов подоходного налога. Это же сколько он тогда зарабатывает, сукин сын? ТАСС этого не сообщает, зато приводит другие данные: около трети подоходного налога идёт на содержание вооружённых сил США численностью 2138213 человек.

Опубликовали материал В. Гольшкина о судебном процессе по иску руководства тракторного завода к забастовщикам.

Директор В. Р. Вернер сказал на суде, что забастовка тракторосборщиков нанесла не столько материальный, сколько моральный ущерб всему предприятию, и напомнил: он неоднократно предлагал забастовщикам отстаивать свои права законным путём, создав стачечный комитет, но продолжая работать.

Ему возражал председатель совета трудового коллектива тракторосборочного цеха: это была забастовка политическая, а не экономическая; к тому же никакого материального ущерба предприятию она не нанесла: возобновив работу, коллектив цеха решил не уходить с конвейера по 12 часов, и не его вина, что через двое суток иссяк запас комплектующих. Кроме того, ехидно заметил на суде представитель цеха, конвейер из-за нехватки комплектующих только в январе простоял более 56 часов. В ходе судебного разбирательства также выяснилось: и без забастовки в тот день конвейер не смог бы работать из-за отсутствия некоей “стойки 60-011”.

Суд шёл четыре дня: это было настоящее разбирательство — помимо истцов, ответчиков, адвоката были заслушаны 29 рабочих и руководителей. В конечном счёте забастовку признали незаконной.

Конечно же, это отчасти и превентивная мера — дабы другим неповадно было протестовать подобным образом в подобных обстоятельствах.

При этом никто из должностных лиц, включая начальника цеха, никак не был наказан. Лишь указано в частном определении, что неправильную позицию заняли должностные лица тракторосборочного цеха во главе с его начальником С. В. Паничевым: не только не пресекли конфликт, но и способствовали его разрастанию.

Прочитал в нашей газете, что за последние 15 лет парк легковых автомобилей в личном пользовании вырос по области вдвое и насчитывает почти 50 тысяч единиц.

18 апреля

На Павлодарском винно-водочном заводе освоен выпуск мармелада (я ел — вкусный!). В этом году планируется отправить в продажу 700 тонн этого деликатеса. Но, скорее всего, летом производство мармелада может быть приостановлено — из-за дефицита мощностей по его охлаждению. Трест “Агропромстрой” никак не может ввести в строй новый компрессорный цех на этом заводе. У треста, как водится, свои непреодолимые обстоятельства...

Всё у нас не как у добрых людей...

Публикуем обращение трудовых коллективов Майского района с требованием скорейшего закрытия Семипалатинского ядерного полигона.

В свою очередь первый секретарь обкома партии, председатель областного Совета народных депутатов Ю. А. Мещеряков отправил телеграмму в Министерство здравоохранения СССР с просьбой включить в перечень районов, подлежащих специальному обследованию, не только Майский и Лебяжинский, но и Баянаульский район. Аргумент: в 1953-1963 годах проводились ядерные взрывы на земле и в воздухе, и население этих районов (а вернее всего — не только этих) подвергалось воздействию всех факторов радиационного заражения.

Хорошая корреспонденция нашего иртышского собкора Г. Жаманбалинова о фантастических результатах арендного звена А. В. Литаяу. Год назад он, главный зоотехник вполне благополучного хозяйства — опытной станции — оставил свою должность и с пятью единомышленниками организовал животноводческую ферму в практически умирающем селе Целинное, где из бывших 80 осталось полтора десятка дворов.

Здесь были поставлены легкосборные риги, сделаны выгоны для скота, и звено занялось откормом быков. В прошлом году каждый из шести членов арендного звена произвёл продукции почти на 47 тысяч рублей — в пять раз больше, чем вышло в среднем на одного работающего в опытной станции. В ней 2,5 тысячи голов молодняка дали 3197 центнеров привеса, а у арендаторов 437 голов — 1075 центнеров, или третью часть по хозяйству в целом, хотя поголовья здесь — всего одна шестая часть.

Секрет успеха прост: рациональная технология, минимум затрат при максимальной нагрузке на каждого члена звена (работают они круглый год стемна дотемна). Но главный фактор — личность самого Александра Васильевича Литаяу, не только высокопрофессионального зоотехника, но и думающего, инициативного человека. Он всё просчитал, взял с собой только тех, на кого мог положиться как на самого себя, его авторитет помогал преодолеть многие препоны и рогатки на пути к аренде (их, кстати, и сегодня хватает).

Жаманбалинов не пишет, какова зарплата арендаторов, называя лишь сумму хозрасчётного дохода звена — 57,5 тысячи рублей. Между тем именно высокая зарплата Литаяу и его товарищей может погубить их блестящее начинание: найдётся немало желающих укорить животноводов высокими доходами и замордовать всевозможными правилами и инструкциями.

19 апреля

Новые веяния. Председатель Ермаковского райисполкома В. И. Левченко принял у себя мулл, действующих на территории района. Дали об этом короткую информацию нашего собкора Ю. Сакина.

Хороший материал Володи Гегера о бедах Чалдайского ленточного бора. Оказывается, у нас сохранилось лишь около 30 процентов естественного леса, всё остальное — лесопосадки послевоенных лет. Даже в военные годы в Чалдае не велась промышленная заготовка леса, а сегодня вырубается больше, чем засаживаем, чем бор в состоянии восстановить сам.

Багажный весовщик со станции Павлодар Н. Баканова сигнализирует в очередной подборке писем: “Мы десятилетиями не можем купить стиральной,

швейной машины, а приезжие люди отправляют их через багажную кладовую по 5-10 штук. По восемь телевизоров в сутки отправляем мы в разные адреса, а сколько их, как у нас говорят, в “багаже на руках?”.

Где приезжие покупают мебель, если её днём с огнём не найдёт в магазине павлодарец? А приезжий покупает и отправляет, правда, жалуется, что эта мебель досталась ему втридорога. “Значит, втридорога она всё-таки есть?”.

Автор предлагает запретить вывоз из области дефицитов: стиральных машин, телевизоров, холодильников, новой мебели.

Зоя Суворова в приписке от редакции замечает: представляете, что будет, если каждый горисполком решит “закрыть” свой город, и предлагает усилить контроль за распределением дефицитов. Хотя все мы понимаем: никакой контроль тут не поможет.

Прочитал в нашей газете: чтобы получить абонемент на одну книжку, пользующуюся спросом, надо сдать 20 килограммов макулатуры. А для приобретения промтоваров повышенного спроса установлены специальные коэффициенты на сдаваемое вторсырьё: 1:3 для тех, что стоят до 50 копеек, и 1:10 для тех, что дороже. Например: сдал тряпья на 3 рубля 50 копеек, получишь товара на 35 рублей, если он стоит более 50 копеек; а если стоит меньше, то тебе полагается покупка всего на 10 рублей.

Помню, в детстве у наших соседей Черняковых останавливался старенький заготовитель, скупавший по всему совхозу старьё, и мы, ребятня, тащили ему с чердаков пропылённые старые пальто, истончившиеся, не по одному разу подшитые, изъеденные молью валенки, металлические остовы из поломанных санок (алюминиевые полозья ценились особенно высоко). Рассчитывался он сразу деньгами. Чаще всего сопливому сдатчику полагались копейки, иногда — до рубля. Но на них можно было купить дешёвых слипшихся конфет-подушечек, брикет фруктового чая или окаменевших пряников — и то и другое с трудом поддавалось зубам, но не становилось от этого менее вкусным.

Немцы создали областное общество “Возрождение”. На конференцию, которая проходила в большом зале Дома политпросвещения, пришло более 800 человек — людей рассаживали даже в проходах.

Немцы добиваются восстановления своей автономии в Поволжье. Но эту идею без энтузиазма воспринимают в Саратовской и Волгоградской областях. Союзные власти предлагают идею поэтапного воссоздания автономии: сначала — район, потом — округ, потом область, потом республика. Эта идея совершенно не нравится немцам.

Конференция также призвала правительство страны законодательно приравнять немцев-трудармейцев к участникам Великой Отечественной войны.

Немцев в области примерно 100 тысяч человек, десятая часть населения. Как правило, это лучшие работники. Колхозы “30 лет Казахстана”, имени Тельмана, имени Кирова и другие, где преобладают немцы, без преувеличения, образцовые — и по делам производственным, и по уровню развития социальной сферы. Уже ни для кого не секрет, что немцы целыми семьями уезжают в Германию, многие — подумывают об этом. Их эмиграция — большая потеря для страны. И, похоже, этот поток будет только нарастать.

20 апреля

Прочитал в нашей газете: сеть дорог общего пользования в области составляет 6025 километров, в том числе с асфальтобетонным покрытием — 2300, щебёночно-гравийным — 2400 километров, остальные 1300 километров — грунтовые. В прошлом году 262 километра дорог стали асфальтобетонными, в этом ним должны добавиться ещё 420 километров асфальтированных дорог. Это — огромные объёмы. Хорошо что асфальт укладывают не только на главных дорогах, но и в глубинке. Так, например, в моём родном Железинском районе асфальт появляется на самых гиблых участках дорог. Нынешний первый секретарь райкома партии Г.Г. Сокуренок вцепился в это дело мёртвой хваткой, и теперь там, где раньше “тонули” вездеходы, а рейсовым автобусам приходили на выручку гусеничные тракторы, можно спокойно ехать в любую распутицу. Но правда и то, что сделать предстоит в десятки раз больше, чем сделано.

Вроде скучноватый публикуем материал “Цена наших заболеваний”, а пищу для размышлений даёт..

Оказывается, только за счёт государственного социального страхования ежегодно лечатся и отдыхают в санаториях-профилакториях и на курортах 58 тысяч жителей области. Местные же санатории-профилактории могут принять одновременно 1600 человек.

В то же время в области ежедневно по разным причинам не выходит на работу 14,5 тысячи человек, в том числе 3,3 тысячи — из-за ухода за больными детьми.

Все расходы, связанные с болезнью самих работников и уходом за их больными детьми, оплачиваются через систему Госстраха — это 29-30 млн. рублей только по одной нашей области.

Другой материал на этой же странице — о критическом состоянии электролизного цеха № 3 химзавода, выпускающего хлор и каустическую соду. Здесь в технологии используется в больших объёмах ртуть, которой пропитаны все конструкции. Работа в таких условиях смертельно опасна для людей, а состояние ферм цеха технические инспекторы труда ВЦСПС оценивают как предельное, при котором возможна потеря несущей способности конструкции. По-хорошему цех давно надо было закрыть, но завод напрямую подчинён Москве, без его продукции не могут обойтись многие регионы страны. Вот и тянут до последнего. Скорее всего, и нам опять выскажут недовольство: мол, нагнетаем страсти.

Павлодарский горсовет утвердил перечень и порядок продажи товаров повышенного спроса. Подлежат реализации через предприятия, организации и учреждения — по представлению профкомов, а также через советы ветеранов — согласно спискам комиссий при райисполкомах: автомобили “Москвич-412” и “Запорожец”, тяжёлые мотоциклы “Урал”, мебель — комплекты импортного производства, а также гарнитуры “Жилая комната” и спальные; импортная мужская и женская обувь; пальто женские меховые, облагороженные (во как!), пальто дублированные женские и мужские (видимо, дублёнки), полушубки, шапки ондатровые, пиджаки мужские меховые (я даже не знаю, что это такое)..

Холодильники, стиральные и швейные машины, телевизоры, пылесосы и отечественная мебель реализуются через соответствующие магазины по спискам.

Установлены льготы на приобретение этих товаров (но опять же по спискам в райисполкомах) для Героев Советского Союза и Социалистического Труда; ветеранов партии, награждённых знаком “50 лет в КПСС”; одному из родителей и вдовам погибших военнослужащих, не вступивших во второй брак. Этим категориям льготников полагается 10 процентов от всех поступивших в район дефицитов. А инвалидам по зрению первой и второй групп (только неработающим), матерям-героиням, инвалидам детства — пять процентов.

Свои небольшие льготы у пенсионеров и даже у студентов... Последним будет полагаться лишь дефицитная обувь — по представлению студенческих профкомов.

Импортный трикотаж, махровые полотенца, кожаная обувь и кроссовки, кассеты, парфюмерия, спортивные костюмы, куртки, мохеровые шарфы реализуются посредством выездной торговли.

Наша контора — совсем маленькая, но и нам кое-что перепадает от этой распределителки. Мне, например, в числе прочей части мужского народонаселения редакции достались летние туфли за тридцать рублей, которые я, набивая мозоли и проклиная себя за частнособственнические инстинкты, недели три разносил (купил на размер меньше, потому что других попросту не было).

В преддверии 120-летия со дня рождения В. И. Ленина публикуем письмо к нему крестьянина села Красновка (ныне отделение совхоза “Мирный”), копия которого есть в областном краеведческом музее, сохраняя особенности стиля:

“Товарищ, я в точности хочу знать, что такое Коммуна и что такая артели или коллектив так что устава мы бедняки просим нам не дают... а кулаки и вроде ходаков расейских говорят нам, что если запишитесь в артель, то вас сейчас мобилизуют а семейство останется непричем и инвентарь вы не получите... кагда вы мне вышлети все подробно то я буду каждому кулаку... втирати нос...”.

Письмо было опубликовано в новосибирской газете “Советская Сибирь” 7 октября 1920 года.

А М. С. Горбачёв в своей речи, посвящённой юбилею В. Ленина, которая заняла у нас более полутора полос, утверждает: “У нашего общества нет разумной альтернативы социалистической перестройке... И нам не обойтись на этом пути без ленинского наследия, обогащённого опытом и уроками новейшей нашей и мировой истории.

Успех перестройки будет означать беспрецедентный шаг в развитии всей цивилизации...”.

21 апреля

Любопытная деталь: чем ровнее и спокойнее протекает моя жизнь, тем меньше потребности в этих записях. Хотя всё тут, наверное, правильно: именно в трудные минуты, когда мучительно ищешь и не находишь выхода, обостряются чувства... А когда дышишь спокойно — вроде и размышлять не о чем. Хотя вряд ли это так на самом деле.

Из последних новостей, скорее, плохих: “ЗП” вместе со всем своим имуществом и кадрами может стать чисто партийной газетой (сейчас она — орган обкома и одновременно областного Совета народных депутатов). Наш редакционный народ воспринял эту перспективу без малейшего энтузиазма: большинство готово уйти в “советскую” газету, даже если там будут меньше платить. И я сам сделал бы то же самое. Но газетой Советов пока что предполагается сделать братскую “Кызыл Ту” (с переводом на русский язык).

Не думаю, что подобный рассказ будет с восторгом воспринят читателями; может, идею и вовсе похоронят, но недооценивать грозящей нам опасности нельзя. Вопрос о “чисто партийной” газете может всплыть уже на приближающейся партийной конференции. Но вряд ли будет справедливо отдать “ЗП” обкому: по идее самая массовая газета должна принадлежать большинству населения — следовательно, избирателям и депутатам, которые их представляют. Может быть, стоит организовать утечку информации относительно планов обкома — часть депутатов тут же поднимет бучу...

А вообще нутром и, кажется, всеми кишками ощущаю зыбкость и нестабильность жизни. Отсюда и перепады в настроении.

Ездил на отчётно-выборную партийную конференцию в родную Железинку. Вот уж заповедник так заповедник, куда дыхание жизни со всеми её противоречивыми реалиями, похоже, пока не доносится. И в докладе, и в речах — экономика, технология, тонны и проценты, решительный отпор демагогам и крикунам... Какая там многопартийность, какая власть Советам?

Ох и затаримся мы с отчётами с этих партконференций: двенадцать районов, плюс два района в Павлодаре, плюс сам Павлодар, плюс Экибастуз и Ермак, плюс областная партконференция — в общей сложности будет не менее трёх-четырёх номеров. Хорошо ещё, что идут эти конференции не все сразу, а в разрядку...

“Литовский вопрос” всё дальше заходит в тупик. Горбачёв с Рыжковым (т. е. президент и глава правительства) направили в Литву телеграмму: если не отмените все свои противоправные акты, союзный центр ограничит поставки в республику сырья, реализуемого в мире за свободно конвертируемую валюту. Верховный Совет Литвы отреагировал незамедлительно: никому не удастся поставить нас на колени. В ответ центр ограничил поставки в Литву нефти и газа — в пределах, необходимых для коммунально-бытовых нужд.

США строжатся, грозят “тормознуть” выгодное для СССР торговое соглашение и другими неприятностями. Жёсткими мерами Москвы недовольны и в Западной Европе, хотя признавать Литву в качестве самостоятельного государства не торопятся.

Литовская проблема — уже давно не только союзная проблема. Дело не только в том, что закусили удила местные парламентарии, а в том, что на их стороне большинство населения, да и так называемое международное общественное мнение — тоже.

Горбачёву в этой ситуации не позавидуешь. С одной стороны, ему важно оставаться привлекательным для мира политическим лидером с явно

выраженным демократическим мышлением, а с другой — нельзя же допустить развала Союза. Между тем “уход” Литвы может стать началом цепной реакции.

Провели свой очередной съезд комсомольцы страны. Вволю набузились, однако Союз сохранили. Приняли обращение по поводу письма ЦК КПСС к коммунистам, в котором охарактеризовали его как “призыв” к изгнанию из партии “неугодных”. Наверное, в этой оценке есть зерно истины. Хотя трудно себе представить единой партию Горбачёва с Яковлевым, Ельцина с Афанасьевым и Лигачёва с Ниной Андреевой.

В Верховном Совете СССР несколько дней подряд слушалось “дело Гдяна — Иванова”. Спектакль — почище детектива, в жанре театра абсурда.

Нет никакого сомнения в том, что в Узбекистане эти следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР разворошили осиное гнездо — чудовищную по своим масштабам аферу с приписками хлопка и хищениями государственных средств. В “хлопковом деле” оказались замешаны даже не сотни, а тысячи людей — от бригадиров и руководителей хозяйств до первых лиц областей и республики. Гдян и Иванов устроили показ изъятых у подсудимых: пачки денег, драгоценности, золото... И, конечно же, из Узбекистана преступные следы шли в Россию, в том числе и в Москву. Но, судя по всему, большинство “московских поделщиков” узбекских махинаторов оказались Гдяну — Иванову не по зубам. И следователи, ставшие к тому времени депутатами, народными любимцами-борцами с мафией, похоже, и сами пошли вразнос. Пару месяцев назад они опубликовали в газете “Вечерний Ленинград” обращение (по сути — политический манифест), где, помимо прочего, утверждали: “Председатель Верховного Совета Горбачёв, его первый заместитель Лукьянов вместе с Лигачёвым выступают в роли главных покровителей мафии”. Всё тут понятно: чувствуя, что над их головами сгущаются тучи, многоопытные следователи логично рассудили, что лучшим способом защиты является нападение, и сами ринулись в атаку.

Верховным Советом СССР была создана депутатская комиссия по проверке материалов, связанных с деятельностью следственной группы, возглавляемой Гдяном. Эта комиссия и докладывала на заседаниях Верховного Совета. А Прокуратура СССР распространила среди депутатов официальный документ: соглашение на увольнение Гдяна и Иванова из прокуратуры и согласие на привлечение этих народных депутатов к уголовной ответственности.

Сами Гдян и Иванов отреагировали на разбирательство в свойственной им манере: на слушания не пришли, а отправились агитировать Армению, где они выдвинуты кандидатами в депутаты Армянской ССР. (Между тем, оба они в своё время настаивали именно на открытых парламентских слушаниях).

Докладывал один из сопредседателей комиссии писатель Рой Медведев, подтвердивший: факты грубого нарушения следствия по “хлопковому делу” — налицо, следователи подпадают по крайней мере под пять-шесть статей Уголовного кодекса. Поэтому комиссия сочла законным возбуждение Прокуратурой СССР уголовного дела по фактам нарушения законности. Ещё Медведев сказал, что их комиссия работала в обстановке давления со стороны комитетов защиты Гдяна, действующих от имени “широких народных масс”.

Депутат-юрист К. Д. Лубенченко сказал, что некоторые радикальные группы используют обоих следователей как таран для разрушения бастионов власти.

Один из депутатов сослался на слова Олжаса Сулейменова: когда такие люди становятся национальными героями, страна в опасности.

Кто-то требовал защитить авторитет главы государства, усматривая в “Обращении” Гдяна и Иванова прямое оскорбление Президента и клевету на него.

Были, однако, и другие мнения. Некоторые депутаты, не подписавшие отчёт комиссии, посчитали его необъективным. Они считают: Гдян и Иванов “винтики и жертвы” системы беззакония, процветавшей в стране много лет, а значит, “виновные не они, а система”.

Б. Н. Ельцин заявил, что в отчёте нет оценки действий Прокуратуры СССР и КГБ СССР, которые так или иначе контролировали ход следствия по “хлопковому делу”.

В конечном счёте Верховный Совет “осудил бездоказательные заявления Гдяна и Иванова, порочащие Верховный Совет СССР, отдельных депутатов и должностных лиц”, дал согласие на их увольнение — “в связи с невозможностью продолжения их работы в прокуратуре”, потребовал уволить и тех руководителей прокуратуры, которые не обеспечили надлежащего контроля за деятельностью следственных групп. Согласия на привлечение Гдяна и Иванова к уголовной ответственности Верховный Совет не дал.

Что же в итоге? А ничего. Постановление Верховного Совета, как и выводы депутатской комиссии, по сути, никого ни в чём не убедили. Сторонники Гдяна и Иванова лишь утвердились в собственном мнении. Сами следователи после всего, что было, теперь в ореоле страдальцев борьбы “за правое дело”. А если отбросить эмоции и симпатии-антипатии? Есть ли у них заслуги в раскрытии хлопковой аферы? Безусловно, есть. Нарушали ли они при этом закон? Скорее всего — нарушали, потому что таковы были правила игры, таковой была и во многом останется система следствия. Вопрос лишь в том — как они сами, наедине с собой, оценивают содеянное: сожалеют ли о чём-то, раскаиваются в чём-то, посещают ли их сомнения? Но именно этого они, скорее всего, никогда и никому не скажут. А потому и остаются героями для одних и злодеями для других.

Председателем Моссовета избран экономист Гавриил Попов, а его заместителем Сергей Станкевич. Оба — радикальные либералы-демократы. Поглядим, что из этого получится.

23 апреля

На отчётно-выборных партийных конференциях не обходится без сюрпризов. В Качирах “прокатили” второго секретаря райкома партии. Не помогло даже то, что в работе конференции участвовал сам первый секретарь обкома партии.

В Экибастузе разгорелась борьба за пост первого секретаря горкома между нынешним первым и вторым — его подчинённым. На стороне нынешнего — верхушка обкома. Накануне партконференции велась обработка влиятельных руководителей предприятий Экибастуза, чтобы обеспечить победу действующему первому. За второго — В.Н. Третьякова — были многие парторганизации города. На конференции он выступил с продуманной убедительной программой и в итоге победил. Скорее всего, не последнюю роль при этом сыграл и неоправданно жёсткий прессинг на делегатов со стороны партаппарата.

Впрочем, и во всей партии назревает явный раскол. Сторонники “Демократической платформы” (Г. Попов, Ю. Черниченко, Б. Ельцин и другие) опубликовали в “АиФ” заявление, в котором утверждают, что партаппарат решил в корне задуть предсъездовскую партийную дискуссию. “Идейные” партийцы выступают против разброда и шатаний, опасаясь раскола партии на съезде. И те по своему правы, и эти — чёрт ногу сломит в этих идейных спорах.

25 апреля

Публикуем постановление Верховного Совета Казахской ССР об избрании Президентом Казахской ССР Н. А. Назарбаева и его речь на первой сессии Верховного Совета Казахской ССР двенадцатого созыва:

“... На первом заседании Совета Федерации... я от имени республики высказался за полнокровную федерацию — самое разумное, наиболее эффективное государственное построение не только нынешнего, но, пожалуй, и будущего века.

... Мы вновь со всей решимостью и ответственностью заявляем, что нашим флагом был и остаётся красный, что наша цель — гуманный социализм в ленинском понимании этого слова...

... Скажу откровенно: на карту поставлено само существование социалистического строя, будущее нашего народа... Ныне только партия является той единственной консолидирующей и организующей силой, которая способна обеспечить достижение благородных идеалов, провозглашённых ею на историческом апрельском Пленуме ровно пять лет назад. Всё другое сейчас — политический пустоцвет”.

Наш спецкор на сессии Верховного Совета Казахской ССР В. Гольшкин “диктует в номер”, что не все депутаты были согласны с учреждением поста Президента в республике. В итоге “за” было 317 голосов, а 18 — против Н. А. Назарбаева.

Председателем Верховного Совета избран бывший секретарь ЦК Компартии Казахстана Е. М. Асанбаев. Против него выступал на сессии У. А. Джолдасбеков — ректор КазГУ наших студенческих времён. В ту пору — очень могущественный человек. Во времена Г. В. Колбина он был подвергнут жесточайшей критике, в том числе и в центральной печати, смещён со всех постов и, казалось, канул в небытие... Но уверенно выиграл выборы, победив нескольких соперников, и теперь вновь смело заявляет о себе.

Кстати сказать, в студентах я ходил к Джолдасбекову на приём, просил перевести беременную Ольгу с очного на заочное отделение. И он разрешил, хотя в учебной части нас с ней заверили, что это невозможно, что надо брать академический отпуск... Позднее он же, уже на распределении, предложил мне, как обладателю “красного” диплома, пойти на работу в республиканскую “Ленсмену” (в то время очень популярную), но я отказался: во-первых, заявка от “Ленсмены” была на моего однокурсника, а, во-вторых, у меня самого уже была договорённость со “Звездой Прииртышья”...

А у нас в области всё ещё продолжаются предвыборные баталии — в Экибастузе и в двух сельских районах. В Экибастузе в борьбу вступили сразу восемь кандидатов, одного из которых нам велено поддержать. В одном из районов

“схлестнулись” первый секретарь райкома и секретарь обкома партии. Первый, наплевав на субординацию и партийную этику, рубит на встречах с избирателями правду-матку: нам, сельским людям, нужен сельский, а не Красносельский (фамилия его соперника) депутат.

Сам я всё чаще ощущаю себя зависимым от системы, в обойме которой по должности состою: всё время приходится что-то тормозить, приглаживать, “рассставлять акценты” или, наоборот, что-то проталкивать. Правда, в этом отчасти и есть смысл редакторской работы, но одно дело, когда делаешь это, исходя лишь из собственных убеждений и профессионального опыта, и совсем другое, если руководствуешься рекомендациями партийного начальства. Теперь я куда яснее понимаю, насколько всеильна и безжалостна система аппаратного подбора кадров: тех, кто угловат, она “обкатывает”, тех, кто поначалу строптив, укрощает и дрессирует, оставляя в конечном счёте лишь тех, кто ей подходит. Людей же ярких, не желающих терять собственное “я”, система либо беспощадно уродует, либо вышвыривает.

Я, стараясь по возможности не конфликтовать с системой, пытаюсь оставаться самим собой, что удаётся далеко не всегда...

Вчера вечером пришла В. А. Гартвих — секретарь парторганизации модельного цеха тракторного завода, депутат областного Совета. Принесла обращение коммунистов цеха, призывающих однопартийцев поддержать на предстоящей партконференции кандидатуру Ю. А. Мещерякова на пост первого секретаря обкома. Зная её давнишний критический настрой по отношению к М., я даже опешил.

— Читайте — там всё написано, — сказала она и добавила: — Мещеряков показал способность правильно оценивать и корректировать свои действия, пошёл на диалог с “неформалами”, выступил на общегородском митинге — словом, продемонстрировал черты политического лидера. Что же касается его практических шагов по улучшению жизни людей, то они общеизвестны.

Да, чего только не бывает в жизни...

Утром позвонил Ю. А. Мещерякову и понял, что моя новость про обращение никакая для него не новость, скорее, это была, как говорят шахматисты, домашняя заготовка. Договорились — будем публиковать.

М. С. Горбачёв — в Свердловске. Шаг в его стиле: обстановка в партии накаляется и надо заручиться поддержкой рабочего класса. Отстаивает недавно опубликованное обращение ЦК КПСС к коммунистам, говорит, что дискутировать надо, но только с теми, кто за единство партии, а тем, кто ведёт дело к расколу, пора определиться — с кем они.

Либерал-демократ, народный депутат СССР Ю. Афанасьев уже определился — публично заявил о своем выходе из партии.

1 мая

Из опубликованной в праздничном номере информации: 500 населённых пунктов области связаны автобусным сообщением, в том числе более полутора сотен сёл — с областным центром.

Ежесуточно по всей области отправляется в путь только на автобусах более 30 тысяч человек. Сегодня без проблем можно добраться из любого села в районный центр.

5 мая

Из интервью начальника управления управления облисполкома по закупкам и качеству сельхозпродуктов Г. И. Перескова:

В этом году нам необходимо отправить в установленные сроки мяса в союзный фонд — 7 тысяч тонн, в республиканский — 14 тысяч тонн, масла — 2269 тонн, сухого молока — 2890 тонн, или в переводе на цельное молоко — 61 тысячу 600 тонн...

Мясо идёт в города Средней Азии, в Караганду, Алма-Ату, Семипалатинск, а масло и молоко — во многие города республики... Если раскинуть вышеперечисленные цифры на каждого городского жителя, то ему бы досталось дополнительно по 39 килограммов мяса и 100 килограммов молока. (Их у нас приходится на душу населения, соответственно, 70 и 330 килограммов).

На всю неотправленную в союзный и республиканский фонды продукцию области в суммарном денежном выражении сокращаются на тот же объём поставки сахара, чая, импортных товаров, а также дефицитных комбикормов, без которых не обойтись в животноводстве.

Так что тут не шибко забалуешь... (Это я уже от себя добавляю).

6 мая

Пять дней провели с Ольгой в Москве — пять прекрасных дней... Там отпраздновали Димкин день рождения и 15-летие нашей свадьбы.

А ездили мы в МНТК “Хирургия глаза” — знаменитую московскую клинику С. Фёдорова. Год назад в ней побывал Костя Минкин и поставил меня на очередь. Некоторое время назад сделал удачно операцию С. П. Шевченко. И хотя уровень, на котором тут работают, и впрямь высочайший, но мне в клинике ничем помочь не смогли: мой левый глаз обречён, грубо говоря, вместо зрительного аппарата у меня там — чёрная дыра... Впрочем, я и не строил на этот счёт никаких иллюзий — просто решил лишний раз удостовериться.

Жили мы в “России” (опять благодаря А. Г. Колодному, он заезжал нас повидать), побывали в трёх театрах — сатиры, Ермоловой, Маяковского. Сходили на Арбат и в знаменитый “Макдоналдс”, проехали на троллейбусе по Садовому кольцу (почему-то никто до сих пор не додумался организовать специальную троллейбусную экскурсию по этому маршруту — ведь желающих было бы — хоть отбавляй), много бродили по московским улочкам в центре, открывая для себя всё новые и новые достопримечательности.

На первомайскую демонстрацию не пошли (хотя такая возможность была) и правильно сделали, потому что закончилась она скандалом. Последними шествовали “неформалы” с трёхцветными, чёрными и прочими флагами и хамскими лозунгами (например: “Из кресла — на лагерную полку” и тому подобное). Стоявшие на трибуне Президент страны, члены Политбюро ЦК КПСС, председатель Моссовета вынуждены были покинуть её, не дожидаясь завершения демонстрации, организованной “по-новому”.

Вообще же Москва — внешне обычная, хотя и голодноватая, всюду очереди. Активность политической жизни если и проявляется на улицах, то весьма своеобразно: на Арбате торгуют шаржами и карикатурами на М. С. Горбачёва, среди которых есть довольно талантливые, но жёсткие и даже злые. На Пушкинской

площади торгуют сексуальными брошюрками, где искусство любви не только описывается, но и демонстрируется в рисунках, представляющих любовников в самых диковинных позах. Тут же за небольшую цену распространяют газетёнку непонятного происхождения со статьёй «Кто такая Раиса Горбачёва». Впрочем, незаметно было, чтобы и то, и другое пользовалось спросом.

В «Макдоналдсе», куда нам пришлось выстоять получасовую очередь, ошарашивают цены и организация обслуживания. За комплектный набор (большой бутерброд с мясом, овощами и майонезом — «Биг-мак», горстка пожаренного картофеля, напиток в фирменном стакане) надо выложить шесть рублей. Но судя по наплыву посетителей, желающих приобщиться к системе быстрого капиталистического общепита, цены мало кого останавливают. Как же, будет потом что рассказать друзьям и знакомым...

Не могу сказать, что мне пришлось по вкусу продукция «Макдоналдса», я бы предпочёл «Биг-маку» хороший бифштекс с яйцом... А вот что действительно понравилось — это скорость обслуживания. Работают там в основном совсем молодые парни и девчонки — притом споро, ловко, бегом, аж пританцовывая от усердия. И всё это с улыбкой, готовностью угодить. У меня тут же встали перед глазами буфетчицы из далеко не худшей в Москве гостиницы «Россия», где мы жили: их равнодушные, будто сонные, недовольные физиономии, ленивые, нарочно замедленные движения... К тому же никудышный ассортимент и несуразно высокие цены.

Контраст просто поразительный и, разумеется, полная ясность насчёт того, какая система обслуживания эффективнее — советского или капиталистического общепита.

Пытался выяснить у обслуживающего нас с Ольгой парня — сколько он тут зарабатывает, но ничего не добился: отвечал, что это зависит от многих факторов; чтобы попасть сюда, выдержал большой конкурс, работает по четыре часа, устаёт, но не жалеет...

Мой однокурсник и друг Васька Дмитровский стал лауреатом премии Союза журналистов СССР, присуждаемой ежегодно накануне Дня печати. Васька — личность неординарная: сын нашего декана, уважаемого человека, фронтовика М. И. Дмитровского — в своё время попал в медвытрезвитель и был временно отчислен из университета. Затем проходил перевоспитание на строительстве КазГУграда (нашего нового университетского комплекса), восстановился на наш же курс, по окончании получил блестящее распределение — в главную партийную газету республики — «Казахстанскую правду», откуда год спустя ушёл в лесники; вскоре схлопотал срок за якобы незаконную порубку сосенок по заявке одной из контор, отсидел, по его собственному выражению, два времени года; выйдя на свободу, устроился в журнал для слепых («Старик, — говорил он мне, — у тебя в лучшем случае каждую строчку прочитывают, а у меня общупывают каждую букву!»), от туда со временем перебрался в главную молодёжную газету республики — «Ленинскую смену», писал немного, но по-крупному, и вот — результат. Васька, безусловно, талантлив, но он человек авантюрного склада, журналистика его интересует постольку-поскольку. Что, впрочем, не мешает нам все эти годы дружить. Главные нынешние Васькины увлечения — пчёлы и яблоневые сады в заповедных местах под Алма-Атой. Он взял их на несколько лет в аренду и, по слухам, проводит там времени больше, чем в редакции. Ещё говорят про его роман с молоденькой сотрудницей

“Ленсмены”. А я в дружеских отношениях не только с ним, но и с его женой Натальей, работающей в журнале “Кооператор Казахстана” и частенько бывающей во время командировок в Павлодар у нас дома.

9 мая

Выполнял “поручение особой важности” — вместе с А. М. Ажибаевой встречал у трапа самолёта журналиста “Казправды” Л. В., приехавшего освещать нашу областную отчётно-выборную партконференцию. Л. В. и вообще-то отличается ершисностью, а тут у него ещё и особая миссия... Он ведёт себя так, будто всё знает наперёд: на конференции “ожидаются некие события” (потому-то он и послан сюда). Л. В. поселили в “резиденции” — уютной гостинице на берегу Иртыша для особо важных гостей. За ужином к нам присоединяется второй секретарь обкома партии М. К. Дуйсембаев, но говорил за столом в основном Л. В., а мы больше помалкивали; разве что А. М. Ажибаева поддерживала светскую беседу. Мне всё это не нравилось, но приходится терпеть — завтра конференция, надо поберечь нервы.

11 мая

В селе Майском, что на самой границе Семипалатинского ядерного полигона, прошёл многолюдный митинг, участники которого приняли обращение к президентам СССР — М. С. Горбачёву и США — Д. Бушу с требованием немедленно прекратить ядерные испытания на полигонах — у нас и в Неваде. Публикуем об этом заметку.

12 мая

Не так страшен чёрт, как его малюют... Долгожданная партконференция прошла без катаклизмов, хотя не обошлось без сюрпризов. Первый и самый неприятный для Мещерякова — большой материал в московском “Огоньке” “ЧП провинциального масштаба”, где главным героем предстаёт Шакиримов, появился в Павлодаре как раз накануне конференции. Вряд ли это было простое совпадение. М. советовался со мной: как ему отреагировать в докладе на публикацию? Я отвечал — никак не надо, но он поступил иначе: говорил о своём глубоком уважении к Ш., о том, что не раз предлагал ему на выбор руководящие должности, от которых тот отказался; и вот теперь кто-то вновь пытается вбить клин между ними и внести раздор в наши партийные ряды. Впрочем, хорошо уже то, что М. никого не стал клеймить в связи с этой публикацией, копия которой быстро распространилась среди делегатов партконференции.

Вообще же примерно полуторачасовой доклад Ю. А. Мещерякова был принят сдержанно. Я сделал для себя некоторые пометки из него.

За полтора года было принято в партию 1325 человек, а исключено и выбыло по разным причинам — 1145. В Павлодаре, Экибастузе, Ермаке всё больше коммунистов выходит из партии. Если в 1988 году сдали партбилеты всего шесть человек, то в 1989 — 206, а за четыре с небольшим месяца этого года — уже 142.

Областная парторганизация — дотационная и ежегодно получает от ЦК КПСС подпитку до полутора миллионов рублей. Скоро её не будет — стало быть, деньги надо не только экономить, но и учиться зарабатывать.

Есть реальные сдвиги в выполнении целевых областных программ. Так, из 55 тысяч семей, стоявших в очереди на получение жилья или улучшение жилищных условий на 1 января 1987 года, сделали это почти 39 тысяч семей, или 70 процентов. За четыре года в области построено 2,2 миллиона квадратных метров жилья.

За четыре года введено в эксплуатацию детсадов-яслей на 13 тысяч мест, на тысячу мест больше, чем за всю предыдущую пятилетку. Построено также в два раза больше больниц и в четыре раза — поликлиник.

Только в прошлом году введено в эксплуатацию 16 сельских врачебных амбулаторий и фельдшерско-акушерских пунктов, около 40 сельских Домов быта, 49 сельских кулинарных магазинов.

Хорошо что Мещеряков не стал в докладе форсировать вопрос о создании чисто партийных газет, высказав лишь общие здравые суждения на эту тему.

В докладе ревизионной комиссии впервые были обнародованы сведения о доходах областной парторганизации: в прошлом году было собрано 4 млн. 136 тысяч рублей партийных взносов, и дотация ЦК КПСС составила 1 млн. 344 тыс. рублей. А расходы были 5 млн. 237 тыс. рублей, в том числе на содержание аппарата райкомов и горкомов — 2 млн. 67 тысяч, аппарата обкома — 564 тыс. рублей; остальные средства — на содержание зданий, их ремонт и другие нужды. В проекте нового Устава КПСС предусматривается до половины взносов использовать на нужды первичных парторганизаций, так что без сокращения партаппарата никак не обойтись.

Первый секретарь Индустриального райкома партии Павлодара С. Б. Алибаев похвалил нашу газету, связав это с моей персоной, и тут же лягнул обком партии за то, что газету зажимает. Критиковал и лично Мещерякова — за подбор кадров по принципу личной преданности, за шарахание во взаимоотношениях с “неформалами”.

В перерыве некоторые (не без иронии) поздравляли меня: вон, мол, как тебя поддержал Алибаев. На что я отвечал: “Боюсь, эта поддержка мне выйдет боком...”.

Критиковали Мещерякова и другие, но сдержанно. А больше других ему досталось от начальника областного управления Промстройбанка Т. М. Манахбаева. За жёсткое, неоправданное администрирование (при нехватке средств и стройматериалов навязал тресту “Промстрой” строительство нового рынка, хотя в нём не было острой необходимости, а трест из-за этого сорвал план сооружения мяскокомбината и молкомбината), за негодную кадровую политику и даже за приписки, когда в статотчёты включалось фактически недостроенное жильё.

Касаясь истории с Шакиримовым, Манахбаев напомнил: о ней писали “Правда” и “Известия”, “Рабочая трибуна” и “Казахстанская правда”, а теперь вот и “Огонёк”... Ещё Манахбаев сказал, что Шакиримова фактически не допустили в члены обкома, что Мещеряков, используя свою власть, хотел растоптать своего сильного конкурента.

Потом в кулуарах говорили, что выступление Манахбаева должно было стать первым в цепи подобных и привести к смещению Мещерякова, но этого не произошло. Да и сам Манахбаев, сославшись на казахскую поговорку “Караван исправляется в пути”, сказал, что не собирается предлагать другую кандидатуру на пост первого секретаря, а его критика направлена на то, чтобы подобного не было впредь.

В остальном конференция проходила более-менее ровно... Я тоже выступал. Говорил о проблемах журналистских кадров, о том, что многие годы нам приходилось работать далеко не в самой благоприятной общественной атмосфере, когда контролируется едва ли не каждый наш шаг. Кем только в последнее время журналисты не были: и солдатами партии, и её приводными ремнями, и её подручными... Потому-то в большинстве газет и пользовался спросом некий усреднённый обкатанный тип газетчика, всегда знающий своё место, никогда не высывающийся и не доставляющий хлопот редактору. И это не вина, а беда многих журналистов: человек не может вот так запросто стать другим.

В одном месте речи даже сорвал аплодисменты, когда сравнил нашу нынешнюю зарплату с заработком нижнего чина журналиста дореволюционной

“Екатеринбургской недели” — этот хроникёр-полицейский, писавший восьми строчные заметки, имел в доме горничную и кухарку.

Выборы также сначала шли без эксцессов. Мещеряков шёл без альтернативы, из 604 делегатов против него были 81.

В перерыве М. подошёл к нам с А. М. Мухамеджановым и сообщил: он намерен рекомендовать меня в члены бюро обкома партии, напомнив, что Альхаджа Мухамеджанович уже избран членом президиума областного Совета народных депутатов. Я ошарашенно молчал, поскольку это известие стало для меня полной неожиданностью, зато Алеке с присущей ему рассудительностью заявил, что всецело поддерживает идею.

— Ну вот и договорились, — удовлетворённо заключил Мещеряков, — сами понимаете, я не мог с вами говорить заранее, не зная, буду ли избран сам...

А меня продолжали обуревать сомнения: по правде говоря, я бы хотел быть подальше от этих высоких партийных знаков отличия (пусть и общественного свойства). Опять получилось, что не я управляю обстоятельствами своей жизни, а они мною.

При голосовании из 146 членов обкома против меня оказались двое. А сам я всё не знал — радоваться тому, что произошло, или наоборот... Что стоит за решением М. ввести меня в высший круг партизбранных: желание иметь в бюро человека, чьё мнение будет не всегда совпадать с мнением большинства, или, напротив, формально приблизив, держать на ещё более коротком поводке? Поразмыслив, пришёл к выводу, что надо просто оставаться самим собой, а дальше будет видно.

Последним же сюрпризом конференции (хотя это также можно назвать домашней заготовкой Мещерякова) стало устранение с поста второго секретаря обкома М. К. Дуйсембаева. Наверное, он и в самом деле был не очень хорошим помощником Мещерякову, но обошлись с ним всё же не по-людски. Всё шло тихомирно, но когда стали обсуждать кандидатуру второго секретаря, альтернативой Дуйсембаеву выдвинули первого секретаря Павлодарского райкома К. К. Ашимбетова. По итогам голосования он и победил — с небольшим перевесом. Вот так стал временно безработным второй человек в обкоме партии, случившееся стало для него полной неожиданностью.

Всё же не соскучишься с нашими партийными нравами...

23 мая

Вернулся из Москвы, с курсов в Академии общественных наук (сокращённо — АОН) при ЦК КПСС. Раньше редакторов областных газет собирали на подобный партийный ликбез (и для прочистки мозгов тоже) раз в пять лет и на целый месяц, а теперь вот — через два с половиной года и всего на десять дней. Я на подобных курсах был впервые, ещё и поэтому впечатлений — хоть отбавляй.

Ситуацию в стране с самых разных сторон нам обрисовывали секретари ЦК КПСС (в том числе члены Политбюро Е. К. Лигачёв и В. А. Медведев), союзные министры и их заместители, главные редакторы “Правды”, “Известий”, “Советской России”... Старался записывать всё, исписал целый большой блокнот и целый большой стержень шариковой авторучки.

Но сначала — о некоторых общих впечатлениях. Новый большой комплекс зданий АОН на юго-западе Москвы занимает внушительную охраняемую территорию, отгороженную от внешнего мира. Здесь всё устроено так, что можно жить автономно, неделями, месяцами не выходя на шумные, суетливые улицы столицы. Условия для учёбы и жизни в АОН — о лучших и мечтать не приходится...

Отличные жилые комнаты (на каждого отдельная) со всеми удобствами, разве что без телевизора (он рядом в холле, но я не замечал, чтобы у него собирался народ, даже свой любимый “Взгляд” я частенько вечерами смотрел в

гордом одиночестве). А в комнате, кстати, есть не только посуда, но и небольшая электроплита: при желании можно и суп сварить. В столовой, даже с моим отменным аппетитом, на обед хватает рубля... Это раза в три дешевле, чем в любой общедоступной столовой Москвы. В буфетах АОН, если повезёт, можно купить и хорошей копчёной колбасы, а я приноровился ходить сюда за индийским чаем. Моя мать до него большая охотница, а в Павлодаре его днём с огнём не сыщешь. Я же, чтобы не выглядеть чересчур “дефицитоозабоченным”, беру за раз по паре стogramмовых пачек, и натаскал его с килограмм. Мать будет счастлива.

Есть тут даже бар, который по вечерам превращается в ресторан, но мы туда ни разу не ходили. Большинство коллег предпочитает стратегические запасы “горячительного”, прихваченного из дома. Я, впрочем, и тут просчитался, решив, зачем же повезу в Москву с собой водку... А её тут в свободной продаже теперь нет вовсе.

Но, кажется, я увлёкся гастрономическо-бытовой стороной нашей жизни... А в АОН созданы и прекрасные условия для учёбы: десятки аудиторий самой разной вместимости, где всё новое, с иголки; прекрасная библиотека; киноконцертный зал, книжный и газетный киоск (по утрам именно здесь — самая большая очередь) и прочая, прочая, прочая... Есть прекрасный стадион, и даже теннисный корт. Скорее всего, я назвал далеко не всё, но, думаю, и этого достаточно, чтобы сделать вывод: партия не жалеет средств для воспитания своих кадров...

Теперь о некоторых общих впечатлениях, оставшихся после недельных курсов (срок обучения нам на пару-тройку дней урезали). Самое главное — усилилось ощущение растущей нестабильности жизни, разброда в умонастроениях, какой-то всеобщей неопределённости... Усилилось чувство личной тревоги: что-то со всеми нами будет?

Настроение редакторского корпуса (сужу по выступлениям собратьев в дискуссиях, по отдельным их репликам и вопросам разного рода ораторам и, конечно, по личным контактам) я бы определил как умеренно-консервативное. Я, конечно же, могу ошибаться, но радикальных речей не звучало. А вот стенаний по поводу того, что “ЦК не даёт достойного отпора демагогам и чернителям всех мастей, а также не даёт, как встарь, хороших рекомендаций, упускает власть...”, прозвучало немало.

Любопытно, что наш брат-редактор, сетуя на зажим критики, амбициозную реакцию на неё со стороны партчиновников и начальников разного ранга, сам эту критику принимает в штыки. Как-то к нам пришёл новый главный редактор журнала “Журналист” Д. С. Аврамов. На него тут же навалились редакторы “Тамбовской правды” и “Правды Украины”. Первый был недоволен критическим письмом местного “неформала” в адрес своего издания, а второй буквально “нёс” редактора “Журналиста” за аналитический материал, в котором критически осмысливалась позиция украинского коллеги. И всё бы ничего, но уж больно знакомые нотки звучали в яростной речи седовласого редактора “Правды Украины”: “А ведь мы стояли и стоим на твёрдой партийной позиции!”. Редактор “Журналиста” пытался возражать: “Да вы же не опровергаете по сути ни одного факта из нашей корреспонденции...”. Но на него тут же ополчились редакторы областных газет с Украины: “Вы шельмуете не только редактора главной партийной газеты республики, но и председателя правления республиканского Союза журналистов, за которым стоят тысячи журналистов...”.

Не думаю, что эти тысячи в данном конкретном случае за ним стоят, потому что хорошо помню эту корреспонденцию в “Журналисте” — спокойную, аргументированную, с элементами критики, но не более того... Увы, в который раз убеждаюсь: мы, журналисты, тоже хороши и не всегда объективны и самокритичны... Глупо обижаться на редакторов партийных газет за их консерватизм: все

мы люди своего времени, большинство пришло на свои посты не сегодня и даже не вчера: сказывается “идейная закалка” кадров; а в условиях нестабильности и всевозможных шараханий к умеренности, золотой середине влекут и трезвый расчёт, и инстинкт самосохранения.

“Чисто” партийным газетам, связанным с партийным бюджетом, сегодня живётся получше, чем нашим, связанным с местными бюджетами. В тех уже повысили зарплату — на 30-40 процентов, а нам — нет. Об этой явной несправедливости многие редакторы говорили на встрече с членом Политбюро, секретарём ЦК КПСС В. А. Медведевым. Он вынужден был оправдываться: вначале хотели увеличить зарплату во всех газетах, но “в условиях формирования правового государства” (разделение функций партии и государства) посчитали это неправильным, и для партийно-советских газет (таких большинство) ограничились поручением Совету Министров СССР, а тот, мол, тянет...

За время курсов по поводу этого самого повышения зарплаты высказались с десятков высокопоставленных ораторов и все по-разному: от “вопрос будет решён днями” до “никаких денег на повышение зарплаты журналистам не дадим”. Что уже само по себе свидетельствует о неразберихе (если не сказать — хаосе), царящей в высших эшелонах власти.

А наибольшую изворотливость проявил, выступая перед нами, управляющий делами ЦК КПСС Н. Е. Кручина. Он — наш земляк, бывший первый секретарь Целиноградского обкома партии. Говорят, пользовался особым доверием у Л. И. Брежнева, с которым знаком ещё с целинных времён; ещё говорят, что именно благодаря поддержке Кручины смог пересидеть в нашей области первые перестроечные годы (и неплохо устроиться в Москве после отставки) его давний товарищ П. И. Ерпилов. В руках Н. Е. Кручины — многомиллионная партийная касса, и от его позиции во многом зависело решение столь интересующей нас проблемы. А он за час с лишним общения с нами по существу вопроса так ничего и не сказал, лишь заявив напоследок, что внимательнейшим образом всё изучит, рассмотрит и т. д. Вот оно, великое искусство аппаратной партийной бюрократии. Неудивительно, что он сохраняет за собой этот пост — ключевой в партии (его некоторые считают повыше “рядового” секретарского) — уже при четвёртом Генеральном секретаре ЦК КПСС.

А вообще были встречи интересные, яркие, и не очень, даже дежурные. У меня сложилось впечатление, что “приходящие” ораторы — зампреды Совмина, министры, учёные — менее ортодоксальны, более современные, чем наши, “аоновские”. Наверное, это закономерно: первые стоят ближе к жизни, поскольку каждодневно сталкиваются с её реалиями.

Проблема из проблем, как явствует из многих выступлений — переход к рынку (регулируемому, как у нас его стыдливо именуют). Именно на этих курсах я как-то очень отчётливо понял, что всем нам (и газетам — в том числе) скоро придётся жить в совершенно новых условиях: деньги не получать, а зарабатывать; пройти через множество испытаний, включая повышение цен, и бороться за выживание; будут общественные возмущения и безработица... Нас в самое ближайшее время ждёт повышение цен на бумагу и на услуги почты... Значит, неизбежно будет падать тираж... В общем, лёгкой жизни не предвидится.

На второй день после приезда разыскал (по телефону) редактора магаданской областной газеты — хотел узнать о судьбе однокурсника Лёхи Закутаева. Лёха считался одним из самых способных среди нас и распределиться сумел в

Магадан, где проходил преддипломную практику. Лёха собирался туда вместе со Светкой Сорокиной, нашей же однокурсницей. Лёха был женат, а Светка — замужем, когда они вдруг воспылали страстью друг к другу. Донской казак Лёха был настоящий орёл, честное слово, не подберу другого слова, великолепный рассказчик, душа компании; белокожая, белокурая красавица Светка — под стать ему. Как здорово они смотрелись вместе!

Но в конце концов вышло так (почему — история особая), что Светка осталась в Алма-Ате с законным мужем, а Лёха всё же отправился в Магадан один. Одно время мы с ним переписывались; судя по письмам, всё у него шло хорошо: начинал в престижном отделе партийной жизни, быстро получил квартиру, стал завсельхозотделом... Но уже несколько лет от него не было вестей, и я, конечно, хотел знать — что там у него и как.

Редактор “Магаданской правды”, с которым мы вскоре увиделись, оказался свойским мужиком — бывшим редактором районки. Достал початую бутылку водки, какую-то немудрёную закуску, мы с ним выпили, поговорили “за жизнь”, и я стал расспрашивать про Лёху.

Из “Магаданской правды” Лёха недавно ушёл. Как сказал мне редактор — “не вписался”, хотя начинал хорошо. Когда в соответствии с новыми веяниями в редакции стали не назначать, а выбирать заведующих отделами, на свою прежнюю должность не прошёл; самовыдвигался в замы — тоже безуспешно. Понятное дело — захандрил, а потом ушёл. Теперь создаёт новую газету — областного совета профсоюзов.

Эти новости меня несколько расстроили — было обидно за Лёху, которого Бог, безусловно, полной мерой наградил и умом, и талантом. Ну а с другой стороны, человек начинает новое дело; в профсоюзах народу больше, чем в партии, так что читательская аудитория будет — ого-го... Передал ему визитку со своими координатами и припиской: “Отзовись!” — и раскланялся.

А домой из Москвы в Павлодар меня провожал первый в моей жизни лично знакомый президент. “Президент фонда малых народов и этнических меньшинств ИНТЕРЭТНОС В. П. Таштамышев” — значилось на его визитке. Президента я вызволил по телефону, и он приехал ко мне в АОН.

Вовка Таштамышев — также наш однокурсник, но пришёл к нам, кажется, с заочного отделения, на втором или третьем курсе. Репутацией, по правде говоря, он пользовался незавидной; я даже не знаю — почему. У него была экзотическая внешность, пышная тёмная шевелюра, своеобразная быстрая манера речи — с какими-то прихихатываниями. Мы в группе знали друг о друге почти всё, а о нём — никто ничего... Можно сказать, однокурсники его не приняли, хотя у нас с ним и в университете, и потом сложились вполне приличные отношения; он не раз приезжал в Павлодар — то из одной, то из другой конторы, бывал у меня дома...

Внешне В. П. Таштамышев изменился мало, одет был не по-президентски скромно, о своей новой жизни рассказывал скупой и как-будто буднично: на президентство в фонде претендовали многие, главным соперником оказался бывший много лет послом СССР в США, а затем — секретарём ЦК КПСС Добрынин, но и он проиграл. Таштамышев на днях вернулся из двухдневной поездки по Бразилии, был там по делам фонда у нескольких его учредителей. Президентская зарплата — 2200 рублей в месяц, в том числе 30 процентов — в валюте. (Я, конечно, тут же прикинул: даже без валюты, которую я в глаза не видел, в пять-шесть раз побольше моей будет).

Слушал Вовку и не знал: верить — не верить... Ещё мой бывший однокурсник всё время порывался позвонить в гараж Совмина и вызвать машину, чтобы отвезти нас на аэровокзал. Каюсь: то ли поскромничал, то ли перестраховался (приедет “совминовская” “Волга” или нет, а я, чего доброго, на регистрацию опоздаю), и мы с В. П. Таштамышевым отправились на аэровокзал на попутном такси, за что мне пришлось выложить “червонец”... До сих пор жалею, что отговорил Таштамышева от идеи с машиной.

Пока был в Москве, умерла наша бессменная (отработала в конторе лет сорок) телетайпистка Мария Григорьевна Грузницкая. Она давно вышла на пенсию, но продолжала работать. После очередного дежурства пошла домой, на автобусной остановке почувствовала себя плохо, кто-то вызвал “скорую”, но было уже поздно. Родные всполошились не сразу (может, на работе задержалась — обычное дело), искать стали утром и обнаружили, уже с помощью наших редакционных, в морге...

Давно ли мы в редакции отмечали юбилей Марии Григорьевны? Она наговорила дома всякой всячины, накрыла в конференц-зале стол, произнесла свой коронный тост:

— Дай вам всем Бог, чего хочется, — и после короткой паузы: — в эту же ночь! Пусть земля будет вам пухом, Мария Григорьевна!

Из записей, сделанных на курсах в АОН при ЦК КПСС (13.05 — 22.05)...
“Круглый стол” “КПСС в современной политической ситуации”.

— Петух рассматривает любой предмет то с одной стороны, то с другой: его глаз устроен так, что не в состоянии увидеть предмет целиком. Нечто подобное происходит сегодня и с нами: мы “схватываем” только часть явления и события, и поэтому наши представления о них бывают неполными, половинчатыми.

— Это надо иметь в виду, оценивая дискуссии о состоянии и роли партии. Одни считают достаточным её “косметический ремонт” — усовершенствовать технологию организации партийного дела; другие требуют существенного пересмотра функций партии, её Устава, членства; третьи готовы “по винтику, по кирпичику” растащить её, превратив в партию парламентского типа. Но ведь КПСС задумывалась как партия авангардного типа, она была и должна остаться руководящей, ведущей силой общества — ведь правящая партия...

— Суть проблемы состоит в том, что партия переживает самый глубокий кризис за всю свою историю, по сути, речь идёт о её политической судьбе.

Много споров вокруг “Демократической платформы”, предложенной ректором московской Высшей партийной школы В. Шостаковским. В ней, помимо прочего, отрицается принцип демократического централизма, допускается существование партийных фракций... С таким подходом истинные партийцы мириться не намерены: Московский горком партии обратился в ЦК КПСС с предложением освободить В. Шостаковского от должности ректора московской ВПШ... Одни считают подобный подход правильным, другие убеждены, что это будет потерей для партийной науки, нанесёт большой урон системе подготовки партийных кадров.

В. Шостаковский выступал перед нами: производит впечатление глубоко-го, умного, абсолютно вмняемого человека.

“Круглый стол” “Национальная политика ЦК КПСС в современных условиях”. Суть разговора:

Вспомним — что было: морально-политическое единство советского общества, новая исторически сложившаяся общность людей — советский народ... Убеждали себя и других — всё так и есть.

Что стало? Необъявленная война в Армении и Азербайджане, с обеих сторон по 30 тысяч вооружённых боевиков и в общей сложности 600 тысяч беженцев (они уже есть и у нас в Павлодаре); беспокойно на Кавказе и в Закавказье; прибалты взяли курс на полную независимость... То есть речь идёт о целостности СССР...

Что же с нами произошло? Может, безоглядная демократия виновата? Или его и не было у нас, монолитного единства, как не был, по сути, решён национальный вопрос? Центр виноват или шовинисты, националисты, сепаратисты всех мастей?

Много чего было на этот счёт сказано... Да, многие народы впервые обрели государственность в составе СССР, республики получили юридическое равноправие. Но всё и всегда решалось в центре, а национально-самобитное нивелировалось, стиралось, приводилось к общему... В разные времена под разными предложениями были депортированы целые народы: немцы, чеченцы, ингуши, калмыки, литовцы, эстонцы, латыши, турки-месхетинцы. Проблемы национальных отношений периодически возникали и раньше, но решались жёсткими репрессивными мерами... За патриотические речи, которые сегодня открыто звучат в ряде союзных республик, в былые времена ораторы точно схлопотали бы срок...

Что делать? Есть уже специальная программа гармонизации межнациональных отношений — плод коллективного труда с участием союзных республик, но по ряду параметров она уже устарела. Кардинальной же мерой должно стать перезаключение Союзного договора: надо идти к обновлению Союза, при этом Центр должен согласовывать все свои шаги с республиками, учитывая местные условия и особенности каждой... Таким был общий вывод участников “круглого стола”. Говорилось на нём о ситуации в Прибалтике и проблеме возрождения немецкой автономии.

Прибалтийские “народные фронты” начинались с движений в поддержку перестройки, а трансформировались в хорошо отобюджетированные организации, не скрывающие, что их главная цель — выход из состава СССР. При этом они не останавливаются ни перед чем, считая, что для достижения этой цели все средства хороши.

Проблема возрождения немецкой автономии в Поволжье — в тупике. Эта идея однозначно отвергнута на сессиях облсоветов народных депутатов в Саратове и Волгограде... Организация советских немцев “Возрождение” считает в этих условиях невозможным вести какую-то дальнейшую подготовительную работу по воссозданию автономии. Усилились эмиграционные настроения среди немцев: в прошлом году уехало в Германию сто тысяч человек, в первом квартале этого года — уже свыше 30 тысяч.

Кстати, из Павлодара в Москву я летел в одном самолёте с большой, человек в 15, группой немцев, навсегда покидающих Казахстан. В аэропорту их провожали ещё человек 20: все они то обнимались, то плакали, то пели... Их чувства можно понять: тяжело уезжать, не зная, как примет тебя историческая родина и станешь ли ты там своим; и оставаться тяжело, если не сумеешь забыть, как оказался тут и сколько лет был человеком второго сорта...

Теперь предлагается созвать съезд немцев и учредить на нём национально-культурную автономию... У неё должны быть все права автономной республики, но не будет территории. Вряд ли сами немцы воспримут такую идею.

Ещё предлагается создать Госкомитет по делам национальностей СССР.

Из выступления председателя Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам В. И. Щербакова:

— Единственный способ ускорить наше продвижение вперёд в экономике — добиться того, чтобы каждый из нас иначе повёл себя по отношению к труду, стал работать более производительно и эффективно. Эту задачу не решат ни бог, ни царь и не герой — только рынок.

С переходом к рынку появится категория безработных, за рабочие места придётся бороться...

Нам придётся научиться жить в условиях “плавающих” цен.

Ещё Щербаков привёл такую ужасающую цифру: 41 миллион человек в СССР живёт за чертой бедности, то есть практически не сводит концы с концами.

Он же — о кооперативах:

— В Москве всё началось с кооперативного кафе на Кропоткинской. Цены в нём — заоблачные, а документации никакой: ни счетов клиентам не полагается, ни отчётов. Это, конечно, ненормально.

Один из первых успешных кооператоров Артём Тарасов ежемесячно получает от 500-600 тысяч до 3 миллионов рублей в месяц. Его компаньон-коммунист с одного из своих заработков уплатил около 90 тысяч рублей партийных взносов. Это при средней зарплате по стране в 240 рублей.

Завсектором ЦК КПСС Шаров:

— Дефицит бумаги в стране в этом году — 350 тысяч тонн. Незапланированный её расход связан с публикацией стенограммы Первого съезда народных депутатов СССР — это 86 полос в “Известиях”, выходящих тиражом свыше десяти миллионов экземпляров. А впереди аналогичный российский съезд, очередной съезд КПСС... Встаёт вопрос об уменьшении числа изданий и сокращении периодичности их выхода.

В условиях ухудшающегося финансового состояния нам рекомендуется до 50 процентов газетной площади отдавать под рекламу.

После этих слов редакторы недовольно зашумели: “Да где же её столько взять?”.

В ходе дальнейшего обмена мнениями некоторые из нас настаивали на встрече с М. С. Горбачёвым, но, судя по уклончивому ответу завсектором, я сразу понял, что таковой не будет. И зря: М. С. мог бы получить ещё один мощный рупор для трансляции своих идей сразу на всю страну.

Собратья-редакторы делились своим опытом: кто как ставит работу и зарабатывает дополнительные деньги. Где-то уже отказались от отделов, ввели систему контрактов, публикуют платные материалы... Значит, и нам надо смелее идти вперёд за жизнью.

Из выступления редактора “Биробиджанской звезды” (Еврейская автономная область) узнал, что евреев в этой области всего четыре процента, а всего населения — 200 тысяч, на треть меньше, чем у нас в Павлодаре.

Из выступления министра здравоохранения СССР И. Н. Денисова:

— В США тратят на здравоохранение десять процентов валового национального продукта, а у нас — три... Средняя зарплата по стране была: в 1970 году — 122 рубля, а у медиков — 88; сейчас: в стране — 240, а у медиков — 170.

Доля госбюджета в финансировании здравоохранения будет постоянно уменьшаться: в 1993 году — до 70, а в 1998 году — до 50 процентов, остальная часть будет покрываться за счёт других источников. (В том числе, насколько я понял, из наших карманов. — Ю.П.).

В США до 40 процентов операций делается в условиях поликлиник, а у нас таких только три процента. Отсюда и сверхзатраты. Между тем всё имеет свою цену: та же пересадка почки стоит 7,5 тысячи рублей.

В США 650 тысяч врачей, мы такое количество подготовили всего за десять лет, а всего их у нас один миллион 260 тысяч. Надо ли столько?

Ежегодно в СССР делается семь миллионов аборт, которыми заняты ежедневно 3,5 тысячи врачей-гинекологов.

Создаваемые медицинские кооперативы работают в наших помещениях, на нашей технике и при этом дерут с пациентов по три шкуры...

Анатолій Кашпировский — талантливый врач и неординарный человек. Но в его бессребреничество я не верю. Вчера мне звонил Иосиф Кобзон с просьбой оградить Кашпировского от нападков. Мы определили пять специализированных НИИ, которые детально займутся анализом эффективности методик лечения Кашпировского...

Я помню: мать нас всех усаживала по вечерам у телевизора на сеансы Кашпировского. Не заметил каких-либо изменений в своём самочувствии, а вот музыка и впрямь была хорошая — успокаивала, убаюкивала. Ещё мать ставила заряжать воду у телевизора во время утренних сеансов Алана Чумака, который уверял, что она обладает чудодейственной силой... Теперь в ходу шутка: “Чума(к) XX века...”.

Отто Лацис — замредактора журнала “Коммунист”, умнейший человек, промывал нам мозги по части экономики:

— Никакой планово-рыночной экономики не существует, это определение — лишь идеологическая уступка отечественным ортодоксам... Экономическая “чрезвычайка”, оправданная в годы войны, абсолютно неэффективна уже более сорока лет... Наша экономика сверхзатратна, а потому неэффективна... Начиная с семидесятых годов, страна держится на плаву во многом благодаря продаже за валюту тюменской нефти: только с 1970 по 1983 год её было продано на 170 миллиардов долларов, но и ими прежнее руководство страны не смогло эффективно распорядиться... А теперь цена на нефть упала почти втрое и, образно говоря, наша экономика, лишившись нефтегазовой кислородной подпитки, стала попросту задыхаться. Дефицит бюджета в прошлом году составил 92 миллиарда рублей, в 4,5-5 раз больше того, что мы можем себе позволить. Это 11-12 процентов валового национального продукта, настоящая катастрофа для страны — подобного нет нигде в мире.

Потери от антиалкогольной кампании (хотя пить в стране, как мы с вами знаем, меньше не стали) составляют ежегодно до 30 миллиардов рублей... Чернобыль обойдётся Союзу минимум в 120-150 миллиардов рублей... Почти разрушен товарный рынок... Усугубляет ситуацию ажиотажный спрос: например, в прошлом году стирального порошка продано на треть больше, чем в предыдущем. Но ведь стирать-то больше не стали! Все делают запасы на “чёрный день”...

Одна из главных наших бед — нерациональная структура производства: гигантские вложения в капитальное строительство не дают быстрой отдачи. Особенно много таких проектов в системе Минводхоза, их проектная окупаемость —

20-25 лет, а реальная — до ста лет... Минводхоз — типичный бракодел, рекордно затратный...

Всё у нас поставлено с ног на голову. В мире дорогое жильё, продовольственные товары, а промышленные, напротив, относительно дешёвые. Я купил в Гамбурге за десять марок булку ржаного хлеба и за ту же цену — приличную рубашку. А у нас хлеб в продаже не стоит почти ничего, именно поэтому и скармливаются ежегодно скоту до трёх миллионов тонн печёного хлеба.

У наших людей 350 миллиардов рублей на книжках и 170 миллиардов в чулках и на руках, но эти деньги не обеспечены товарами...

Райских экономических систем не бывает, вот и рыночная будет устанавливаться болезненно и трудно... Но иного пути нет, потому что мы имеем худшую из всех существующих...

Хорошо принимали И. Д. Лаптева, бывшего редактора “Известий”, председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, а также председателя Союза журналистов СССР. Он сказал, что уже на этой сессии должен быть принят закон о печати, по которому все СМИ обретают статус юридического лица (а стало быть, какую-никакую самостоятельность). Высказался за сокращение трансляций со съездов народных депутатов и сессий Верховного Совета по телевидению; и многие депутаты, желающие покрасоваться на телеэкранах, сразу умерят свой пыл.

Ещё И. Д. Лаптев сказал, что в стране действует свыше 600 неформальных СМИ, формируется и оппозиционная пресса. Новые газеты стремительно самоумножаются, и никем этот процесс не регулируется.

Из выступления управляющего делами ЦК КПСС Н.Е. Кручины:

— Доходы партийного бюджета в этом году должны составить 2,7 миллиарда рублей, 60 процентов из них составят взносы и 40 — доход от издательской деятельности (главным образом это прибыль партийных газет и журналов). Многие партийные органы сами себя не окупают, управление делами ЦК КПСС ежегодно выделяет им дотацию в 100 миллионов рублей. Основная часть средств идёт на оплату партийного аппарата, в котором числится свыше 300 тысяч человек. Без сокращения партаппарата нам трудно будет сводить концы с концами... Кроме того, придётся заниматься коммерческой деятельностью, созданием своих предприятий, в том числе и совместных... 106 республиканских и областных газет, являющихся органами партийных комитетов, находятся в ведении местных бюджетов. Партия должна их незамедлительно взять на свой бюджет...

Обострились проблемы с бумагой. Только на публикацию стенограмм предстоящего съезда народных депутатов России потребуется тысяча тонн бумаги.

Из выступления главного редактора “Правды” академика И. Т. Фролова:

— “Правда” — ломовая лошадь партии... Мы взяли на себя основной груз дискуссий по предсъездовской платформе и новому Уставу партии. Три раза в неделю даём информационные листки, работаем с большим напряжением, но зато растёт авторитет газеты. Поток писем за последнее время увеличился втрое...

Нам нелегко: все атаки на партию автоматически переносятся и на “Правду”... На иных демократов только упоминание “Правды” действует как красная тряпка на быка...

Наша задача — и дальше рассказывать “Правду”: партийная газета сегодня должна быть народной...

Пытаемся зарабатывать: недавно дали рекламу “Люфтганзы” — за 60 тысяч долларов...

Жена меня ругает за то, что на всех рукавах моих рубашек — оттиски “Правды” (после читки черновых полос)... Я прикован к газете, как галерник...

Полгода я в “Правде”, и не испытываю никакого давления со стороны ЦК КПСС и Политбюро. Бывает, конечно, спорим, но это нормально...

О Ельцине. На Западе многие известные политики удивляются нам: как вы можете уделять столько внимания этому человеку, всерьёз его воспринимать... Некоторые страницы из книги Ельцина “Исповедь на заданную тему”, по сути, аморальны.

Из выступления И. Ф. Шилова — первого заместителя министра внутренних дел СССР:

— Несколько сообщений из сводки происшествий за минувшие сутки:

В Литве 20-тысячный митинг протеста против сепаратистской политики В. Ландсбергиса; в Эстонии идёт незаконная запись добровольцев в отряды самообороны (каждому обещаны бесплатное питание и средний заработок за время нахождения “на службе”); группа армянских боевиков захватила пять армейских танков; митинги в Армении, Белоруссии, Крыму, Грузии; за сутки совершено 32 убийства...

Не преодолен синдром боязни и неуверенности в своих силах у сотрудников милиции, хотя они стали действовать гораздо смелее...

Рост преступности по стране с 1988 года — в среднем на 30 процентов ежегодно, в городах рост ежегодно — в два раза и выше...

За 1989 год зарегистрировано более 80 случаев захвата заложников.

Блестящая речь министра образования Г. А. Ягодина. Она так хороша, что сложно описать — лучше бы послушать каждому этого замечательного оратора. Я ещё подумал: вот кому надо вестись идеологией партии.

Г. А. Ягодин сказал, что высший стимул для учителя — востребованность образования (и образованности) обществом. У нас же сегодня средняя зарплата по стране — 260 рублей, а учителей — 204...

Из выступления зампреда Госкомитета СССР по ценам (фамилию не расслышал):

— Народное хозяйство разбалансировано, кризис в экономике усугубляется. Мы оторвали зарплату от реального производства: денежные доходы в целом по стране растут на 13-15 процентов в год, а производительность труда падает. Это — гибельный процесс.

Розничные цены на продовольствие дотируются на 60-70 процентов. Мясо, например, должно стоить не меньше девяти рублей за килограмм... Но дотирование не

может быть бесконечным — цены на то же продовольствие уже в ближайшее время вырастут вдвое. Для кого-то они станут неподъёмными. Значит, опять нужны будут компенсации, и надо определяться — кому и какие?

— Цены на газеты вырастут в среднем вдвое, населению это обойдётся более чем в три миллиарда рублей. Вдвое подорожает бумага, даже “Правда” и “Известия” в этих условиях оказываются на грани убыточности... Что же говорить об областных, а тем более районных газетах? Почтальоны, грозя забастовкой, ставят вопрос о двойном увеличении зарплаты...

В аппаратах управления всех уровней в целом по стране занято 18 миллионов человек. Это — непопозволительная роскошь.

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро В. А. Медведева:

— Обстановка в стране исключительно сложная: продолжается общественно-политический кризис. В первом квартале года сработали хуже, чем в предыдущем...

Идёт рост оппозиционных настроений по отношению к партии и власти.

Самая опасная сегодня — партия недовольных.

Переход к регулируемому рынку — необходимость, другого пути просто нет.

Взаимодействие партийных комитетов и их газет должно стать иным, у редакторов должно быть больше самостоятельности и ответственности...

Предлагалось сделать газеты органами не парткомов, а соответствующих парторганизаций, но это неприемлемо: что же нам съезд собирать надо было, чтобы освободить Афанасьева (прежнего редактора “Правды”. — Ю. П.) и назначить Фролова?

В этом месте речи зал, большинство которого составляли редакторы газет, недовольно загудел: мол, что плохого в том, если газеты будут органами парторганизаций, и обкомы-райкомы перестанут “рулить” ими?

Партия должна сохранить за собой основной массив прессы, — продолжал В. А. Медведев, заметив, что для выживания газеты не должны сегодня чураться и коммерции в разумных пределах.

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро П. К. Лучинского:

— Кризис в стране продолжается, но пик его ещё впереди. При этом процессы в обществе идут быстрее, чем в самой партии. Поэтому хватит нам ругать друг друга, выяснять отношения, искать виновных. Надо делать дело, партия должна стать по-настоящему работающей — со всеми её течениями и платформами. Нам надо учиться работать в условиях действующей оппозиции...

В прессе происходят те же процессы, что и в обществе. В Москве зарегистрировано более 2700 изданий, половина из них — новые, более 300 — частные... Последние активно завоевывают своего читателя, а мы как работали раньше, так и работаем, теряя влияние и читательскую аудиторию... Надо учиться работать по-новому, в том числе — зарабатывать деньги. Надо уходить от нарочитой солидности и респектабельности, проникать всюду, быть понахальнее перед лицом откровенной наглости и нахальства оппонентов.

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро Г. В. Семёновой:

— В стране 151 миллион женщин, их на 17 миллионов больше, чем мужчин.

Женщины составляют 35 процентов партии, среди них меньше желающих выйти из партии и больше желающих вступить в неё... Особенности женского ума и природы таковы, что именно женщины могут стать гармонизаторами общества. Однако в 125 крайкомах и обкомах партии нет ни одной женщины — секретаря обкома-крайкома.

Анализировал ли вообще кто-нибудь, как складываются судьбы женщин — партийных работников? А ведь это, зачастую, поломанные, искалеченные судьбы.

Первыми при переходе к рынку страдают женщины...

Из выступления секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро О. С. Шенина:

— Идёт организационное объединение антикоммунистических сил, цель которых — убрать компартию с политической арены, сменить действующий в стране социалистический строй, капитализировать общество. В проекте новой конституции России никакой советской власти не предусматривается: будут президент, губернаторы, мэры, произойдёт полная ломка действующей системы...

Вопрос из зала:

— Не правильнее ли будет признать перестройку политической ошибкой и не поправить дело, пока есть силы?

О. С. Шенин:

— В принципе я за тот курс, который мы взяли в апреле 1985 года. Но наше общество действительно больное, поэтому я сторонник чрезвычайных мер. Генеральный секретарь считает, что так действовать нельзя, но, я думаю, мы к этому всё равно придём, вынуждены будем восстанавливать конституционный порядок. И тут не надо армии и танков, просто должны действовать, выполнять свои обязанности правоохранительные органы.

12 июня (дата выборов Председателя Верховного Совета России. — Ю. П.) — рубежная черта во всей нашей истории: или курс, взятый страной в октябре 1917 года, будет продолжен, или всё поломается...

Встреча с Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым — кандидатом в Председатели Верховного Совета России. Вблизи Н.И. оказался совсем небольшого роста; он демократичен, элегантен, обаятелен. Во главе правительства страны он уже пять лет и хорошо знает, что такое власть. Его кандидатура на съезде народных депутатов СССР выдвигалась на пост Президента, но он её снял. Теперь, видя, в каком состоянии находятся СССР и Россия, решил вступить в борьбу; об этом, кстати, его просили многие трудовые коллективы и общественные организации. Н. И. говорил нам, что на этих выборах речь идёт не столько о личности будущего президента, а о том пути, по которому пойдёт Россия.

Н. И. Рыжков назвал цифру: сейчас в стране более 700 тысяч беженцев. Ничего подобного у нас не было со времени Великой Отечественной войны.

Встреча с членами редколлегии "Правды" во главе с первым замом главного редактора Г. Н. Селезнёвым (в бытность редактором "Комсомольской правды" он приезжал в Павлодар, когда она проводила дни "КП" в нашей области). Последние

новости: всё дорожает — услуги связи, бумага, стоимость печати — и выкручиваться надо самим.

Замредактора Ильин говорил о периферийности мышления партаппарата: чем дальше от Москвы, тем больше всё определяется уровнем и вкусами одного человека — первого секретаря обкома — он и хозяин, и удельный князь, и законодатель мод...

Современные реалии жизни в “Правде”: её соборы в Армении и Азербайджане не только не общаются, но и не здороваются друг с другом.

Г. Н. Селезнёв:

— Я не так давно ушёл из “Комсомолки”, которая старалась быть (и во многом ей это удавалось) независимой даже в застойные времена. И меня очень огорчает, что она идёт теперь в фарватере политики Ельцина, стала его главным союзником и пропагандистом его идей. Вероятно, тут есть головокружение: вот мы какая демократическая газета...

Мой главный принцип в работе: нет и не может быть закрытых тем для газеты — есть уровень профессионализма и ответственности журналистов и редактора...

Из выступления председателя Гостелерадио Л. П. Кравченко:

— Я понимал, что со мной произойдёт — когда согласился возглавить Центральное телевидение, но реальность произошла все ожидания: я ещё не начал работать в новом качестве, а в газетах определённого толка уже появилось 11 компрометирующих меня материалов.

С большим трудом, преодолевая массу сложностей, мы открыли на втором канале Российское телевидение, и его ведущий тут же заявил, что они работают на плохой технике, хотя она у них — лучшая в стране.

Общество сегодня предельно политизировано, и не без нашего журналистского участия.

Работая в “Труде”, я получил семь выговоров, дважды был на грани увольнения, зато за годы моего редакторства “Труд” стал самой тиражной ежедневной газетой страны.

Из выступления М. Ф. Ненашева — председателя Госкомитета по делам печати и книжной торговли:

— Пресса не может быть благостнее самой жизни. И когда нам говорят: “А вам не надоело всё это показывать, обличать, чернить?” — мы вправе ответить: “А вам не надоело так жить?”. Хотя справедливо и то, что пресса не только отражает, но и формирует, творит общественное мнение, а сегодня пытается и довести над обществом.

Во взаимоотношениях партии и партийных СМИ первичны положение самой партии, её умение и способности. Это не СМИ отошли от партии, а она оказалась не готова работать с ними по-новому в новых условиях. Отсюда — новая страсть к партийной директиве, резолюциям-указаниям...

Происходит снижение качества гласности как главного достоинства перестройки. Формируется слой журналистов, готовых лишь обличать, рассуждать, причём хлестко, с крайностями, и совсем неспособных на серьёзный анализ проблем в экономике и в обществе.

Мы столкнулись с абсолютно новой ситуацией. Появилось огромное количество вновь созданных СМИ. Их издают общественные организации, редакции и издательства, ассоциации и кооперативы, совместные предприятия, партии, религиозные организации, частные лица... Многие из них ищут популярности на ниве оппозиции... И этот процесс сегодня абсолютно неконтролируем...

М. Ф. Ненашев был редактором «Советской России», сделав эту газету острой, интересной, очень популярной. О её нынешней позиции отозвался очень сдержанно: судя по всему, её консервативно-патриотическая линия ему не по душе. А вообще он большой умница, я люблю его читать и слушать...

Встреча с лидерами Компартии России И. К. Полозковым и Г. А. Зюгановым. Первый баллотируется в Председатели Верховного Совета России. Говорил он многозначительно, с усмешкой, мучая при этом в руках микрофон. Я никак не мог отделаться от мысли, что мне неприятна его внешность, а ведь для политика и это имеет большое значение.

Зюганов паразитительно напоминает моего друга-сокурсника Толю Егорова: плотный, массивный, как будто напружиненный... И даже лица у них чем-то похожие.

Зюганов отвечал на наши вопросы жёстко, эмоционально, чаще всего убедительно. Сразу подумалось: не Полозкову, а ему надо быть первым... Однако пленум Российского ЦК рекомендовал именно Полозкова, и теперь они с Зюгановым выступают в жёсткой сцепке. Говорили нам: сегодня Компартию России поддерживает лишь одна газета — «Советская Россия», а «Правда» относится к тому же Полозкову по меньшей мере с прохладцей. Оба уверены: люди сегодня больше всего боятся неуправляемости в стране, разгула преступности, конфликтов на национальной почве, поэтому срочно нужен закон о защите конституционного строя и прав человека, где бы он (человек) на территории СССР ни находился.

Как же так получается, спрашивали мы: КПРФ выдвигает Полозкова, но поддерживает и Рыжкова, который, в свою очередь, говорит о том, что он независимый кандидат? Нам отвечали: тут есть своя стратегия и тактика, нюансы которой оба кандидата открывать не намерены.

— А если победит Ельцин? — спросил кто-то из зала.

— Мы просчитали семь вариантов развития, располагаем всей информацией и надеемся на более благоприятный исход, — последовал уклончивый ответ. — Если же придёт Ельцин, то плохо будет всем, а не только коммунистам.

Общее впечатление от встречи: оба — эрудированные, уверенные в себе, хорошо подготовленные политики. Никакие они не мальчики для битья. Но вот только удастся ли им убедить в своей правоте большинство россиян?

И. И. Скиба: заведующий агропромышленным отделом ЦК КПСС:

— Сегодня страна потребляет продовольствия, завозимого из-за рубежа: мясопродуктов — более 12 процентов, молока и молочных продуктов — 15 процентов, яиц — почти 28 процентов... Не будем лучше работать — и есть лучше не будем. Главная задача дня — поддержать село ресурсами и установить паритет цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства.

В. А. Михайлов — заведующий отделом межнациональных отношений ЦК КПСС:

— То, что происходит в Закавказье, — не межнациональный и не межэтнический конфликт. Это противостояние республик и центра, это проблемы национально-государственного устройства, где много объективного и субъективного...

Ленин назвал Россию “тюрьмой народов” в полемическом запале, а потому в значительной степени неоправданно. Россия не только вобрала в себя, но и сохранила массу народов — это был процесс многозначный и многосложный... Если бы большевики не поняли суть запросов наций, они бы никогда не победили: национальное самоопределение — это был едва ли не главный лозунг социалистической революции. И если бы мы два года назад сказали Прибалтике, Закавказью, Молдавии: поступайте как знаете, хотите — оставайтесь, хотите — отделяйтесь, это ваше право — многое сегодня было бы по-другому... А то, что сейчас происходит в межнациональных отношениях, — естественный и даже закономерный процесс...

Мы все — участники исторической драмы, которая развивается не по классическим канонам, а по законам театра абсурда. И, может быть, самый главный дефицит сегодня — дефицит стратегического мышления, потому что всё происходит так быстро, что не успеваешь это осмыслить, просчитать перспективу...

Наверное, не во всём можно согласиться с В. А. Михайловым, а с чем-то совсем нельзя согласиться, но пищу для размышлений его суждения дают богатую... Ещё он процитировал историка Грановского: русский человек настолько талантлив, что у него в голове не остаётся места, где могло бы разместиться чувство меры... Это — точно про нас.

В. В. Бакатин — бывший министр внутренних дел, председатель Совета безопасности. Элегантен, подтянут, умён, отлично владеет аудиторией. (Хотя, как мне показалось, при этом несколько рисуется):

— Два с половиной часа назад я сделал заявление для прессы о том, что подал заявку на регистрацию кандидатом в Председатели Верховного Совета России. Главный лозунг моей предвыборной программы — согласие в обществе и опора на здравый смысл...

В. В. Бакатин подробно излагал нам свою программу. Вроде всё логично... Но и у Рыжкова всё логично, и у Полозкова с Зюгановым... А разве в заявлениях Ельцина нет никакой логики? Как во всём этом разобраться россиянам?

Заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Щербаков. Извинился за свой голос, пояснив, что просто охрип от бесконечных дискуссий:

— То, что происходит сегодня на продовольственном рынке, — ещё не кризис, а только его начало... Госторговля почти полностью развалилась и требует срочного разгосударствления... Идёт дикое обесценивание рубля... К концу года в стране может быть до 20 миллионов безработных — чем их кормить?

Похуже, В. Щербаков не собирался нас запугивать — просто был информированнее остальных. Рассказал о планах правительства на ближайшее время (восстановление хозяйственных связей и производства, обуздание инфляции,

стабилизация продовольственного рынка и т. д.)... Попутно сообщил, что на днях его постригли в родном Совмине за 9 рублей 94 копейки (он ожидал сдачи с 10 рублей), что один из лидеров Союза журналистов СССР установил себе месячную зарплату в 1800 рублей, что полицейские США и ФРГ оказались бессильны в борьбе с русской мафией, разбавляющей бензин на тамошних автозаправках и давно потеснившей американскую и западногерманскую (поэтому Россию срочно готовы принять в Интерпол)... В ответ на наши просьбы разобраться с ценами на бумагу, услуги связи зампред Совмина сказал, что в бюджете денег нет, и все вопросы мы должны решать на местах сами...

Интересная встреча с членами редколлегии “Советской России” (ещё её называют “Совраской”). Несколько лет назад эта газета опубликовала огромную, почти на целую полосу статью преподавательницы вуза Нины Андреевой “Не хочу поступаться принципами”, которую вскоре окрестили “Манифестом антиперестроечных сил”. В “Правде” тут же появилась отповедь Андреевой — не менее пространная статья, авторство которой приписывали секретарю ЦК КПСС, одному из идеологов перестройки А. Н. Яковлеву. После чего на страницах этих двух газет развернулась бурная дискуссия: в “Правде” всю статью клеймили Андрееву и иже с ней, а в “Советской России” продолжали гнуть свою линию. Самое же удивительное — главный редактор “Совраски” В. Чикин не лишился при этом своего поста.

И вот он перед нами: высокий, кряжистый, седой, с крупными чертами лица... Такого впрямь не враз сшибёшь. Говорит отрывисто, коротко, без пояснений, будучи уверенным — его и так поймут:

— Мы не являемся всеми уважаемой газетой... Яковлев назвал нас самой реакционной газетой на крайнем крыле политического спектра... Мы же не скрываем, что “Советскую Россию” отличает определённая позиция. Для нас главное — забота о состоянии широкого слоя трудящихся, мы — за демократию в интересах большинства... Мы — не кучка узколобых догматиков и консерваторов, просто мы остаёмся собой. Во времена застоя мы готовили строительный материал для перестройки, а получали за это немало неприятностей... Мы — за обновление социализма. Наша позиция востребована жизнью: огромное число людей просит нас дать им возможность высказаться. У нас в газете — треть вакансий, а материалов — в избытке, потому что получаем массу прекрасных писем... Мы могли бы выпускать отличную газету из одних писем — так их много. А наш тираж — два миллиона экземпляров — говорит сам за себя...

Можно сколько угодно критиковать газету за её политическую линию и за её содержание, думал я, слушая В. Чикина, но такая убеждённая редактора и его команды в своей правоте не могут не вызвать уважения.

В “Советской России”, кстати, уже давненько работает и Надежда Гарифуллина, в своё время редактировавшая алма-атинские “Огни Алатау” (эта газета была при ней одной из лучших областных газет в Казахстане). Она — член редколлегии и тоже выступила на встрече. Говорила, что приходит немало писем с угрозами в адрес журналистов “Советской России” и в её собственный. Но такое уж теперь время: оно проверяет, чего мы стоим, и за убеждения приходится платить.

Помимо прочего, я вынес из этой встречи для себя то, что у “Совраски” можно поучиться работе с письмами.

Продолжение в следующем номере.

Любовь УSOBA

“Звезда полынная степей...”

Звезда полынная степей,
твой свет и ярче, и сильнее,
благословляя добрый час,
ты надо мной в пути зажглась.

Звезда полынная степей
пускай горчит в судьбе моей,
но сладок сок целебных трав.
Рассудит время, кто был прав.

Звезда полынная степей,
как много прошлого теней, —
одни запутались в ветрах,
другие победили страх.

Звезда полынная степей,
ты после всех невзгод родней,
чтоб счастье вымолить судьбе,
тянись на цыпочках к тебе.

Звезда полынная степей,
ты стала музыкой моей,
ты научи меня гореть,
чтоб никогда не умереть!

Любовь УSOBA

родилась на Алтае, в Усть-Каменогорске закончила среднюю школу, впоследствии работала старшим лаборантом в научно-исследовательском институте, последние двадцать лет трудится в службе спецсвязи.

Заочно окончила в Москве Литературный институт.

Автор нескольких поэтических книг, первый сборник стихов Л. Усовой “Облака в синеве” выпус-

тило алматинское издательство “Жалын” в 1979 году.

С тех пор публиковалась в областных изданиях, в газетах “Казахстанская правда”, “Ленинская смена”, “Комсомольская правда”, “Литературная Россия”, в журналах “Советская женщина”, “Крестьянка”, “Простор”, “Нива”, альманахах “Поэзия”, “Истоки”, финском

журнале “Наша жизнь” и т. д.

Живёт в г. Темиртау Карагандинской области.

Я в августе нарочно родилась,
чтоб зваться августейшею особой,
тянуть времён космическую связь,
корнями и верхушками сплетясь,
любить и петь до жара, до озноба.

Клубится за спиной тьма тысяч лет.
Я дорого платила за пророчество
и вольность говорить, что мне захочется,
в лицо врагам, и свой оставить след.

Мне кажется, я здесь уже жила,
недаром сердце бешено так бьётся.
Бадьёй черпнёшь водицы из колодца,
в ней — Млечный Путь, кресты и купола.

Разворошив костёр на берегу,
я вспоминаю плач, пожар, погони,
кормлю ребёнка, как птенца, с ладони
и жду того, с кем смерть принять могу.

Не скоро мир наступит на земле..
Я задыхалась от вины и боли,
и невозможно сердцу петь в неволе.
И вот, нащупав истину во мгле,
я двадцать лет сидела на престоле.

У ног моих враги все полегли,
и сколько же
послов толклось, однако..
Мне руки целовали короли,
а верною была одна собака.

На лбу рубцы остались от короны.
О, то-то кружат надо мной вороны,
кругом измена, воровство, обман..
Но в сердце спрятан тайный талисман —
любовь к земле, где родилась однажды,
меня спасёт от гибели и жажды,
и голос мой покатится в зенит,
и над златою пашней зазвенит.

Страница

Певчей птицей из железной клетки
вырвалась на волю. Благодать!
В сумерках Ертай, как егерь меткий,
пробовал на мушку цель поймать.

Силой и коварством угрожая,
отрезали путь-тропинки в сад.
— Улетай, — кричали, — ты чужая! —
из толпы Наталья и Манат,
зачеркнув звезду мою в запале.
И глаза поспешно опускали
те, с кем я дружила час назад.
Не хотелось мне другого счастья,
не желала участи иной, —
и в зените славы, и в ненастье
вместе быть с родимой стороной.
В сердце угодили три дробинки,
на земле дымилась западня,
в том неравном, диком поединке
подхватили ангелы меня.
Крылья быстро спрятала в котомку,
белый плат надвинула на лоб,
и решила враз головоломку,
кто здесь камарилья и холоп.
Всё искала для души спасенья,
падала и поднималась вновь,
так и шла, босая, по камням,
запасаясь верой и терпеньем,
странница по имени Любовь.

На воле

Глушь. Рассвет.
Журчит бессонная река,
ветер гонит стаю туч издалека.
Дрожь осинки.
Грусть молоденьких берёз.
К ним ревную,
ты куда меня привёз?
Точно сказка без начала и конца,
ждёт скакун кровей горячих у крыльца,
и, на грудь мою слегка скосив зрачок,
топнул оземь —
и забился родничок,
топнул резко —
сноп огней из-под копыт.
Целый мир с его тревогами забыт!
Конь пружинит, как на луке тетива,
ой, не знаю..
уж останусь ли жива?!
Вместе с ним перемахнём через плетень,
дольше счастья будет длиться жаркий день!

Ужо нагулялась, ужо надышалась свободой,
и в волнах солёных слилась воедино с природой,
но вырвалась кверху и сделала радостный вдох.
Да, мир... он изменчив...
но вроде... не так чтобы плох...
Не стоит рыдать, осуждать и гоняться за модой,
а выплыть на берег, легко оглянуться окрест,
и музыку слушать, которая не надоест.
И снова нести с послушанием собственный крест.

Жди меня

Улетают самолёты,
отбывают поезда.
Потерялся в мире кто-то
без надежды и следа.

В этом хаосе жестоком
каждый сам себе чужой.
Небо смотрит зорким оком
за блуждающей душой.

Сколько было горьких ночек,
сколько выплакано слёз, —
знает тот, кто любит очень
и кто шлёт сигналы SOS.

Пусть впаду судьбе в немилость,
из цунами, из огня, —
чтобы в мире ни случилось, —
только ты спаси меня!

Сквозь страданья и разлуки,
всё оставив позади,
протяни навстречу руки
и прижми к своей груди.

Улыбнусь несмело чуду,
заклиная вновь и вновь,
если даже все забудут, —
жди меня, моя любовь!

Прилетают самолёты,
мчатся ночью поезда.
И с надеждой смотрит с фото
тот, кто дорог нам всегда.

Дитя желанное вселенной,
ты появилась здесь не зря,
и на земле благословенной
очнулись люди и моря.
В хрустальной чаше —
зной напитка,
сквозь дивный свет,
густую муть
шагал верблюд,
ползла улитка,
нащупал странник верный путь.
Летел с подарком белый аист
в счастливый дом на шумный пир.
И все беспечно улыбались,
хоть накренился вечный мир.

Ей опять не нравится зима,
озорных снежинок кутерьма,
сердится избранница всерьёз
на метель и звёзды, и мороз.

Ей претит коварная весна,
мыслей и поступков новизна,
половодье, стрекотанье птиц
и мельканье одержимых лиц.

Ей невыносим тягучий зной,
сладкий шёпот лета за спиной,
раскалённый йогами песок,
ветерок, нацеленный в висок.

Ей безынтересен листопад,
шум дождя, признание невпопад,
горечь поражения, блеск побед
и усталый медленный рассвет.

Чтоб от сердца отвести беду,
выберу далёкую звезду,
ты на тучке смуглой улетай,
свесив ножки, весело болтай.

И смотри оттуда свысока
на моря, дороги, облака,
а наскучит — возвращайся вновь.
На земле живёт твоя любовь!

Ей опять не нравится зима...

Завлекла и ослепила,
приворотом опоила
и толкнула очумелого в сугроб,
и, зажав в зубах гребёнку,
погрозила, как ребёнку,
засмеялась: охладился чтоб...

Эти волосы и руки
трансформировались в звуки,
смыла память окаянная волна.
Он не помнит всё как было,
только сердце вдруг заныло.
Но во сне к нему является она.

Запах трав, и пенье птицы,
и сплошные небылицы,
ускользнула из ладоней счастья тень.
Он бежал на голос нежный,
рвал цветы в дугах поспешно.
Имя тайны не открыл и по сей день.

Мир звонками будоражил,
похудел, замкнулся даже,
и кругами понеслась о том молва.
Без него она металась,
он питал к ней страсть и жалость,
слава Богу, пусть далёко, но жива!

От беды заговорила...
нашептала... опоила...
И неведомая сила
подняла его и в космос унесла.
Не вернулся он покуда,
но поверил сразу в чудо, —
то ЛЮБОВЬ ему созвездия зажгла.

Ты продли моё скольженье
и наотмашь не круши
слишком нервное движенье
чудом выжившей души.

Я учусь ходить по кромке
страсти, пропасти, волны,
чтоб не плакали потомки
о пропавшей без вины.

Мир жесток, безумен, жалок,
без поэзии зачах,
но цветёт мой полushалок
на расправленных плечах.

Ты ещё о том не знаешь,
что за птица здесь жила,
и над картами гадаешь,
примостившись у стола.

Разглядишь во тьме кромешной,
уколовшись о лучи,
эту боль, тоску и нежность...
Рот зажми и помолчи.

Лишь летала и мешалась,
всё не так, как у людей,
но испытывал к ней жалость
даже Ирод, сам злодей.

При луне пером скрипела,
разгоняла страхи прочь,
и так пела, ах, как пела,
что взрывалась счастьем ночь!

Призывала божью милость,
отрешаясь от сует.
И куда запропастилась?
Век живи и жди ответ.

Из росы, цветов, туманов,
из оборок и воланов,
из причудливых растений,
из молвы и потрясений
из своей хрустальной лжи,
но попробуй — докажи, —
из виньеток, шпилек, шляпок,
плеска рук, не знавших тяпок,
из-за дальнего угла
появилась, обожгла,
одарив лучами света.
Беатриче иль Джульетта?

Всё прозрачно, ярко, зыбко.
Может, чья-нибудь ошибка,—
кто-то выпустил на волю
испытать другую долю.
Омут глаз и гибкий стан,
и на шее — талисман.

Дверь захлопнула от гула,
всё в душе перевернула.
Долгий вздох. И сладкий стон.
Как ушла — не слышал он.

В краткий миг душа ослепла,
и стоит он с горсткой пепла,
с поседевшей головой,
сам не верит, что живой.

Вот ведь что здесь натворила:
бездна чувств, пожар, потоп,
и к себе так пригвоздила
поцелуем лёгким в лоб.

Если снова прилетит,
он забудет сонм обид,
окунувшись в тот хаос —
океан страстей и грёз.

Разве можно так любить —
душу заживо губить?
Он кусает губы в кровь:
неужели ты — ЛЮБОВЬ...

Вмиг захлопнулись скорлупки.
Что ж звонить, метаться, звать?
Мир нездешний, чистый, хрупкий
можно запросто взорвать.

Не стучись туда напрасно.
Ничего не объяснив,
улетела будто в сказку,
и сама — бредовый миф.

От неё — какая милость! —
в небе — пёрышко-огонь,
завертелось, закрутилось
и упало на ладонь.

Чуя хриплую простуду,
ты слотнёшь волненья ком,
благодарен только чуду,
что с ней был хотя б знаком.

Что за редкая птица свистела в кустах,
и зажгла край небес в отдалённых местах,

где махрою прожжённые души насквозь
подавили свой вздох и махнули: авось

не застрянет в башке её певчая трель, —
столько видели сраму — оглохнет свирель...

Навалились заботы, дел невпроворот,
а она — знай — поёт и смущает народ.

Полонила сердца, предвещая грозу,
из бетонных из плит вышибала слезу.

Да за пытку тоской — изловить и в огонь!
Но — попробуй — хотя бы за пёрышко тронь, —

каждый здесь за неё был готов умереть.
Неужели наш мир не исправится впредь?

Пела нежность весь век и всю ночь напролёт,
затрещал толстый айсберг и тронулся лёд.

Ах как пела она и сводила с ума!
И напрасно в краю лютовала зима.

Растревожила дух красотой и добром,
и по капельке счастья несла в каждый дом.

Всем простила долги, грязный мат-перемат,
и поверишь ей сдуру, потерянный брат.

А она, заливаясь, поёт и поёт,
и не дремлет сама, и другим не даёт.

Кто-то в пышных хоромах сказал: просто блажь,
коль за песню сундук с золотишком отдашь,

воспалённую совесть остудишь росой,
упадёшь перед Вечностью в травы босой.

Далеко унеслись тучи горя и зла,
и чисты на церквах золотых купола.

Что за птаха жила, неказиста на вид,
так возвысила душу... так сердце щемит!

Надрывается голос в полуденный час,
словно эта последняя песня для нас.

В Послании Президента страны Н. А. Назарбаева “Новый Казахстан в новом мире” большое значение придаётся совершенствованию системы образования, один из разделов так и обозначен: “Государственная политика, направленная на обеспечение международных стандартов образования и профессиональной подготовки, соответствующих динамике и перспективам развития рынка труда”.

Говоря об основных направлениях деятельности, глава государства подчеркнул: “Шестая задача — современное образование и профессиональная переподготовка, формирование основ “умной экономики”, использование новых технологий, идей и подходов, развитие инновационной экономики.

Главным критерием успеха образовательной реформы является достижение такого уровня, когда любой гражданин нашей страны, получив соответствующее образование и квалификацию, сможет стать востребованным специалистом в любой стране мира.

Мы должны добиться предоставления качественных услуг образования по всей стране на уровне мировых стандартов”.

Одним из таких современных очагов просвещения по праву считается учебно-воспитательный комплекс “Арман” из южной столицы, педагогический коллектив которого успешно внедряет передовые методы обучения подрастающего поколения, добивается высоких результатов в своей работе. Об этой школе часто пишут средства массовой информации республики. В частности, УВК “Арман” был посвящён весь пятый номер журнала “Казахский язык: преподавание в школе, колледже и вузе” за 2006 год. А 25 сентября прошлого года на всемирном конгрессе В.I.D., проходившем в Париже, генеральному директору учебно-воспитательного комплекса “Арман” Евгению Гилёву был вручён Международный приз за качество в категории “Золото”, которым награждена возглавляемая им школа.

Представляем это учебное заведение читателям “Нивы”.

Евгений ГИЛЁВ,
генеральный директор
учебно-воспитательного комплекса “Арман”
Алмалинского района г. Алматы

“Арман” — ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ

В современном обществе всё большее внимание уделяется проблемам образования, так как уже нет необходимости доказывать, что уровень образования в конечном счёте определяет успешность не просто отдельного человека, но и общий уровень развития страны, результативность реформ, достижение высоких результатов в экономике, науке и культуре. Благодаря переменам стало возможным разнообразить палитру учебных заведений, обеспечивающих общее среднее образование юного поколения. Появились не только государственные учебные заведения нового

типа — гимназии, лицеи, колледжи и др., но и не существовавшие ранее частные учреждения образования. В последние десять лет их число значительно возросло. И хотя отношение общества к этим учреждениям, откровенно говоря, неоднозначно, однако время уже доказало не только их жизнеспособность, но и серьёзные преимущества перед государственными учебными заведениями. Думается, что убедительным подтверждением этого является и опыт нашей школы — учебно-воспитательного комплекса “Арман” Алмалинского района южной столицы.

“Арман” в переводе с казахского означает “мечта”. И мы не случайно выбрали это символическое название, предполагая, что наш комплекс станет для учащихся воплощением мечты и надежды.

Знаменательно, что УВК “Арман” был открыт 30 августа 1997 года — в день празднования Конституции Республики Казахстан, которая и позволила создавать учреждения образования такого типа. Уже на первой торжественной линейке, посвящённой Празднику первого звонка, мы пообещали детям и их родителям, что сделаем всё, чтобы школа стала для всех по-настоящему родным домом, где каждый ученик сможет не только получать качественные знания, но и интересно жить в атмосфере доверия, любви, уважения. Мы сказали, что, начиная с чистого листа, мы постепенно создадим свои традиции, гимн школы, сформируем коллектив единомышленников-учителей и учащихся, способный решать самые сложные задачи. И сегодня, по прошествии десяти лет, мы уверенно можем заявить, что наши планы и намерения во многом осуществились.

За этот период школа завоевала симпатии многих родителей, которые приводят к нам уже второго, а то и третьего ребёнка, детей родственников и друзей.

Усилия коллектива комплекса направлены на формирование у учащихся знаний, умений и навыков, соответствующих не только государственным стандартам, но и потребностям общественных институтов, запросам самих учащихся и их родителей. С этой целью учителя школы ведут уроки, используя весь современный арсенал передовых методов и приёмов, проводя нестандартные и интегрированные занятия. (То есть стремление соответствовать государственным стандартам предполагает как раз нестандартность учебно-воспитательного процесса). Учащиеся имеют возможность развивать творческие способности в кружках, клубах по интересам, работая над научными проектами, участвуя в выпуске газеты “Синяя птица”, сатирического листка “Герой дня”.

Являясь ассоциированной школой ЮНЕСКО, мы углублённо работаем над проблемами “Методы и приёмы становления, развития и самореализации личности” и “Толерантность и культура”.

Педагоги школы участвуют в создании учебников нового поколения, в подготовке учебно-методических материалов, связанных с преподаванием казахского языка. В частности, учителем А. Х. Каримовой издано учебное пособие по казахскому языку для 9-11 классов. Работы преподавателей и учащихся публикуются в учебно-методических журналах Министерства образования и науки РК. 15 наших учащихся награждены дипломами и грамотами Малой академии наук республики за доклады по казахскому языку и литературе, истории, физике.

За отличное знание английского языка золотой медалью Международной школы Британского совета был награждён ученик девятого класса Егор Пак, а девятиклассник Бахытжан Сагадиев — бесплатной поездкой в Великобританию. В прошлом году оба они окончили нашу школу и получили знак “Алтын белги” (то есть золотую медаль).

Обучение в “Армане” ведётся по государственным программам, но в дополнение к ним разработаны программы по развитию интеллектуальных способностей учащихся (риторика, психология, мировая художественная культура, шахматы), эстетических и спортивных (музыка, ритмика). У детей, проявляющих исключительные способности, есть возможность работать по индивидуальному плану и закончить курс на год раньше положенного срока. У нас дети “погружаются” в предмет во время тематических недель и соревнований, внутришкольных предметных олимпиад, в процессе исследовательской и творческой деятельности учащихся и взрослых — работой над научными проектами.

Возвращаясь к вопросу о неоднозначном отношении некоторых родителей и руководителей государственных школ к частным учебным заведениям, где, по словам некоторых из них, хорошие оценки “рисуют”, хотелось бы сослаться на результаты единого государственного тестирования в нашей школе в 2006 году.

Вот эти данные: если все школы г. Алматы показали средний общий балл по ЕНТ 70,5 %, то в УВК “Арман” он равен 96,77 %. Многие школы города (47 %) не подтвердили полностью все заявленные золотые медали, а наши четыре отличника доказали, что знания у них настоящие, за что и удостоены указанного знака. В первом нашем выпуске 2001 года из пяти учащихся трое получили аттестаты особого образца. А в прошлом году из 13 выпускников десятеро уже в марте поступили в КИМЕП, а один из них — упоминавшийся выше Егор Пак — ещё до сдачи ЕНТ поступил сразу в три вуза: КИМЕП, Московский и Санкт-Петербургский университеты.

По итогам ЕНТ наш комплекс занял первое место среди частных школ и третье — среди всех 196 школ южной столицы. Наши выпускники показали хорошие знания и по отдельным предметам: первое место в городе по русскому языку и географии, второе — по истории Казахстана, третье — по английскому языку.

В 2005-2006 учебном году наша школа успешно прошла государственную аттестацию, в ходе которой учащиеся показали достаточно высокий уровень знаний по всем предметам, а результаты срезов, проведённых городским центром тестирования у выпускников, были намного выше, чем на итоговом государственном тестировании.

В очередном учебном году, начало которого совпадает с десятилетним юбилеем комплекса “Арман”, предстоит решать более сложные задачи, ведь мы осуществляем переход к профильному обучению. Наши десятиклассники выбрали общественно-гуманитарное направление, предусматривающее тестирование по казахской и русской литературе. А ведь эти предметы, на наш взгляд, не укладываются в привычные тесты, требующие однозначных ответов на вопросы.

Поэтому работа предстоит нелёгкая и ответственная — и для преподавателей, и для учащихся. Но будем стремиться к высоким результатам: наша планка, как видите, поднята высоко, и держать её надо при любых условиях.

**Тамара ГИЛЁВА,
исполнительный директор
учебно-воспитательного комплекса “Арман”**

Стремление к идеалу

Новая школа — это, прежде всего, по-новому работающий учитель. Никакие изменения в современной школе невозможны, если учитель не изменит себя.

Так каким же должен быть этот “новый” учитель? В идеале его должны отличать ум, интеллект, эрудиция, умение в диалоге находить истину, в процессе дискуссии не терять основную нить, обладание парадоксальностью суждений, чувством юмора...

Учитель сегодня — носитель одной из фундаментальных ценностей культуры — рационального мышления. Только такой педагог умело включает ученика в самоанализ и самооценку мышления на каждом этапе изучения нового материала.

Усилия школы направлены не только на обучение учащихся, но и на воспитание учителя, способного освоить научно обоснованную педагогическую методику, умеющего реализовать проект по учебной теме, осознающего ценность знаний, поисковой и экспериментальной деятельности. А решать эти задачи нам помогает организация всей методической работы школы. Её структура такова: педагогический совет → административно-методический совет → методические конференции → психолого-педагогический консилиум → методические объединения (начальных классов, общественно-гуманитарное, естественно-политехническое) → и затем открытые уроки, семинары, практикумы, “круглые столы”.

За “сухими” схемами стоят творчество, неустанный труд, поиск наших педагогов. И главное — “выход” со своим накопленным опытом из стен школы. Только за два последних года — 12 опубликованных статей в республиканских учебно-методических журналах и научных сборниках. В частности, это статьи А. Х. Каримовой в журнале “Казахский язык и литература в русской школе”, Н. В. Дробышевой — в журнале “Русский язык и литература: преподавание в колледжах, вузах и школах Казахстана”, И. Н. Кан — в журнале “Учитель-методист”.

Умение анализировать и представлять свой опыт ярко проявляется на наших методических конференциях, которые традиционно проводятся в период весенних каникул. Показать себя, увидеть других, позаимствовать новое у коллег, поделиться идеями — вот в чём ценность таких мероприятий.

Самое интересное — это моделирование педагогических ситуаций, как решить тот или иной вопрос. А времени — две минуты. Вот здесь-то и проявляется умение прогнозировать результаты деятельности на уроке, выделять и точно формулировать педагогическую задачу, предвидеть характер реакций учащихся, доказать целесообразность выбранных методов обучения.

“Учитель года — 2006”! Это звание гордо несёт А. Х. Каримова, преподаватель казахского языка и литературы. Рядом с ней и молодой учитель английского языка О. Л. Судибор, получившая по итогам ЕНТ 2006 г. третье

место в городе. Стремление всё новое привнести в свою методическую копилку, здоровое честолюбие, постоянная работа над собой приносят достойные результаты.

И молодое поколение педагогов радуется тем, что не только старается не уступать опытным учителям, но даже порой превосходит их...

На заседаниях наших “круглых столов”, педагогических консилиумах молодые преподаватели первыми получают слово. В школе нет давления со стороны “взрослых”, молодые чувствуют, что им доверяют, и стараются быть достойными этого доверия.

Каждый учитель-предметник имеет возможность показать себя во время проведения традиционных у нас Недель и Декад. Это и умение составить сценарий Недели, заинтересовать учащихся, а главное, провести большой заключительный праздник предмета. Н. А. Мирошниченко, Е. А. Исакова, Е. И. Изюмникова, учителя математики, “Неделю Пифагора” превратили в настоящий праздник этой дисциплины. Здесь и конкурсы “Самые сообразительные” (5 кл.), “Лучшие логики” (6 кл.), “Быстрый счёт” (7 кл.), “Блиц-турнир” (8 кл.), “Лучше всех” (9 кл.), “Экспресс-совет” (10 кл.), и выпуск газет, и викторина, и конкурс программистов. И в заключение — “Большая интеллектуальная игра” (9-11 кл.).

Когда мы говорим об учащихся, значении для них наших Декад и Недель — это погружение в предмет. А для учителя — это повышение своего интеллектуального уровня, обобщение опыта, ознакомление с ним коллег, демонстрация использования воспитывающих возможностей деятельности учащихся, улучшение взаимоотношений с учениками.

Используются в школе открытые уроки, семинары, выступления на педагогических советах и другие традиционные формы методической работы. Но мы стараемся изменить их формы. Так, например, интересно прошёл семинар “Интерактивные методы обучения”, где педагогический коллектив был поделён на четыре группы, которые выбирали те или иные методы для предложенных ведущим тем. Анализ разработанных группой уроков был интересным, поучительным, запоминающимся.

Рассказывать о состоянии методической работы в нашем учебно-воспитательном комплексе можно много. А о результативности её сами за себя говорят достижения школы.

Наталья МИРОШНИЧЕНКО,
заместитель директора
по учебно-воспитательной работе УВК “Арман”

Формирование личности

Когда в завершение торжественной линейки, посвящённой Празднику последнего звонка, в голубое небо взлетают разноцветные шары выпускников, загадавших желание, которое “обязательно сбудется”, на душе становится и радостно, и тревожно: как-то сложатся судьбы наших ребят, окончивших школу, найдут ли они свой путь в жизни и какой станет для них эта жизнь?

И ещё грустно оттого, что приходится расставаться с теми, с кем вместе прошли через трудности, разочарования и победы, вместе радовались

нашим достижениям, участвовали в бурной школьной жизни, которая, конечно же, не ограничивалась уроками. А вне учебных занятий жизнь в “Армане” никого из учащихся не оставляет равнодушным.

И хотя мы постоянно ищем новые формы работы с детьми, некоторые наши мероприятия и праздники уже стали традиционными и повторяются, совершенствуясь по форме и содержанию, каждый год.

Ну разве можно отказаться от праздников первого и последнего звонка, знаменующих начало и конец учебного года? Ведь здесь мы впервые увидим наших новых первоклассников, а на последней линейке они, уже полноправные участники торжества, танцуют прощальный вальс с выпускниками...

Коллектив учащихся — это одна семья, где каждый чувствует себя свободно и уверенно. С каким удовольствием поют те же первоклашки строчки школьного гимна:

*Здесь первоклашка — не букашка,
На равных он с выпускником.
И, как тот милый Чебурашка,
Он каждому из нас знаком.*

В День учителя дети не только поздравляют нас, дарят цветы, милые сувениры и открытки, изготовленные собственными руками. Каждый класс готовит музыкальный номер-поздравление, из этих номеров складывается большой праздничный концерт, в завершение которого учителя и учащиеся вместе исполняют одну из песен Булата Окуджавы о дружбе, искренности, умении понимать друг друга (“Давайте говорить друг другу комплименты”, “Возьмёмтесь за руки, друзья” и др.), а вечером наш театр “Парус”, и это становится уже традицией, показывает спектакль о школе.

Ярким и запоминающимся бывает ежегодный осенний бал, на котором много песен и танцев. Каждый класс представляет на конкурс осенний букет или композицию из цветов, трав и овощей и осенний салат. Проводится показ моделей модной одежды, изготовленных детьми. Каждый может проявить свой талант и творческие способности. Победители в каждой номинации награждаются грамотами и подарками. Определяется класс-победитель. Бал завершается дискотекой.

Традиционными являются и праздники, посвящённые Дню 8-го Марта. Особенно интересно проходят они в начальных классах: конкурсы, в которых участвуют приглашённые мамы, выставка рисунков “Моя любимая мама”, выступление детей с песнями и танцами, завершается праздник чаепитием мам и детей.

У старшеклассников в этот день свой праздник — это конкурс “А ну-ка, девушки!” или особенно любимый — “Идеальная пара”. В ходе состязаний на лучшее исполнение песни, танца, стихотворения, демонстрации других своих талантов и умений, находчивости, чувства юмора жюри определяет лучшую пару, а также называет победителей в номинациях “Мисс Арман”, “Мистер Арман”, “Мисс Обаяние”, “Мисс Изящество” и т. д.

Любят учащиеся вечера поэзии, которые мы называем “Поэтическая гостиная”. За столиками, украшенными цветами, располагаются старшеклассники. Горят свечи. Юноши — в строгих костюмах, девочки — в вечерних платьях. Звучат стихи поэтов Серебряного века, девочки исполняют старинные романсы, звучит живая музыка. Иногда на такие вечера

мы приглашаем певцов Казахского академического оперного театра имени Абая, артистов республиканского театра юного зрителя имени Наталии Сац. Казалось бы, сегодня трудно пробудить интерес подростков к настоящей поэзии, серьёзной классической музыке, но посмотрите, как, затаив дыхание, в абсолютной тишине наши ребята проникаются торжественностью минуты и с увлечением слушают бессмертные строки великих поэтов и музыкальные произведения, написанные на их стихи.

Одним из наших любимых праздников является Наурыз. Кроме песен и танцев в этот день проводятся конкурсы на лучшее национальное блюдо, национальные спортивные игры, разыгрываются сценки по мотивам казахских народных сказок, организуются катание на лошадях, подъём на воздушном шаре.

Следует отметить, что ребята охотно участвуют в экскурсиях и путешествиях, пусть даже и однодневных. Весной и осенью мы обязательно совершаем поездки всей школой (кроме начальных классов) в урочище Тамгалы, на Тургенские водопады, к Иссыкским курганам и т. д.

А в начале октября ежегодно проводим в школе вечер “По странам и континентам”, на котором учащиеся рассказывают о летних путешествиях, показывают фотографии, видеозаписи, “заморские” сувениры: веер и загадочные маски из Венеции, куклы в национальных нарядах из Турции и др.

Неожиданно большой интерес вызвал у ребят диспут “Что такое казахстанский патриотизм?”. С толковыми суждениями выступили на нём не только учащиеся 10-11 классов, но и восьмиклассники и даже пятиклассники. Мы убедились, что школьников по-настоящему волнуют судьба страны, пути её развития, её место среди других государств мира. На диспуте горячо спорили, аргументированно доказывая свою правоту, отведённых для диспута полутора часов ребятам просто не хватило. Всем хотелось высказать свою точку зрения, и участники дискуссии отстаивали её горячо и эмоционально.

Школьники всегда рады в стенах комплекса “Арман” встречам с талантливыми, интересными людьми. У нас в гостях побывали многие из известных казахстанцев. Среди них выдающийся учёный-энтомолог и писатель П. И. Мариковский, чью фотографию можно увидеть в школьных учебниках, поэт К. Мурзалиев, народный артист СССР и Казахской ССР А. Ашимов и его коллеги — молодые актёры Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова, родственники великого казахского писателя С. Сейфуллина, академик, депутат Мажилиса Парламента РК К. Сагадиев и др. К таким встречам школа тщательно готовится, мы организуем выставки, посвящённые жизни и творчеству наших гостей, во время встречи показываем видеозаписи и фрагменты из художественных и документальных фильмов, тематически связанных с данной встречей и её героями.

Надо сказать, что приобретение школой проектора позволяет смотреть все эти материалы на большом экране, а также проводить киновечера, показывать лучшие фильмы отечественного и мирового кинематографа.

Ежегодно мы проводим ставший уже традиционным фестиваль народов Казахстана, на котором звучат казахские, русские, корейские, уйгурские песни, исполняются национальные танцы. У нас в гостях побывал Государственный ансамбль песни и танца Республики Казахстан “Гульдер”.

Перечень наших воспитательных мероприятий можно продолжать бесконечно: здесь и интеллектуальные марафоны, предметные недели,

фестивали, парад шляп учащихся начальных классов, конкурсы рисунков и т. д. Кстати, в последние годы рисунки многих наших детей опубликованы в альбомах, издаваемых по линии ЮНЕСКО, “Рисуют дети мира. Казахстан”, а их авторы награждены грамотами и дипломами.

В 2006 году проведена акция “Поможем обездоленным детям детских домов”, в ходе которой учащиеся собрали и передали в детский дом г. Алматы много верхней и нижней детской одежды, книг и игрушек.

Хоровая и хореографическая студии, школьный театр, изокружок позволяют расширить и углубить знания учащихся о мировой и отечественной культуре как основе формирования культуры личности, развивают интерес к литературе, истории, создают атмосферу, способствующую эстетическому воспитанию детей.

Экологический кружок, который работает со времени основания школы, формирует нравственные качества, расширяет кругозор учащихся, воспитывает любовь к родному краю, приучает ребят к жизни в окружающем мире, воспитывает положительное отношение к труду как к высшей ценности жизни, развивает потребность в творчестве. Усвоению трудовых навыков подчинена не только работа кружков, но и дежурство по территории (“Зелёный патруль”), посадка деревьев, цветов, уход за участком, закреплённым за каждым классом.

Спортивные кружки (восточные единоборства, теннис, волейбол, баскетбол, шахматы) формируют представление о здоровом образе жизни, развивают физическую выносливость, логическое мышление, учат побеждать, стремиться к лидерству. Ярко и активно проходят спортивные праздники. Это и спорт физической подготовленности детей, и умение выступать в команде, добиваться успехов, знакомиться с национальными традициями, воспитывать у себя ловкость, смелость, находчивость.

Наш школьный гимн заканчивается такими строчками:

*Все мы когда-нибудь из школы
В большую жизнь уйдём с тобой,
И круг друзей нас встретит новый,
И мир откроется иной,*

*Но мы “Арман” свой не забудем
И наши споры и мечты,
Ему всегда верны мы будем,
Верны мы все — и я, и ты!*

Верится, что память о школе будет у наших выпускников (которые — мы в этом убеждены — станут достойными гражданами Отечества) связана не только с интересными уроками, любимыми учителями, но и с нашей бурной, “боевой и кипучей” жизнью в коллективе, где каждый чувствует себя необходимым, нужным и окружён настоящими друзьями.

А те, кто продолжает учёбу, с удовольствием поют на последней линейке строки из первого гимна школы:

*И сегодня, перед расставаньем,
Милой школе мы хотим сказать:
“Наш “Арман” любимый, до свиданья,
В сентябре мы встретимся опять!”*

Конечно же, встретимся.

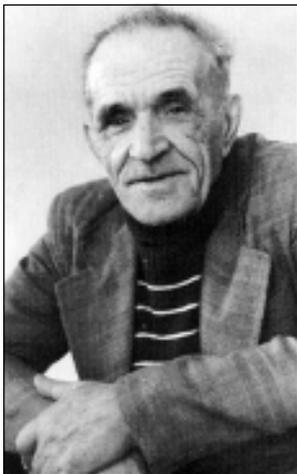
Михаил ТЫЦКИХ

**“Безмолвна вечность,
но звучат мгновенья...”**

В начале было слово — что из этого,
когда за словом наступает жест!
Было слово, а в итоге нет его,
нет как нет обещанных чудес.
Слово прижилось в святом писании,
человек, лишив его души,
в здравии, при силе и сознании
продолжает мерзости вершить.

Философ был повергнут долей горькой:
Внук облик деда воплотил в гранит.
Над холмиком у дальнего пригорка
под небесами памятник стоит.
Земля морозом выжата и скована,
ни соков в ней, ни запахов — тоска!
Стоит мыслитель, будто околдованный,
со сталью пистолета у виска.

Диво Вселенной — природа!
Божественный дар земной
предан, отравлен, обглодан
чёртом, тобою и мной.

**Михаил
Сергеевич
ТЫЦКИХ**

родился в 1922 году в г. Змеиногорске Алтайского края, детство и юность провёл в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области и в Усть-Каменогорске. Участник Великой Отечественной войны, впоследствии был политзаключённым. С 1952 г. живёт в Усть-Каменогорске. Работал в редакции газет, руководил литературным объединением “Звено Алтая”. Поэт, прозаик, журналист, эколог. Автор философского исследования “Экология и жизнь”, книги “На краю бездны”, поэтических сборников “Тропа свиданий”, “Грехи наши тяжкие”. Печатается в периодических изданиях Казахстана и России. В “Ниве” выступает впервые.

Тропа ли, дорога ли — как сказать? —
 Две колеи тележных.
 Столетье иль больше тому назад
 Впервые здесь было езжено.
 Какой-то мужик Беловодье искал —
 Из Рязани ли, из Чернигова...
 До гроба нужду на горбу таскал,
 Прикрыв свою плоть веригами.
 Стою и гадаю — куда привели
 Бурьяном заросшие ковыли?

Что приключилось с небом в день субботний,
 Ласкалась тишь, и солнце шло в зенит,
 И — вдруг! — как злобный пёс из подворотни,
 Сорвался ветер и ревёт, гудит.
 И тучи рвутся, извергая пламя,
 И ливень хлещет, гнётся, стонет лес.
 И кажется: небесными делами
 Не ангелы заведуют, а бес.

Ели и пихты навстречу бегут
 Сквозь сумрак вечерний гурьбою,
 Кедр приметный, по пояс в снегу,
 Степенно кивнул головою.
 Вот он, зелёный, ершистый народ,
 Приветливый и весёлый!
 Лог, поворот, ещё поворот —
 И вот он — таёжный посёлок.
 Под окнами изб, куда ни взгляни,
 Сугробы, от света розовые.
 Скромные эти земные огни
 Сердцу милее, чем звёздные.
 А за посёлком ночует тайга,
 Зимние горы сутулятся.
 И грезится мне, что на свет по снегам
 Деревья заходят в улицы.

Журчит ручей, поёт ручей —
 прозрачен и текуч.
 Восторг из влаги и лучей
 несёт в долину с круч.
 В ручье — прохлада ледника
 И запахи цветов.
 Струя игрива и легка,
 Вот он, малыш, каков!

Но, если туча-водолей
 Зависнет над горой —
 Сердито пенится ручей,
 И грозен он порой!
 И коль река, в недобрый час,
 Мелеет день за днём,
 Ручей спешит, на помощь мчась
 Святым своим путём.

Ковыли да ковыли —
 Хвостики тушканьей.
 Вихорок пылит вдали
 На тропе чабаньей.
 Волоча косую тень
 над утиной лужицей,
 лунь болотный целый день
 кружится и кружится.

И кулик ныряет в кочках —
 длиннонос и длинноног,
 и кузнечики стрекочут
 по обочинам дорог..
 Горизонт полупустыни
 кочевым дымком пропах..
 Выступает соль, как иней,
 на следах и на губах.

Мне бы силы суровой взять
 в жилах кедра из самых недр.
 Мне бы только секрет разгадать:
 почему не сгибается кедр?

Под тесовой крышей старый дом
 Окнами блеснул, напомнив юность.
 Здесь мечты рождались, а потом
 Всё в огне боёв перевернулось.
 Звёздочки любви в лесном краю
 С высоты срываются и светят.
 Стаи птиц летят, летят на юг,
 Грёзы оставляя нашим детям.

Саксаул

Он тягость лет познал сполна,
 Но на тоску не обречён —
 Пустыня так раскалена,
 Что даже солнцу горячо.
 В приволье дальнем дуб растёт,
 Ветвями застилает небо,
 И над барханами цветёт
 Мираж — обманчивая небыль.
 То здесь покажутся, то там
 Озёр лазурные разливы —
 Растёт камыш по берегам,
 Над сонным плёсом дремлют ивы.
 И кажется — издалека
 Плывут и тают облака..
 Но не тревожит, не зовёт
 В чужие дали сказка эта —
 Он чёрным бурям счёт ведёт,
 Ночам пустынным и рассветам.
 Ему досталась на земле
 Лихая доля, ножевая,
 И кровь земли течёт в стволе,
 Пустыню эту оживляя.

И этот день погас в вечерней мгле,
И растворился в тьме ночной, кромешной.
Бессчётно песенок пропето на земле,
Бессчётно разностей свершилось в мире грешном.
Отмечен день загадкой бытия
И знаками, каких мы не читали —
Уносит Леты вечная струя
Миг радостей и бед, восторгов и печали.

Напиши мне, мой друг, напиши,
Как в тумане камыш дымится,
Как тоскует в вечерней глуши
Коростель, затаённая птица.
Как же птице весь век напролёт
По забокам речным обитаться?
Всё кричит, всё кого-то зовёт,
И не может, не может дозваться.
Помнит раннюю песню твою.
Добрым было ваше соседство.
В этом сплошь ивняковом краю
Протекло родниковое детство.
Береги в своей хрупкой судьбе
Тихий край с тайной троп и дорожек, —
Будут люди роднее тебе
И капризная муза дорожке.

Такая тишина, такая тишина —
Не шелохнётся лес, воздев стволы к зениту.
Над сонным миром круглая луна
Небесным мастером прибита.
И дремлет мысль, и сердце в полусне,
Обласканное тайною вселенской..
Чу, соловей! Иль показалось мне:
Не чудо ль трель, исполненная с блеском?
Такая тишина.. Такая тишина..
Вселенная да я, да круглая луна..

Всю ночь мерещились злосчастные уюты:
Хозяйка с хатой да базар-вокзал.
Жёг беглеца осенний холод лютый,
И вол во сне ему лицо лизал..
Котёл ночи рассветным солнцем вспенен,
Лесная птица в утро прокричала.
Безмолвна вечность, но звучат мгновенья,
Даря бродяге смертных троп начала.

И снова горы выпили зарю.
Ночная темь по звёздам расплескалась.
И зверолов, от промахов угрюм,
К ночлегу и костру несёт усталость.
И воздух тих, и росы пьёт земля,
Вершины гор к луне полночной целят,
И хвоей духовитою пылят
Деревья в остывающих ущельях.
И слышен гуд трудом рождённых струн —
Непрошено, заносчиво и споро:
И не по звёздам виден путь к костру,
А по стальным, зовущим в даль, опорам.
И соболь лапкой трогает металл,
Притупит коготок и — удивится,
“Учешет” в потаённые места,
Чтоб в дальних крепях чудом сохраниться.

Зябко дремлет на осине скопище ворон,
За посёлком горы стынут с четырёх сторон.
С вечера морозный вы звезда, тучи разошлись,
Жаром дров нагреты избы, огоньки зажглись.
В мир несёт смолистый запах тихая тайга,
И лежат на хвойных лапах пышные снега.
Лунный свет на горных скатах, а мороз — на спад.
Сладкий сонный шорох в хатах. Полночь. Звездопад.

Был домик в селе небольшой, но родной,
И мама — в сельповской лавке.
Я с фронта пришёл с пробитой ногой,
Не вовсе пришёл, на поправку.
При лавке сельповской был рыжий конёк
С бричкой скрипучей, со сбруей,
Возил он товаришки каждый денёк,
Осиливал тягость любую.
Я Рыжку купал по утрам в Иртыше,
Сенцом угощал прещедро —
И конь хорошел, и светло на душе,
Но в даях свирепствовал недруг!
Я ногу свою подлечил. И опять
В теплушках до фронта добрался,
Дом свой и Рыжего защищать...
В Берлине с врагом рассчитался.
Вернулся домой и увидел урон:
Гривастый мой работяга
За мною следом был забран на фронт
И сгинул в огне, бедняга.

На память мама о давних днях
Прибила к стене по привычке:
С карточки скромной глядит на меня
Конь, запряжённый в бричку.

Глухая впадина между гор
Покрыта сосной и елью.
Влажен и сумрачен старый бор,
Ягодой пахнет и прелью.
Здесь и кочует бурый медведь,
Дружный с безлюдьем и глушью.
С годами лысеть он стал и седеть,
И заболел добродушием.
Не тронет ни птицы и ни зверья,
Спокойны его соседи.
Прежде бывал он и лют, и рьян,
Теперь стал тихим медведем.
Да в самом ли деле медведь подобрел?
Хвалить его не спешите.
Когти подтёрлись, зуб притупел,
Зоркости нет и прыти.
С такой оснасткой что делать теперь?
Как выжить — не потеряться?
Заправский гурман и нешуточный зверь
Становится вегетарианцем.

Грачонка Серёжа из леса принёс:
Вселил под застреху амбара,
Сытно кормил его и всерьёз
Про жизнь заводил тары-бары.
Грач взматерел. Улетал, прилетал
С каким-то сородичем в паре
И во всё горло на крыше орал:
“Сер-рёга хор-роший парень!”

Поднадоела суета домашняя,
И книга не читается путём,
И чай не тот, и не по вкусу каша,
Теряет смысл моё житьё-бытьё.
Но... в радость облекается тревога:
Стряхнув, без сожаленья, скучный быт,
Я вновь готовлюсь в дальнюю дорогу
По зову соблазнительной судьбы.
Ещё один тайник — кусочек Мира —
Так хочется прощупать и познать!
Бродяге покровительственная лира
На тропах странствий зазвучит опять.

Пришёл бы ты сегодня — очень кстати!
Перебирая хлам минувших лет,
Я к жизни бренной интерес утратил,
И дремлет мысль, и в рифмах толку нет.
И мрак, и грусть, когда безмолвно слово,
Дряхлеют дни, бесцветны и пусты.
Я жду тебя, как дорогую новость,
Душа поёт, когда приходишь ты.

Я в ожиданье распахнул тебя:
Ласкаю, в мыслях, милые даренья,
Вкушаю, как Адам, соблазнами объят,
Греховный, но чудесный плод творенья.

В онемевшей душе вдруг рождается ключик,
Струйкой малой блеснёт, потечёт, зажурчит.
И — о, чудо! — польётся потоком звучно,
Мысль разбудит, прозрением дух осветит.
И исчезнут неловкость и страх, и сомненья,
И поверишь в себя, и в призванье своё,
И над миром трепещущее вдохновенье
Ритм и рифмы от щедрого сердца прольёт.

Изведал я каприз судьбы
Как циник тот, что в бочке был,
Я всю страну исколесил,
Изверился, лишился сил.
И, всё-таки, опять в пути!
Прости меня, Господь, прости.
Мне нужен друг, чтоб быть вдвоём,
Его ишу я — с фонарём!

Твой удел не пойму, не пойму.
Слишком робок я в мыслях, неловок.
Ты светла, а ныряешь во тьму,
Учишь мир, а живёшь бестолково.
Нищету и богатство несёшь,
То смеёшься, то плачешь, унылая..
И когда же, когда ты уймёшь
Тройку-вихрь, моя Родина милая?

Илья ШУХОВ

Послесловие к юбилею

*Я не то ещё сказал бы, —
Про себя поберегу.*

Александр Твардовский

Ну вот и закончился 2006-й. Для меня это был особый год — год столетия со дня рождения Ивана Петровича Шухова, моего отца. Были хлопоты, ожидания, переживания всякие — радостные, а порой — и не очень. Были публикации в газетах и журналах, “мероприятие” в Пресновке — по принципу: где родился, там и пригодился, ещё кое-что юбилейно-поминальное. Но теперь, когда всё вернулось на круги своя, вспоминаешь, как не любил отец официальных, дежурных чествований. Говаривая: “Ну, начнут отпевать!” — уклонялся от протокольных церемоний, а если и отмечал какие-то свои даты, то безо всякой помпы и огласки, в узком кругу друзей-литераторов. А всякие награды — ордена... В одной из повестей “Пресновских страниц” есть эпизод: старые гвардейцы Устин с Платоном идут по станичной улице, вырядившись в парадную форму, с султанами на киверах, что вызвало у маленького Вани полный восторг. Но отец его Пётр Семёнович восторженность не разделил, сказал, мол, ордена эти, медали — так, трень-брень.

Думаю теперь: так же относился ко всей этой мишуре и Иван Петрович. Высшей наградой для него было творчество, когда удавалось по-своему, по-шуховски сказать о самом дорогом и заветном.

Так что же, ничего примечательного от столетия не осталось? Осталось: памятник- бюст перед Домом-музеем в Пресновке да две малотиражные книжки (о них скажу позже). Ну и ещё кое-что. Спасибо всем, кто так или иначе оказался причастным к юбилейным хлопотам, пик которых пришёлся на пятое августа, день, намеченный решением главы области для празднования на пресновской земле.

Здесь, в Пресновке, был я в последний раз в августе девяносто шестого. Не такой уж, вроде, и большой срок, а сколько всего изменилось! Тогда, десять лет назад, что-то ещё значил Союз писателей Казахстана, с главой которого — он и поныне пребывает в этой должности — мы небольшой алматинской делегацией летали на 90-летие отца.

Нынче же многое прошло совсем по другому сценарию. И этому, конечно, вряд ли приходится удивляться. Что Союз писателей почти ничего не значит — уже давно не новость. Да и штат-то какой — председатель, пара референтов да секретарша, в чьи необременительные обязанности входит разве что позвонить членам СП, сообщить о кончине коллеги по творческому цеху. Хотя — какой там “цех”, когда литераторы годами не видятся друг с другом, живя кто как может, своими, чаще всего далёкими от творчества, житейскими заботами...

Ну и ещё — раз в месяц — нахожу в почтовом ящике “Простор”, — бывший ранее журналом Союза писателей Казахстана. Канцелярия СПК за казённый счёт выписывает его своим членам, остающимся в сильно поредевшем за последние годы списке.

Вот и все нити, связывающие литераторов с когда-то полнокровным творческим союзом. Всё участие СПК свелось к двум зондирующим звонкам

референта. Сначала он позвонил в январе — уточнил дату рождения отца. Затем, после полугодового молчания — в июле, за месяц до этой самой даты. Разговор состоялся довольно примечательный. Мне был задан вопрос: мол, как дела с юбилеем? Надо, дескать, разузнать, будет ли отмечаться на официальном уровне.

Вот тебе раз! Я же всего-навсего частное лицо. Союз писателей — вот кто должен быть в курсе! Хотя я, конечно, идеалист: давненько не имел дела с СП, но ведь слышал, что юбилеи там проводят в основном за счёт родственников. А вообще, как было в советское время, всё зависит, от какой печки, что называется, начинают плясать. Если от правительственной — одно дело, нет — совершенно иное. Референт так и сказал: будет постановление, тогда ясно, не будет — придётся действовать вам самому.

Никакого постановления так и не появилось. Но в газетах, за которыми я, как мог, старался следить, стали попадаться любопытные, симптоматичные публикации.

Первой, кажется, подала голос «Казахстанская правда» третьего марта в небольшой заметке своего обозревателя «Память и прогресс». Автор поделился своими соображениями насчёт предстоящих столетних юбилеев «столпов казахстанской культуры» — Ахмета Жубанова, Латифа Хамиди и Ивана Шухова. Соображения сводились к расплывчатому тезису: дело, мол, не в деньгах, а в словах и поступках, «которыми мы сможем оценить и подчеркнуть величие духовного наследия Хамиди, Жубанова и Шухова».

Слова и поступки оказались разными. В тридцатом номере газета «Аргументы и факты — Казахстан» под рубрикой «История» поместила информацию «Вековой юбилей». Это был ответ на вопрос читателя из Караганды. Читатель спрашивал: «Будут ли отмечать юбилей известного казахстанского писателя Ивана Шухова?».

Постановка вопроса показалась весьма оригинальной. Не как будут отмечать, а — будут ли отмечать вообще? Выходит, не исключался и отрицательный ответ. Как бы то ни было, газета обратилась в акимат Северо-Казахстанской области. Там сообщили, что «торжества в честь столетия корифея пера пройдут на его родине — в селе Пресновке Жамбылского района, в Северном Казахстане». То есть дали ясно понять: событие сводится к рамкам локального масштаба.

Признаюсь, именно такого, «швыдковского» варианта я и ожидал. Почему «швыдковского»? Дело в том, что в начале 2005 года, накануне векового юбилея М. А. Шолохова, группа видных российских писателей во главе с председателем Международного сообщества писательских союзов Сергеем Михалковым обратилась с открытым письмом к Президенту В. В. Путину. Они призывали на достойном уровне отметить столетие классика отечественной литературы и резко возражали против фарисейского предложения непотопляемого функционера Михаила Швыдкого провести чествование только в Ростове и станице Вёшенской — на малой родине писателя. Слава богу, после обращения литераторов уничижительный, местнический вариант был отвергнут и главные торжества состоялись в Москве. Само собой, не были забыты и Вёшки, куда в числе гостей со всей страны приезжал и российский президент.

Но это — в России.

У нас же против «швыдковского» варианта в казахстанском преломлении возразить оказалось некому. А кто выступил в роли казахстанского Швыдкого, не знаю, да это и не так уж важно.

Могут сказать, надо было что-то предпринимать, а не сидеть сложа руки и ждать милостей. Так вот, попытки что-то предпринять — были. Большая почитательница творчества Шухова — Любовь Степановна Кашина, директор Павлодарского Дома-музея Павла Васильева, оказавшись зимой 2006 года в Москве, пыталась переговорить с замом Сергея Михалкова — Феликсом Кузнецовым. Это не удалось. Тогда она встретилась с секретарём исполкома МСПС Турсунай Оразбаевой, которая курирует литературу Казахстана и Средней Азии, и справилась о планах в связи с шуховским столетием. Собеседница сделала круглые глаза, видимо, услышав о дате впервые, и перевела стрелку на коллегу из Союза писателей Казахстана — пусть, дескать, присылают свои предложения. Вот и весь разговор. А какие “предложения” были у тутошнего референта, с коим я разговаривал пару раз по телефону, мы уже знаем.

Да, отделились от “периферии” московские литературные тузы, погрязли во внутрицеховых разборках. Что им теперь до Ивана Шухова, до того, что его вместе с Шолоховым высоко ценил Максим Горький! Теперь — такие уж времена — всё стало мериться слишком мелким аршином.

Замечу попутно. Странно подумать: глава МСПС, знаменитый автор “Дяди Стёпы”, басен и трёх государственных гимнов Сергей Михалков — дай бог ему здоровья! — находясь в военные годы в Алма-Ате, бывал у нас в тесной квартирке на улице Иссыккульской, пивал чай, а может, и чего покрепче. А теперь — господа, когда это было! — должно быть, начисто о том запамятовал. И что тут скажешь — годы, годы. Как теперь молвится, человеческий фактор...

Да и для Кузнецова-то Феликса Феодосьевича Иван Шухов не пустой звук: не раз вспомнил его в своём недавнем фундаментальном труде о “Тихом Доне”. Но опять-таки — увы...

Мог бы замолвить слово другой шолоховед, да к тому же ещё и казахстанец родом, Валентин Осипов, считающий Иртыш своею рекой. В прошлом — директор издательства “Художественная литература”, он трижды упоминает Ивана Петровича в своей вышедшей к шолоховскому столетию в серии “ЖЗЛ” книге “Шолохов”. Но — опять-таки — возраст, нездоровье, конфликтная московская литературная среда. Да и вообще мало ли кто из шолоховского окружения назван в этом — внушительного объёма — томе...

А кое-кого из помнивших Шухова москвичей не стало. Осенью 2006-го увидел в “Литературной газете” некролог: трагически оборвалась жизнь Ирины Ивановны Стрелковой. Тоже бывшая казахстанка, она долгие годы трудилась на литературной ниве в столице и способствовала публикации издательством “Детская литература” повестей “Пресновские страницы”.

Года за два до отцовского столетия, после долгого перерыва, я позвонил Ирине Ивановне, сказал о предстоящей дате. Она пообещала переговорить с Михалковым — “он должен помнить вашего отца”, — а кроме того посоветовала поставить в известность губернатора Курганской области. “Это ведь там, кажется, рядом. А губернаторы сейчас знаете какие, они ведь многое могут”. О казахстанских “губернаторах” она умолчала, видно, считая их участие само собой разумеющимся. И вдруг — скорбная весть. Ирина Ивановна возвращалась с похорон поэта Сергея Викулова, бывшего многолетнего редактора журнала “Наш современник”, с которым она активно сотрудничала, и, переходя дорогу возле своего дома, была сбита мотоциклом. Шёл ей уже девятый десяток...

Словом, надежды на Москву не было никакой и оставалось уповать только на местные — областные и районные власти. А они, не в обиду им

будь сказано, хватились, как водится у нас, в последнюю минуту. Хватились и, вспомнив о моей персоне, принялись бомбить междугородными звонками. Добро бы пораньше, а то ведь за какие-то считанные недели до пятого августа — дня, на который назначили празднование в Пресновке.

После затяжного, ничем не нарушаемого штиля, где-то с конца июня события стали развиваться поистине лавинообразно.

Вышел на связь не знакомый мне до этого алматинский скульптор Казбек Сатыбалдин, известил, что работает над бюстом отца для памятника в Пресновке и предложил посмотреть работу в мастерской. Поехали мы туда с моей сестрой Натальей. Скульптор — моложавый, подвижный, с живыми чёрными глазами — подвёл нас к внушительной поясной фигуре из пластилина, возвышающейся на деревянном помосте на фоне увеличенных до гигантских размеров разноракурсных — вполоборота, фас и профиль — фотографий отца. По ним скульптор и ориентировался, вылепывая изображение из податливой тёмно-зелёной пластилиновой массы.

Настал момент какого-то оцепенения. Скульптор отошёл в сторону в ожидании нашего отзыва. А мы вглядывались в фигуру, обходя её со всех сторон, и не находили первых слов — настолько сложным было впечатление. Вернее, оно было явно неблагоприятным: черты отца едва угадывались, расплываясь в избыточной массе пластилиновой фактуры. Лицо выглядело благостно-одуловатым, лоб и щёки — гладкими, без единой бороздки и морщинки.

Мы с сестрой всё молчали. Скульптор, видимо, ожидал подобной реакции: не впервые, наверное, представлял свои работы на суд родственников. И, поборов внутреннее смятение, мы стали напрямую высказывать свои критические суждения. Сказали и о не соответствующих натуре, слишком широких плечах. Кстати, подобное укрупнение фигуры характерно и для некоторых живописных щуховских портретов, выполненных с фотографий художниками, не видевшими Ивана Петровича. При этом портретисты следовали стереотипному представлению: писатель с именем должен непременно выглядеть солидно и фундаментально, иначе — какой же он классик?

И вот такая скульптура будет стоять перед отцовским домом в Пресновке?!

Первое, что я сказал Казбеку: нельзя ли отложить изготовление на более поздний срок? На что услышал категорическое: “Что вы! Скульптура и пьедестал — кровь из носу! — должны быть отправлены до конца июля и накануне пятого августа занять место перед музеем”. И тут же стал успокаивать: поправим, ведь это же не камень — пластилин!

Из мастерской, не теряя времени, отправились ко мне домой. Тут я снабдил мастера набором отцовских фотографий, а главное — он впервые увидел Ивана Петровича “живьём” — на видеокассете — в сюжете из сорокалетней давности киножурнала “Советский Казахстан”, где отец, как главный редактор “Простора”, обращается с кратким словом к сотрудникам и авторам журнала.

Следом — началась лихорадочная “работа над ошибками”, наши с сестрой почти ежедневные визиты в мастерскую, а затем — вместе с Казбеком — к его напарнику-гранильщику, который с пластилиновой фигуры делал её точную гранитную копию. Работа, надо сказать, адская: в защитных очках и наушниках — в пыли, грохоте, пронзающем уши визге шлифовальных инструментов.

Трудился гранильщик под открытым небом, в арендуемом у какой-то промбазы углу неоглядного хозяйственного двора. Солидного масштаба —

два к одному — гранитный бюст отца стоял рядом с копией на плоском деревянном помосте и выглядел совсем неприметным на фоне других разномастных памятников. Среди них выделялась колоссальная мраморная фигура мужчины с орлиным носом, в папахе, выбитой настолько искусно, что казалась натуральной. То был — конфиденциально поведали нам — памятник недавно почившему “авторитету” — цыганскому барону. Согласно неписаному закону, на него скинулась тутошняя цыганская община.

Когда оставалось нанести на скульптуру последние штрихи и окончательно отшлифовать, прибыл из Северного Казахстана огромный “КамАЗ”. Симпатичный, улыбчивый шофёр Галым, проделавший в одиночку полуторатысячекилометровый маршрут, через сутки должен был отправиться в обратный путь, чтобы доставить гранитный бюст с пьедесталом в Пресновку.

Забегая вперёд, скажу, что цельный, в полный рост, памятник я впервые увидел пятого августа, когда вместе с главой Северо-Казахстанской области Таиром Мансуровым мы съёрнули покрывало с монумента на площадке под клёнами перед отцовским Домом-музеем.

С каждым днём предъюбилейная суматоха усиливалась, заботы одна за другой стали захлёстывать лавиной. Из Петропавловска позвонил редактор областной газеты Жарасбай Сулейменов, сообщил, что по инициативе акима Мансурова в московском издательстве “Воскресенье” к августу выйдет книга воспоминаний о Шухове. Издательство хорошее, там вышло двадцатитомное собрание сочинений Достоевского — презентацию его проводили в Петропавловске.

Жарасбаю поручили быть редактором-составителем. Вот он и решил посоветоваться. На тот момент у него под рукой было всего три-четыре материала, опубликованных раньше в казахстанской прессе. О давней фундаментальной книге “Воспоминания об Иване Шухове”, изданной в Алма-Ате в 1979 году и ставшей своего рода Шуховской энциклопедией, он, как выяснилось, услышал впервые. Узнав, обрадовался, ухватился за неё, как за спасательный круг. Ведь с момента нашего разговора до выпуска книги оставалось всего-навсего восемь недель. Фантастика! Как тут было не вспомнить слова Ирины Ивановны Стрелковой: “Губернатор — он многое может!”. Похоже, и наш аким может не меньше.

Две недели спустя Жарасбай — по принципу: слушай готовое, — довёл до моего сведения содержание будущей книги. Открывать её будет статья акима Таира Мансурова.

Потом, уже в Петропавловске, раскрыв только что доставленную из Москвы книгу с едва проступающим сквозь тёмный колер обложки отцовским лицом — издатели оправдывали такое странное цветовое решение следованием современной оформительской эстетике — и многословным названием “Иван Шухов. Современники и земляки о творчестве писателя”, — раскрыв её, я порадовался заголовку статьи акима: “В степи его сердце”. Да и сама статья показалась свежей, нетрафаретной, без положенной, казалось бы, для вступительного слова дежурной патетики. Далее шло несколько материалов из мемуарной книги 79-го года, а также свежие публикации, включая значительно сокращённый и, по правде сказать, приглаженный вариант моей документальной повести “Годы без отца...”, только что увидевшей свет в журнале “Нива”. Завершали сборник воспоминания нескольких, не знакомых мне авторов-североказахстанцев.

А хорошо я знаю вот уже сорок с лишним лет моего ровесника петропавловца Владимира Георгиевича Шестерикова, журналиста и поэта, которому

отец давал рекомендацию в Союз писателей СССР, — автору “не одной уже его книжки стихов — самобытных, земных, ярких, талантливых”. В сборнике 79-го года была напечатана Володина статья “Общая наша родина”. А в новую книгу включили его “Благовест шуховского слова” — о том, как он, сотрудник областной газеты “Ленинское знамя”, в своё время прочитал тогда ещё нигде не опубликованные повести “Пресновские страницы” и убедил Ивана Петровича, что именно земляки должны стать первыми их читателями. А сколько светлой печали в воспоминании Володи о последней поездке с Иваном Петровичем осенью семьдесят шестого года!

Жаль, что мимо внимания составителя прошли и замечательные Володины этюды из цикла “Приишимские хроники”, в которых запечатлены чудесные черты своеобразной шуховской природы. Этюды мне посчастливилось прочесть в петропавловском литературно-художественном журнале с милым, непритязательным названием “Провинция”.

Будь моя воля, непременно перепечатал бы из старой книги рассказы ушедших за эти годы людей, оставивших ценнейшие подробности жизни отца. Сами их имена говорят за себя.

Александра Александровна Есенина. Та самая “сестра Шура”, которой Сергей Есенин посвятил четыре знаменитых стихотворения. С нею Иван Петрович был дружен до последних своих дней.

Андрей Игнатьевич Алдан-Семёнов. Из его воспоминаний читатели узнали, что слова чудесной лирической песни “Позарастали стёжки-дорожки”, которая считается народной, принадлежат Шухову. Об этом Иван Петрович поведал ему при встрече в середине тридцатых годов прошлого века, когда только что закончил сценарий фильма “Вражьи тропы” по роману “Ненависть”.

Юрий Осипович Домбровский, успевший написать для книги воспоминаний всего несколько ёмких, колоритных страниц. Эта последняя работа долгие годы дружившего с отцом и высоко ценившего его товарища по перу была оборвана внезапной кончиной Юрия Осиповича.

Не включили, к сожалению, в новый сборник и мемуары москвички Ольги Константиновны Кожуховой, пензенского прозаика Николая Михайловича Почивалина, народного писателя Бурятии Африкана Бальбурова...

Тираж, означенный в выходных данных московской книги — одна тысяча экземпляров. В пять раз меньше того, о котором в первом разговоре уведомлял меня составитель. Тогда же, кстати, он поинтересовался, знаю ли я Мансурова. А что я мог сказать: видел мельком по телевизору, в газетах — на официальных фото. И Жарасбай отозвался об акиме как творческом человеке, авторе почти двух десятков книг. Позже одну из них — многостраничный том “Назир Тюрякулов”, вышедший недавно в знаменитой серии “Жизнь замечательных людей” издательства “Молодая гвардия”, Мансуров презентовал мне перед моим отъездом из Петропавловска.

Вот так, с поистине сказочной быстротой и вышел — в Москве! — мемуарный сборник, о чём, учитывая нынешние реалии, я даже не мог и мечтать. А вообще, если вдуматься, действительно, это — дело случая. Просто повезло с таким “нетипичным” акимом, для которого книги, писательство — не пустой звук. А будь иначе... Так везде теперь — на всём постсоветском пространстве. Недаром российский прозаик Иван Евсеенко в своей недавней литгазетовской статье с горечью заметил, что нынешним властям писатели не нужны. На сегодняшний день существование писательских организаций

полностью зависит от местного начальства. Привержено оно литературе, понимает, что значат писатели для общества, — будет их поддерживать, не привержено — писатели окажутся в положении изгоев.

Акимы время от времени меняются. Но — не знаю, как в других краях, — в Северном Казахстане, на родине классиков-земляков Магжана Жумабаева, Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Ивана Шухова — власти волей-неволей приходится быть литературоцентричной. Тем более что на последние годы пришлась целая череда вековых юбилеев знаменитых уроженцев этой земли. Некоторые даты, по решению ЮНЕСКО, отмечались чуть ли не в планетарном масштабе.

И вот — подошло шуховское столетие. И — ко благу союзписательских и иных чиновников от культуры — никаких особых решений-постановлений. Плыви, мой чёлн, по воле волн...

Но — хватит пока о чиновниках. Не перевелись ещё, слава богу, и энтузиасты. В Павлодаре есть музей Павла Васильева. Директорствует в нём уже несколько лет Любовь Степановна Кашина. О ней я уже упоминал в начале заметок. Как-то, приехав в Алматы, она разыскала меня и передала видеокассету — учебный фильм о Павле Васильеве по написанному ею сценарию. Есть в этой ленте и фото моего отца, дружившего с поэтом. И вот, узнав об их дружбе и даже родстве — они были женаты на сёстрах — Евгении и Галине Анучиных, — Кашина загорелась новой идеей: снять фильм об Иване Шухове. Заготовки для него делались загодя, и завершающая стадия работы пришлась как раз на год шуховского столетия.

Любовь Степановна попросила нас с Натальей прочесть сценарий, учла все наши пожелания и держала потом в курсе всех связанных с фильмом хлопот. Эх, хотя бы малую толику её энергии союзписательским и минкультовским функционерам! Чтобы снять сорокаминутную ленту, Кашина разыскивала материалы в республиканском госархиве, ездила в Москву, в Институт мировой литературы имени Горького.

Так совпало — в те дни в Москве по случаю своего семидесятилетия был Олжас Сулейменов. Любовь Степановна кинулась на поиски. В Союзе писателей сказали: гость — в гостинице “Космос”. Поехала — там никаких следов: соблюдать конспирацию знаменитостям не привыкать.

Но — кто ищет... Вернулась в Павлодар, а вскоре Олжас Омарович, в рамках большого российско-казахстанского турне, посправажив в южной столице, украшенной его огромными фотопортретами, вдруг почтил своим присутствием и вполне провинциальный Экибастуз. Отложив все дела, Кашина помчалась туда с оператором и успела аккурат к началу встречи во Дворце культуры. Переговорить — никакой возможности. Что же делать? Кашина с репортёрской находчивостью всё-таки нашла выход: послала юбиляру записку. Оператор тоже не подкачал. И вот в фильме “Сын степного простора” Олжас Омарович, как всегда, импозантный, подтянутый, красивым баритоном, отвечая на присланный из зала вопрос, говорит, что часто со светлой грустью вспоминает Ивана Петровича, “замечательного человека, большого романиста”, с кем вместе довелось работать в “Просторе” и кто дал ему, молодому тогда литератору, рекомендацию для вступления в члены Союза писателей СССР.

И всё. Четыре фразы. Краткость, конечно, сестра таланта, но здесь она показала мне, скорее, тещей...

Сопровождал юбиляра в поездке Мурат Ауэзов, культуролог — так обычно именуют его по телевидению и в печати, — он же генеральный

директор Национальной библиотеки Казахстана. Улучив момент, Любовь Степановна попросила и его сказать о Шухове. Но Мурат Мухтарович с минорным выражением лица отказался: у него внезапно заболело горло...

Видеоматериала для фильма набралось часа на полтора, но при монтаже пришлось урезать вдвое: на большее не было денег. Да и на сорокаминутную ленту пришлось наскрести по сусекам, рассылать прошения разным спонсорам. Из них откликнулся один — Павлодарский филиал “Темирбанка”.

Потом началась мистическая чертовщина, почти как с киноверсией булгаковского “Мастера и Маргариты”. При монтаже лента трижды рассыпалась на компьютере. Последний раз — перед самым выездом на шуховский юбилей.

Были и ещё не шибко приятные сюрпризы. Когда фильм был уже на две трети готов, Кашина позвонила в Пресновку. И ей, гася энтузиазм, открыли, что область в связи с юбилеем ничего не планирует. Значит, фильм в Петропавловске не покажешь.

Своим сообщением Любовь Степановна подтвердила моё не на пустом месте основанное предчувствие, что в конечном счёте всё и сведётся к этому — узкому, местечковому сценарию. Тем более что из Петропавловска дошли слухи: главная забота здешних властей связана с куда более престижной и важной для них датой — семидесятилетием Северо-Казахстанской области, празднование которого намечено месяцем позже — в сентябре.

Опять мистика! Как что-то касается Ивана Шухова, непременно возникает какая-нибудь помеха...

А суэта усиливалась день ото дня. Семнадцатого июля — звонок из Петропавловска. Незнакомый голос. Представился: Сергей Павлович Бубело, режиссёр областного телевидения. Говорит, дело вот в чём — вчера поставили задачу срочно сделать телефильм о Шухове. Хочу, чтобы вы прочитали отрывки из поэмы об отце. Должны приехать с оператором двадцатого числа на двое суток.

Снова чудеса. Памятник, на который по-хорошему требовалось бы никак не меньше года, тут — за два месяца. Фильм — не рекламный клип — за две недели!

Звонок из Павлодара. Любовь Степановна вся в запарке: режиссёр предлагает назвать фильм “Парящий над степью”. “Подумайте, Илья Иванович, и Наталья Ивановна пусть тоже, и завтра — последний срок — надо дать окончательный ответ”.

Название нам с сестрой показалось совсем не в отцовском духе — излишне красивым и претенциозным. Пусть лучше будет просто: “Сын степного простора”. На следующий день позвонил в Павлодар, и вариант был принят.

Двадцать первого июля вышли на связь петропавловские телевизионщики. Прилетели они девятнадцатого, накануне целый день провели в госархиве, и вот черёд дошёл до меня.

Сергей Павлович — средних лет, приветливый, несуетливый, вместе с молодым оператором из Астаны Есимом вскоре появились у меня дома и тут же взяли меня в оборот. Есим стал налаживать съёмочное оборудование, а старший коллега вкратце рассказал о себе. Восемнадцать лет работал в облдрамтеатре Петропавловска. Жена — в прошлом актриса, сейчас на пенсии. Она и написала сценарий. Режиссёр разложил на столе листочки с краткими отрывками из моего стихотворного сочинения “Люблю и

помню”, опубликованного в давнем моём одноимённом сборнике, и, сделав закладки в книге, предложил мне один за другим эти отрывки прочесть. Я поначалу ступешался: непривычно как-то перед камерой, но — деваться некуда — пришлось приступить к декламации. При этом невольно поглядывал на режиссёра, а он, чувствуя внутреннюю мою зажатость, одобрительно кивал и улыбался. Вопреки моим сомнениям, чтение, видно, вполне его устраивало, и следующие фрагменты я “озвучивал” уже с меньшей скованностью. Словом, эту часть работы проделали удачно, обойдясь без дублей. Хотя, по правде, времени было в обрез: какие уж там дубли!

До вечера предстояли съёмки в разных местах города. Поехали вместе. Сначала — к дому на углу бывшей улицы Мира, где отец прожил семнадцать лет и откуда, по воле Рока, таксист увёз его — в Вечность... Здесь с тех пор прикреплен не приметная, без портрета мемориальная доска.

Спустились потом по улице Мира, переименованной в Желтоксан, к Союзу писателей Казахстана, где в свои лучшие, шестидесятые-семидесятые годы, размещался достославный — шуховский — “Простор”.

Затем посетили старое кладбище на Ташкентской, где неподалёку от центральной аллеи похоронен отец, положили на надгробную плиту цветы.

Уже под вечер отправились к последнему пункту маршрута — в окраинный район, называемый в народе Татаркой. Здесь среди не по-городскому спокойных, немногочисленных, застроенных частными домами и домишками улочек есть одна, которая носит имя отца. Тихим ходом проехали по ней — совсем не длинной — от начала её до конца. С обеих сторон — разномастные, неказистые, кое-где обветшалые заборы, за ними — деревья в палисадниках с пожухлой, замершей в душном предвечерье листвой.

Есим, держа камеру наизготовке, пытался запечатлеть строение с приличной, чётко различимой табличкой. Однако найти подходящую удалось лишь в самом конце на единственном доме. Остальные таблички — общим числом не более десяти — обшарпанные и ржавые — для съёмки явно не годились.

Пока Есим выбирал нужный ракурс, от соседнего дома к нам подошёл молодой здоровяк в шортах и тапочках на босу ногу. “Вижу, вроде, телевизионщики. Раньше сам оператором на Алматинской студии был. Как говорится, рыбак рыбака...”

Тем временем Есим закончил съёмку, приблизился к машине и, приглядевшись к здоровяку, узнал своего бывшего коллегу. Такая вот вышла неожиданная встреча. Тут мы и объяснили, что к чему — снимаем материал для телефильма к столетию Шухова.

— Какого Шухова?

— Писателя.

— Надо же, — здоровяк покачал головой. — Сколько тут живу, а не в курсе.

— Так вот же табличка, — показал рукой Есим.

— А я думал, это в честь инженера, — признался бывший коллега. — Вот оно как... Теперь уж буду знать.

На этом мы распрощались со старожилом шуховской улицы. И на обратном пути я невольно стал вглядываться в мелькающие по сторонам таблички. Улица Сабита Муканова... Жамал Омаровой... Сапара Байжанова... Так почему же безымянно: “Улица Шухова”? Просто случайный недогляд? Или?..

Назавтра телевизионщики улетели в Петропавловск — им нужно было ещё успеть побывать в Пресновке.

... Последние суматошные предавгустовские дни замелькали с лихорадочной быстротой. Двадцать шестого — звонок Кашиной. Очередные “приятные” новости: собиралась ехать четвёртого августа — надеялась всё-таки устроить презентацию своей работы в городской библиотеке имени Шухова. Позвонила туда, а ей — отбой: загружены под завязку в связи с юбилеем области.

“Поеду пятого”, — сказала расстроенная Любовь Степановна.

В самом деле: сколько хлопот, переживаний — и вот. Действительно, выходит, шуховское столетие помешало библиотеке, которая носит его же имя!

Двадцать седьмого Кашина известила: с билетами на поезд тяжело, пришлось взять на третье августа.

Надо сказать, сам я пребывал в эти предотъездные дни в полной растерянности. Да было отчего! Союз писателей упорно хранит молчание, министерские чиновники из Астаны — тоже. Правда, следом за Кашиной позвонил из Пресновки заместитель акима, уточнил мой адрес, чтобы прислать пригласительную телеграмму. Из нашего краткого разговора я понял, что центральное место в пресновских торжествах займёт конноспортивный праздник. На что я не очень, наверное, дипломатично заметил, что, по моему разумению, главной всё-таки должна быть культурная программа.

Не было у меня отчётливого представления, кто же персонально посетит присутствием отцовское столетие. Когда на днях меня спросил об этом тот же заместитель районного акима, я сказал, что хотелось бы в числе гостей увидеть моего давнего друга Владимира Гундарева. Летом далёкого восьмидесятого мы в одной машине объехали чуть ли не половину Тургайской области: там проходили дни казахстанской литературы. Да и вот только что в журнале “Нива”, где Владимир Романович главным редактором, напечатано моё документальное повествование об отце. Назвал Владимира Шестерикова, бессменного сотрудника газеты “Северный Казахстан”; до перестроечных времён она называлась “Ленинское знамя”. Сказал про Любовь Степановну Кашину, Владислава Владимировича — он не раз писал о творчестве отца и в периодике, и в собственных книгах. Любовь Шашкову, которая в паре с мужем оператором Маратом Крыкбаевым снимала интервью с литераторами для кашинского фильма.

Сказал и о Ростиславе Викторовиче Петрове. Все годы редакторства Ивана Петровича в “Просторе” он работал там ответственным секретарём. К тому же десять лет назад мы вместе летали в Петропавловск на шуховское девяностолетие. Назвал Сатимжана Санбаева, тоже нашего тогдашнего спутника. Не так давно я прочитал его раздумчивую статью об отце — “Творчество, востребованное временем”.

Был, кстати, в нашей небольшой делегации и Нурлан Оразалин, тогдашний и нынешний глава Союза писателей. На сей раз он почему-то предпочёл остаться в стороне...

И вот моё смятение усилилось, когда в конце того же дня Ростислав Викторович огорошил меня одним известием. Ему позвонили из пресновского акимата: “Приглашаем на юбилей. Встретим четвёртого числа в Петропавловске, доведём до Пресновки, потом доставим обратно”. А из Алматы и обратно — за собственный счёт?

Вот так номер! Кто же тогда из иногородних поедет? А вот в две тысячи втором в Петропавловск на столетие Габита Мусрепова гостей из Алматы

везли в двух специальных комфортабельных вагонах. Как говорится по телеящику: почувствуйте разницу! Да и размах был, как сказал бы отец — я те дам! В Петропавловске провели церемонию переименования городского района в имени Мусрепова, наградили гостей юбилейной Мусреповской медалью. И много другого помпезного — всего не перечислишь...

Да, крепко огорчил меня Ростислав Викторович. И что же прикажете делать?

На следующее утро, двадцать восьмого, в трубке услышал молодой голос: «Илья Иванович? С вами говорит заместитель Мансурова Мурзалин Малик Кенесбаевич. Кого вы хотели бы видеть на юбилее?». Тут я и раскрыл глаза собеседнику: приглашают, но без оплаты дороги. «Мы — область — возьмём на себя финансовую проблему, порешаем эти вопросы, — заверил зам. — Вы, Илья Иванович, приезжайте». — «Спасибо. Но вот ещё что: почему город в стороне?». — «Юбилей будет отмечаться на родине, в Пресновке». — «Хорошо, но вот ведь Габит Махмудович родом тоже из аула, а отмечали и в городе». — «Петропавловск, — голос зама чуть посуровел, — тоже будет участвовать: первого августа в университете — намечена научно-теоретическая конференция».

«Область возьмёт на себя». Ну, слава богу! Только пораньше бы. А то звоню на днях Гундареву в «Ниву», спрашиваю: мол, что, скоро увидимся? А он: рад бы очень, да вот с финансами туго. И после звонка зама я тут же сообщил Володе сию обнадеживающую новость.

В последний день июля — звонок референта Союза писателей: «Из Министерства культуры указание дать от СПК литераторов. Но, знаете, невесёлая картина: одни болеют, другие в отъезде и тэ дэ. Попытаюсь ещё поискать». — «А где Оразалин?» — спросил я про союзписательское начальство. — «В командировке». — был лаконичный ответ.

Буквально следом — ещё звонок. Женский голос: «Сейчас соединю вас с Таиром Аймухаметовичем».

Разговор с главой области оказался обстоятельным. О планах проведения, гостей и прочем. В конце аким сказал ободряюще: настраивайтесь, ждём.

Только положил трубку — опять звонок. Заместитель Мансурова — Мурзалин: «У вас состоялся хороший разговор с акимом, я присутствовал. По гостям все вопросы решили. В городской библиотеке проведём просмотр. Так — ждём. Когда прилетаете? Третьего? Хорошо. Вас встретим и устроим».

Давненько, да ровно десять лет назад, с той самой поездки на отцовское девяностолетие, не имел я дела с самолётами. Билеты — до Петропавловска и обратно — даже со скидкой оказались весьма внушительной, несопоставимой с дорыночными временами стоимости. Да и лететь теперь не прямым рейсом, а с двумя посадками — в Астане и Кокчетаве. Хорошо ещё, не с четырьмя, как было когда-то в ушедшие годы. Зато как звучно именуется теперь местные авиакомпании: «Эйр Казахстан», «Эйр Астана»!

Вот на этой «Эйр Астана» и вылетел я душным августовским полднем. В салоне чинно: на креслах — чистые чехлы, стройные стюарды в синей униформе предлагают свежие газеты. Выбор, правда, невелик, и я взял номер «Экспресс-К», бывшей молодёжной «Ленинской смены». С этим немодным нынче названием редакция поначалу в перестроечном пылу опрометчиво распрощалась, да потом, опомнившись, поместила его неброским шрифтом рядышком с новым. На первой полосе бросился в глаза

бодрячески-призывный заголовок: “Никогда не здавайся!”. Именно так — с начальной “з”! Орфография отродясь не была у них в чести. Помню огромную, во всю полосу “шапку”: “Аномастика — не фантастика”. Лишь бы броско, а что эта самая “аномастика” начинается с буквы “о” — не так уж важно. Да и к чему грамотность — были бы “прикольные” заголовки. “Признанные попки нужно знать в лицо!” — такая “забойная” фраза встретила однажды над репортажем “экспрессовских” коллег из газеты “Комсомольская правда — Казахстан”. А репортаж был о конкурсе... “Мисс Попка-2000”, проходившем, кстати, в Петропавловске. Вот это шедевр так шедевр! Молодцы ребята! Академики!

Посмеялся я над этим “не здавайся!” и как-то даже взбодрился. В самом деле, чего сдаваться? Всё хорошо, лечу не куда-нибудь — на отцовский юбилей. И к чёрту всякие неурядицы!

Просмотрел газету, а тут уже стали подлетать к новой столице. Когда же, дай бог памяти, был я здесь в последний раз? Давненько, в советские ещё времена, когда был этот город вполне заурядным Целиноградом. И вот — вхожу в современный — мрамор, никель, стекло — аэровокзал с лифтовыми кабинами, плавно движущимися вверх-вниз внутри прозрачных полукруглых конусов. Что тут скажешь — столица!

Правда, самого города отсюда не увидишь. Послonyaлся в ожидании своего рейса Астана — Кокчетав — Петропавловск.

... Непродолжительная стоянка в Кокчетаве, последний короткий перелёт — и на закате серенького дня выхожу на издавна знакомую тихую площадь. Кажется, здесь за десять лет решительно ничто не изменилось.

Мои немногочисленные спутники как-то быстро растворились, и я остался в одиночестве. Ничего, думаю, пережду. Но — проходит около получаса — никого. Что-то надо делать. Да тут ещё, как назло, замолк мой мобильник. Хотя — не без моей помощи. Как законопослушный пассажир, я отключил его в самолёте, а вот оживить потом, несмотря на все усилия, так и не смог. Оставалось только одно — ждать.

Тут ко мне подошёл от давно стоявшей на отшибе старенькой иномарки дядечка примерно таких же, как мои, пенсионных лет. Вижу, говорит, вам в город? И предложил: пойдёмте, я довезу. Я пребывал в сомнении: а вдруг вот сейчас за мной приедут? Обещали ведь. Подождать, что ли, чуток ещё?

— Ладно, надумаете — подходите. Мне спешить некуда, — сказал дуброхот. И действительно, не порожняком же возвращаться в город.

Прошло ещё с десяток минут, дорога оставалась по-прежнему пуста, и других шансов у меня не было.

Дядечка оказался словоохотливым. Рассказал, на пенсию, мол, шибко не разгонишься, вот и приходится таксовать... “Езжу только в аэропорт, и плату всегда беру одинаковую — тыщу. Маршруток-то сейчас — раз-два и обчёлся. Так что выручаю: и мне хорошо, и людям,” — сделал он ударение на последнем слог.

— А были нынче грибы-ягоды?

— А куда же им деться? Вон у меня в багажнике завсегда наготове плетёные корзинки. Грибной запах вот даже от них чувствуется.

Я кивнул, хотя, по правде, в нос шибало совсем иным — бензиновым дыхом.

— Так... А куда же прикажете вас доставить?

Вопрос застал меня врасплох. Если бы я знал! Такую “нештатную ситуацию” мы ни с кем не обговаривали.

И тут я раскрыл карты: так, мол, и так, должны были встретить, да вот..

— Ничего, — успокоил дядечка, — бывает. Довезу вас в центр до гостиницы. А там, даст бог, всё уладится.

Дежурная администраторша, которой объяснил цель своего приезда, с недоумением взглянула на меня, полистала свои бумаги и отрицательно покачала головой.

— А можно у вас пока устроиться?

— Нет, все номера заняты.

Между тем начало смеркаться.

— А вы зайдите в акимат, это ведь совсем близко, — подсказала администраторша.

Действительно, как я сам-то не додумался!

Поблагодарил даму и, не теряя времени, пошагал к цели. Выглядел я, должно быть, довольно забавно со своей купленной перед отъездом новомодной дорожной сумкой с выдвижной ручкой, которую, как челночник, катил за собою на маленьких колёсиках.

Таким манером быстро добрался до беломраморных ступеней, ведущих к массивным, внушающим почтение дверям. За ними маячил дежурный — чуть было не сказал “милиционер” — полицейский.

“Вот парадный подъезд. По торжественным дням...”.

Моя “челночная” фигура явно не внушала доверия, и страж шагнул мне навстречу. Его круглое добродушное лицо по-служебному насупилось:

— Вам кого?

— Да вот — приехал из Алматы на столетие Шухова.

— Предъявите ваш документ.

Служивый просмотрел “корочку” с обеих сторон, взгляделся в фото и в мой усталый после всех дорожных хлопот лик и приглашающе указал на дверь:

— Проходите сюда.

Рабочий день уже закончился, но в длинном коридоре было не безлюдно. И в комнате с большими канцелярскими столами, заваленными папками, куда провёл меня дежурный, находилось несколько сотрудниц. Посчитав свою миссию выполненной, полисмен оставил меня на их попечение.

— Слушаю вас, — оторвавшись от папок с бумагами, — повернулась ко мне старшая, примерно моих лет, женщина с живыми, задорными глазами.

И — не успел я рта открыть, она вдруг, что-то припоминая, приблизилась ко мне: “Вы случайно не Шухов?”.

Я кивнул.

— С приездом вас! А я ведь помню, как вы были у нас однажды осенью на юбилее Ивана Петровича. Когда прибыли?

— Два часа назад.

Слово за слово, и я поведал о приключившейся в аэропорту неурядице.

— Вот оно как! — всплеснула руками давняя знакомая. — Минуточку, минуточку, сейчас мы всё устроим.

Она прошла в смежную комнату, с кем-то созвонилась и, вернувшись со словами: “Сейчас всё будет в порядке”, — стала расспрашивать про житей-бытьё...

И тут вошёл невысокий, плотный мужчина в чёрном костюме при галстуке. Он улыбался, но улыбка словно не касалась его глаз: они глядели напряжённо и оценивающе. С этой улыбкой он подошёл ко мне, пожал руку и представился:

— Копытин Валерий Николаевич, заместитель начальника областного управления культуры.

— Очень приятно.

— Извините нас, Илья Иванович, что так получилось. — Продолжая улыбаться, он доверительно взял меня под локоть. — Мы всё сейчас исправим. Вам надо с дороги отдохнуть.

В левую руку он взял мою сумку, а правой бережно, будто хрустально-го, поддерживал меня под локоть. Так мы и подошли к ожидавшей нас чёрной “Волге”.

Предупредительность моего опекуна, казалось, не знала границ. Я протянул было руку, чтобы открыть заднюю дверцу, но он опередил: “Пожалуйста, Илья Иванович». Захлопнув её, сел рядом с шофёром и что-то — я не расслышал — сказал ему.

Поездка вышла совсем короткой. Свернули с главной улицы — бывшей Ленинской — направо и через несколько минут подъехали к сравнительно небольшому, трёхэтажному зданию за чёрной решетчатой оградой. Кругом здесь было безлюдно, тихо и зелено. С благостной картиной не гармонировала разве что некстати забредшая в этот уютившийся под боком у центра заповедный уголок опора высоковольтной линии, взметнувшаяся над верхушками клёнов и тополей.

Это элитное место знакомо мне уже с четверть века. Трёхэтажное здание за решетчатым забором в советские времена было обкомовской гостиницей. А позже, говоря фигурально, сменило вывеску, став пристанищем для VIP-персон. Фигурально — потому что вывески, как таковой, никогда на этом заведении не было.

В гостинице этой, вечно пустующей, мне приходилось накоротке останавливаться ещё в бытность “ответработником центрального аппарата республиканской партийной организации”, как принято было именовать мою скромную — по партийной иерархии — должность инструктора отдела культуры...

Последний раз гостевал я тут в августе девяносто шестого: отмечалось отцовское девяностолетие...

А почудилось — словно было вчера. Тот же покой, тишина, так же зеленеют клёны за оградой. Не было тогда, кажется, только вот этого аккуратного домика для охраны у ворот да широченных беломраморных ступеней перед входом.

Валерий Николаевич, так и не позволив мне нести мою поклажу, сопроводил на третий этаж, открыл одну из дверей в середине пустого коридора и почтительно посторонился, пропуская меня вперёд.

Мы сели в огромные мягкие кресла у продолговатого журнального столика. Деликатный мой визави, чтобы не отнимать лишнего времени, выждав минутку, всё с той же улыбкой сказал:

— Ну вот, Илья Иванович, располагайтесь и чувствуйте себя, как дома. А я пока спущусь вниз, и потом мы с вами поужинаем.

Но у порога он, чуть замешкавшись, обернулся и, пригасив улыбку, добавил:

— Завтра, в одиннадцать, вас должен принять аким области.

Подтекст сообщения понять было несложно.

Ужин на двоих в уютной столовой был не по-вечернему кратким. Ради политеса молчаливый гарсон поставил перед нами по хрустальной стопке, но мы “не заметили” их и ограничились минералкой.

Можно здесь пока и распрощаться. Однако Валерий Николаевич, видно, хотел убедиться, что подопечный не свернёт с пути праведного, и снова сопроводил меня в номер. Пожелал спокойной ночи и сказал, что подойдёт в девять.

От нечего делать я стал осматривать свои апартаменты. В таких я тут ещё не живал. Комнаты — одна... вторая... третья. Куда мне столько? Зачем?

Промаялся ночь, как в склепе — в непривычной, абсолютно глухой тишине — мне всю жизнь плохо спится на новом месте, — поднялся, едва рассвело, вышел на балкон. Внизу дворник в пятнистой штормовке длинной метлой сметал начинающие падать листья. Плянул на ту самую, Эйфелевой башней лезущую в глаза высоковольтную опору, на светлеющее небо с лёгкими облаками. Плыли они в ту же сторону, куда послезавтра отправлюсь и я. И опять — всё мимолётом, в спешке, подчиняясь жёсткому распорядку. А что поделаешь: как говаривал отец, обстоятельства часто берут нас в полон. В кармане — обратный билет на седьмое: ни оглянуться, ни оглядеться...

В девять ноль-ноль — стук в дверь: милейший Валерий Николаевич.

— Доброе утро, Илья Иванович! Ну, как вы? — знакомым улыбчивым и цепким взглядом окинул мою персону, одетую пока ещё по-домашнему, и попросил особо не спешить:

— Пойду закажу завтрак. Встретимся на том же месте.

Позавтракав, вышли на крыльцо. Машины перед гостиницей не было.

— Хорошо-то как, правда? Солнышко, свежий ветерок... Как думаете, Илья Иванович, может, пешочком лучше до акимата пройтись, а? Неплохая разминка получится. Прогуляемся не спеша — время позволяет.

Я с готовностью согласился. И мы прогулочным шагом двинулись по свободной от городского транспорта улице. Беседовали о чём придётся. По ходу променада Валерий Николаевич регулярно поглядывал на часы и отвечал на звонки по сотовому телефону — сообщал координаты нашего местонахождения.

Напротив городского парка, посреди улицы валялись осколки разломанного кем-то декоративного цветочного вазона.

— Хулиганит молодёжь, — досадливо поморщился спутник. — Перепьются ночью в ресторане, а силу девать некуда...

Тут опять затренькал мобильник.

— Сейчас, Малик Кенесбаевич, подходим. Будем через пять минут.

На сей раз мы вошли в акимат через парадный вход, поднялись на верхний этаж и вошли в просторную приёмную. Мой опекун подошёл к секретарше. Она тут же — за трубку. Доложила о прибытии и сказала: просят подождать. Валерий Николаевич коснулся ладонью моего плеча, как бы благословляя, и вышел из приёмной.

Наконец секретарша:

— Заходите.

Хозяин длинного, в несколько окон, кабинета вышел навстречу из-за огромного рабочего стола. Был он не один. За приставным столиком я увидел

зама — молодого, черноглазого, безукоризненно одетого человека, по годам примерно ровесника моего старшего сына.

Мансуров — тоже моложавый, стройный, подтянутый, пожал мою руку. Следом это же сделал и зам, назвавшийся Маликом Кенесбаевичем — тем самым, кто звонил мне домой перед выездом.

— Ну как устроились, всё нормально? — поинтересовался аким.

— Да. Спасибо. Всё в порядке.

Зам, сидевший напротив меня, в этот момент как-то напрягся. Но подробностей своего прибытия я, понятно, касаться не стал.

Беседа сразу начала входить в рабочее русло. Основные юбилейные мероприятия, сказал аким, намечены на пятое. Но празднование уже началось: сегодня и завтра в Пресновке пройдут конноспортивные соревнования. Победитель получит в награду автомобиль. Затем — открытие памятника, торжества на площади — большой концерт, приветствия участников и гостей. Завершится день праздничным фейерверком.

— Вам тоже надо будет выступить. Готовы?

Я кивнул.

— Вот и хорошо. Конечно, придётся чётко придерживаться регламента: времени очень мало.

“Действительно, — подумалось, — куда уж меньше?”.

Он тут же протянул мне книгу с тёмной обложкой, на которой едва проступало лицо Ивана Петровича с грустновато-задумчивым взглядом. Слева от снимка на красной вертикальной полосе крупно: “Иван Шухов”, а понизу — длинное название: “Современники и земляки о жизни и творчестве писателя”.

— Вот, только что доставили из Москвы, — пояснил аким. — Книга издана по нашей инициативе специально к столетию.

Он уловил моё удивление странноватым оформлением обложки и сказал, что насчёт дизайна в издательстве заверили: такое решение — тёмный, едва угадываемый, словно проступающий из глубины времени портрет — соответствует современным канонам полиграфического исполнения. Похоже, это объяснение удовлетворило Таира Аймухаметовича. “Мы, — сказал он, — представим книгу на международной ярмарке во Франкфурте”.

— По нашей инициативе, — добавил аким, — наша областная телерадиокомпания создала фильм о вашем отце, вы его увидите. Да, вот ещё что. Важно, чтобы шуховские произведения знали казахские читатели на родном языке.

Я сказал, что романы “Ненависть” и “Горькая линия” давно переведены на казахский.

— А “Пресновские страницы”?

Узнав, что нет, сказал: “Их надо обязательно скорее перевести”.

— А сегодня у Ильи Ивановича?.. — аким вопросительно взглянул на зама.

— Посещение музея. Потом встреча в библиотеке.

— Кстати, давно у нас не были? — спросил Мансуров.

— Ровно десять лет.

— Ну вот — встретитесь, посмотрите, вспомните город.

И, поднявшись, поручил заму:

— Надо закрепить за Ильёй Ивановичем машину. Распорядитесь насчёт тринадцатой.

На этом аудиенция закончилась.

Когда я в сопровождении неотлучного спутника сошёл вниз, у подъезда стояла акиматовская иномарка с названным примечательным номером.

Не успел я ещё осмыслить разговор в высоком кабинете, как подъехали к музею — красноатокирпичному зданию древней постройки. Со специально нештукатуренными стенами эффектно контрастировали новомодная входная дверь и пластиковые окна.

— В прошлом году провели капитальный ремонт и полную реконструкцию, — сразу взяла быка за рога директриса Ирина Михайловна, в строгом костюме с поблескивающей визиткой на лацкане. — В пресновском музее тоже сделан ремонт, завтра увидите, — сообщила она. — Трудновато там приходится Нине Васильевне: всё самой, без подручных — и деревья старые в саду пилить, и чуть ли не в одиночку из усадьбы выволакивать. Но она — молодец, справляется...

И тут я не очень дипломатично спросил:

— Ирина Михайловна, а если бы не столетие, музей случайно бы не закрыли?

— Ну что вы! — она, как говорит один знакомый шофёр, не поняла юмора. — Юбилей ведь в этом году, а деньги на ремонт выделили в прошлом».

Слева от входа — товар лицом! — над стеллажами и витринами надпись: «К столетию И. П. Шухова». Книги, фотографии, номера «Простора» шуховской поры. Здесь же увидел и свои скромные книжки. Устроители решили, видно, выставить их потому, что в каждой есть немало строк об Иване Петровиче. Но я оставался по этому поводу в некотором сомнении. Ведь был бы повод, а «толкователи» всегда найдутся: примазывается, дескать, к отцовской славе... Я рад, что сына Шолохова — Михаила Михайловича наградили юбилейной шолоховской медалью. Сам же я писал и пишу об отце с неотступающей и — вопреки сентенции, что время лечит, — неослабевающей болью. И всё чаще ловлю себя на мысли, что мне уже рукой подать до возраста, который был отпущен отцу Всевышним...

— Илья Иванович, ну наконец-то я вас поймала! — обняв меня, будто родного, воскликнула невесть откуда вдруг взявшаяся дама в синем брючном костюме. Это была Любовь Степановна. Они с оператором Юрой снимали что-то для Дома-музея Павла Васильева, и наши маршруты счастливым образом пересеклись. Впрочем, нам и так предстояло сегодня сойтись позже — в библиотеке.

А пока Ирина Михайловна — с нею Кашина встретилась радостно, как с давней подругой — предложила осмотреть музей.

В просторном зале первого этажа — древнейшая история. Тут в искусно подсвеченных нишах взору нашему предстали рога реликтового оленя, бивни мамонта, кости бизона, скелет одомашненной лошади и прочие раритеты. Директриса рассказывала о них с нотками гордости: всё подлинное, а не муляжи. Были здесь и древнейшие орудия труда, предметы быта, всякого рода черепки и прочие редкости.

Помню, правда, практически тот же набор видели мы когда-то, путешествуя по Болгарии. На то и доисторические времена — все мы ведь, в конце концов, из Ноева ковчега. Честно говоря, больше хотелось посмотреть что-нибудь не столь отдалённое, но Ирина Михайловна, согласно экскурсионному плану, продолжала подробно рассказывать об экспонатах чуть ли не миллионлетней давности. А время шло, и мы с Кашиной, не сговариваясь, взглянули на часы.

Наконец поднялись на второй этаж. Но осмотреть ничего не успели: у директрисы зазвонил мобильный, и она молвила всего два слова — хорошо, поняла.

— Звонил Копытин, — сказала она. — Торопит, ждёт нас внизу.

— Ну что, товарищи, поехали — библиотека ждёт.

Валерий Николаевич снова успел открыть мне дверцу, тем самым лишив возможности проявить галантность по отношению к дамам.

По тому, как шофёр время от времени справлялся, по какой улице ехать и куда поворачивать, было видно, что место, куда мы направлялись, не относилось к числу хорошо известных ему адресов.

Порог этого невеликого здания, скромно притулившегося к торцу пятиэтажного дома на тупиковой улочке, я переступал тоже ровно десять лет назад.

На стенах приметны следы поспешного косметического ремонта. Вот синяя табличка с надписью на двух языках: “Центральная городская библиотека имени И. П. Шухова”. Детально разглядеть фасад не удалось: у дверей нас ждала группа сотрудниц. По их улыбкам, звонким приветственным возгласам могло показаться, что они давно не встречали таких дорогих и желанных гостей.

В конференц-зале за длинным — составленным из нескольких — столом сидели одни только женщины. Здесь нас так же любезно встретила директриса библиотеки Наталья Прокофьевна и пригласила пройти к торцу, выполнявшему роль президиума. Мне предложили место посередине. По обе стороны устроились верный мой спутник и несколько литераторов. Среди них были два моих старых знакомца — Владимир Щукин и Василий Манзя, других я увидел впервые.

Любовь Степановна — главная виновница (едва ли не в прямом смысле) незапланированного мероприятия расположилась рядом с директрисой и своей музейной подругой.

Встречу открыла Наталья Прокофьевна. Представила “дорогих гостей”; при этом мы с Кашиной встали и поклонились. Почтила вниманием и замначальника облуправления культуры. Затем слово предоставили руководителю литобъединения Владимиру Даниловичу Щукину — для меня — Володе: знаю его уже не первый десяток лет. Правда, не виделся с девяносто шестого. В прошлом он долго жил в Пресновке, редактировал районную газету, затем переехал в Петропавловск. Когда-то, по его просьбе, мне довелось написать предисловие к его книжке стихов, которую отпечатали в местной типографии.

После небольшого прозаического вступления Володя прочёл своё подходящее к случаю стихотворение о пресновском Доме-музее:

*Пресновка,
солнце зачергни
шуховскими тополями.
Мои ошибки зачеркни,
уважь друзьями!..*

Мне строки про шуховские тополя известны давно — слышал их тоже в авторском исполнении в предыдущий приезд.

Щукина сменил художник и эссеист Василий Манзя. Напомнил, что печатал свои линогравюры в шуховском “Просторе”. Его пейзажи — берёзовые

колки, озёра, облака, сжатые нивы со стогами — всё это действительно было близко Ивану Петровичу. В искусстве Манзя более искусен, чем в ораторстве. Сказать ему хотелось о многом, но фразы шли как-то вразброс. Удивило утверждение, что, если долго смотреть на чёрно-белую гравюру, то она покажется цветной. В этом месте пооплодировали.

Потом выступили ещё двое “президиумщиков” (фамилии, прошу прощения, не запомнил): беллетрист-историк, которого, по его словам, побудили к созданию эпических полотен шуховские романы, и поэт, прочитавший своё гармонично звучащее лирическое стихотворение.

После каждого выступления Наталья Прокофьевна озабоченно смотрела на часы. Подумалось: дадут слово — надо покороче. И тут слышу: слово предоставляется...

Оратор из меня неважный. Хотелось сказать что-то нетрафаретное, может, от этого и вышло наоборот. Сказал о благородной миссии библиотекаршей, пожелал, чтобы было побольше читателей, о книге, которую не должен заменить компьютер. Потом, наконец, перевёл стрелку на главное, ради чего собрались — фильм “Сын степного простора”. Мне тоже предстояло увидеть его окончательный вариант впервые. Сказал об энтузиазме создателей, сделал акцент на упорстве и настойчивости Любви Степановны в достижении цели.

“Да уж чего-чего, а настойчивости ей не занимать”, — должно быть, подумалось при этих словах директрисе, да и не только ей одной.

— А сейчас слово — нашей гостье из Павлодара Любви Степановне Кашиной.

Гостья рассказала, как три года назад, работая над фильмом о Павле Васильеве, она задумала и ленту о его друге. Тогда же начали готовить видеоматериал. Смонтировали буквально на днях. “Что из этого получится, вы сегодня увидите и станете первыми зрителями». Раздались недружные аплодисменты.

— Должна сказать, что большую помощь в работе на всём протяжении оказывал нам Илья Иванович. И я с большим удовольствием вручаю ему видеокассету с записью фильма! А вторую кассету передаю в дар вашей библиотеке!

В этот кульминационный момент директриса, принимая коробочку с кассетой, высоко подняла её с таким ликующим видом, словно ей выпал самый крупный выигрыш в лотерее. Она громко благодарила Кашину, жала ей руку и в порыве чувств даже заключила в объятия.

Погасили свет, и на экране вспыхнули титры: “Сын степного простора”.

Фильм смотрели ровно сорок минут, и программа встречи была на этом исчерпана. На память мне вручили юбилейный буклет и брошюру.

Наталью Прокофьевну ждали какие-то неотложные дела, и мы — долгие проводы — лишние слёзы — по-деловому, без особых сантиментов распрощались.

Я поздравил радостно возбуждённую Любовь Степановну с дебютом. Завтра ей предстояло показывать своё детище в Пресновке.

Пока наши пути разошлись: были у неё с оператором ещё какие-то хлопоты. А Валерий Николаевич — опять к моему смущению, успевший на виду у всех открыться передо мной дверцу, — спросил, не буду ли я возражать, если ненадолго заедем к нему на работу: нужно подписать кое-какие бумаги.

— А после проедемся по городу, посмотрите наши достопримечательности.

— Наш гость Илья Иванович, — сказал он в приёмной секретарше, и мы обменялись с ней улыбками.

Просторный стол в замовском кабинете казался тесноватым из-за разложенных по его поверхности папок, книг, газет... С краю возвышалась стопка свежетиснутых, пахнущих типографской краской буклетов. Хозяин кабинета взял верхний и не без торжественности протянул мне: «Буклет Дома-музея. Только что отпечатали — гостям будет что увезти на память».

На глянцевой обложке я узнал фасад отцовского дома в Пресновке с маленьким мезонином, над которым склонялись ветви старых клёнов.

Вошла сотрудница и положила перед замом раскрытую папку:

— Готово, Валерий Николаевич.

Он бегло просмотрел и, чем-то недовольный, буркнул:

— Где готово? Переделать!

Сотрудница тут же молча ретировалась.

А Валерий Николаевич, словно спохватившись, сделал приветливое лицо. Здесь, в естественной среде обитания, ему, видно, было привычнее обходиться без улыбки. Да и то сказать — сколько забот! На то ведь он и заместитель...

— Вы, Илья Иванович, пока ознакомьтесь с буклетом, а я сейчас тоже гляну кое-что.

Он поворошил на столе бумаги, взял какую-то депешу, прочёл и, сокрушённо покачав головой, поделился текущей служебной информацией.

— Хотим вот пригласить на юбилей области Олега Газманова. Так он, знаете, сколько требует? Сорок пять тысяч долларов! За один концерт!

Он ещё что-то полистал, сделал какие-то пометки, что-то подписал и, сказав секретарше: «Мы с Ильёй Ивановичем — по городу», — запер кабинет.

Что обычно демонстрируют приезжим? Да если ещё они имеют отношение к так называемой духовной сфере? Теперь стало модным показывать культовые здания — церкви, мечети... Вот с них и начался наш экскурсионный маршрут. Новопостроенные мечеть и православный храм, которые мы осмотрели снаружи, как пишут в таких случаях репортёры, поражают воображение великолепием, красотой и богатством отделки. И в самом деле, какие ещё найти слова для этих грандиозных, блестящих золотом и голубизной куполов, беломраморных сооружений! Деньги на мечеть, говорят, пожертвовал один арабский не то шейх, не то эмир.

А что до памятников... Ставить их есть кому: вон каких людей дала эта земля!

После мечети поехали в центр. Ещё издали увидел я весьма внушительную, если не сказать грандиозную, скульптуру из светло-коричневого гранита, возвышающуюся на двухъярусном, тоже коричневого, но контрастного колера, мраморном пьедестале. Это памятник Магжану Жумабаеву. Он хорошо открыт для обзора — установлен посреди площади, которая носит его имя.

Да, теперь поэту воздано сторицей. Есть его улица в Петропавловске. Бывший Булаевский район — теперь район Магжана Жумабаева. В селе Сарытомар — на его родине — открыт мемориальный музей, здесь и в городе Булаево стоят бронзовые бюсты. Именем поэта названа площадь в райцентре. Ежегодно проходят Жумабаевские литературные чтения...

А ведь раньше имя Магжана было под строжайшим запретом. И тогда, в шестидесятых годах прошлого века, мой отец пытался в “Просторе”, который он редактировал, опубликовать стихи опального поэта. И за это навлёк на себя гнев высшего партийного начальства. А вдова Магжана Зулейха, узнав о стремлении Ивана Петровича вернуть людям поэтическое наследие мужа, написала ему трогательное благодарственное письмо.

Габита Мусрепова тоже чтут как надо. Столетие в 2002-м отмечалось с размахом. ЮНЕСКО объявило тот год Годом Мусрепова. В его честь также переименовали район, который раньше назывался Целинным. Открыли памятник в Петропавловске.

Вековой юбилей Сабита Муканова отмечали в двухтысячном году. Тот же антураж: памятники, переименования: аул, где родился Муканов, теперь называется — Сабит. Почётным гостем праздника был Президент Н. А. Назарбаев...

И вот теперь — столетие отца.

Раньше уже упомянуто, что все они — Муканов, Мусрепов, Шухов — земляки, родом из одного — Пресновского района. Помню, в начале пятидесятых годов, когда я на летних каникулах гостил у отца в Пресновке, сюда из Алма-Аты на своей “Победе” приезжал Сабит Муканов со своими сыновьями Маратом и Ботажаном. Была своя “Победа” и у Ивана Петровича. Не задерживаясь в Пресновке, Муканов с отцом кортежем из двух машин поехали в родной аул Сабита. Взяли с собой и меня. Невелик был я тогда, а подробности помнятся до сих пор.

Многое связывало земляков. Вместе с Габитом Мусреповым отец писал сценарии двух полнометражных документальных фильмов “Советский Казахстан”. В пятидесятых годах их снимали известные московские кинорежиссёры Роман Кармен и Лидия Степанова. Отец перевёл на русский язык романы Сабита Муканова “Ботагоз” и “Школа жизни”. Муканов был автором предисловия “Иван Шухов и его первые романы” к книге “Избранное”...

Все “три богатыря североказахстанской земли”, как нередко называют их в прессе, были удостоены звания “Почётный гражданин Петропавловска”.

Конечно, проехали и по улице, что сразу после кончины отца была названа в его честь. Постояли возле памятной арки, открытой в девяносто шестом. И я, как в тот приезд, подивился несоответствию громоздкого сооружения и малозаметного изображения отца.

Поколесили мы по городу до поздних в этих краях сумерек, объехали и центр, и окраины. Я вглядывался в рекламные щиты, растяжки и прочую уличную “агитацию”, но не увидел ничего, что уведомляло бы горожан о вековом юбилее земляка — почётного гражданина Петропавловска...

Делиться своими наблюдениями я не стал: зачем “грузить” милейшего Валерия Николаевича — у него и без того забот невпроворот.

Расстались опять у дверей гостиничного номера.

— Отдыхайте, Илья Иванович, — завтра у нас напряжённый день. Утречком подойду.

Я повернул ключ, и, только услышав щелчок, Копытин позволил себе удалиться.

Окончание в следующем номере.

Любовь ШАШКОВА

ЕДИНСТВО СОЗНАНИЯ И ДУХОВНОСТИ

С академиком Международной академии информатизации, доктором филологических наук, профессором КазНУ им. Аль-Фараби Асланом ЖАКСЫЛЫКОВЫМ мы встретились в Национальной библиотеке РК в Алматы, которая всё очевиднее становится средоточием гуманитарной мысли, местом интересных встреч, дискуссий, презентаций книжных новинок. Порой только здесь книги казахстанских авторов и можно увидеть — до магазинов со своими скудными тиражами они редко доходят.

Вот и наша беседа началась с акта дарения — у Аслана Жаксылыкова вышел роман-трилогия “Сны окаянных”. Это интеллектуальная, философская проза, в которой в мифологической, гротескной форме на, казалось бы, знакомой теме атомных полигонов совсем в иной степени постижения и претворения поднимаются проблемы войны и оружия в истории человечества. Немногими словами трудно передать ту меру боли, тревоги, любви, ответственности, долга в отношении родной земли и её людей, наполняющих страницы книги, которую в своём предисловии Бахытжан Момыш-улы назвал “магическим полотном”, “высоким творением”, “космогоническим трудом”, “романом-арманом, то есть романом-мечтой, словом предостережения...”. И в этих характеристиках нет преувеличения.

Однако не о своём романе начал разговор Аслан Жамелевич.

Романы заказал “Самсунг”

— Возникла хорошая традиция проведения литературных конкурсов Национальной библиотекой, общественным фондом “Рух-Мирас” и южнокорейской компанией “Самсунг-электроник”. Сначала это был малый жанр — рассказ, новелла, потом конкурс драматургии, а теперь объявлен конкурс романа, к которому принимаются произведения, написанные в 2005-2006 году. Создано авторитетное жюри из известных писателей, литературоведов.

— Может быть, назовёте их?

— Организаторами предложено не разглашать состав жюри.

— Понятно. Иначе вашему жюри, как членам комиссии по Государственным премиям РК, спокойной жизни не будет.

— Эта экспертиза добросовестная и принципиальная. Есть солидные денежные премии: за первое место — 3 тысячи долларов и соответственно 2 тысячи и тысяча за последующие места. Кроме того, работа

будет опубликована, даже если поступила в книжном варианте. С моей точки зрения, это хороший стимул, хорошая поддержка писателям.

— Это, конечно, замечательная инициатива “Самсунга”, хотя литературные премии в России, например, на порядок выше. Правда, они утверждены национальными компаниями — РАО ЕЭС, “Алроса”... А вам не хотелось бы со своим романом участвовать в конкурсе? Или вы, возглавляя жюри, не имеете такого права?

— Я пишу на русском, а одна из главных идей конкурса — поддержка казахского языка, и это принципиальный момент для спонсора. Второе условие — роман должен быть написан на современную тему, посвящён социально-гражданственной проблематике, сложным процессам перестройки общественного уклада и сознания. Ведь не секрет, что у нас стало много исторических романов.

— Наверное, это результат исторического осмысления государственной независимости. И как вы, Аслан Жамелевич, себя чувствуете в своём двуязычии? Насколько я знаю, в университете вы работаете на кафедре казахской филологии?

— Фактически я билингвист, на казахском пишу научные статьи, последние два года читаю лекции, поскольку казахское отделение значительно расширилось, а русское сузилось, но моё художественное творчество осуществляется на русском языке.

— Потому что так привыкли или некая ограниченность словаря?

— Дело не в этом. В русском литературном языке существует стилистика сложных литературных форм, наработанная в течение столетий, и эта база позволяет мне как филологу создавать особые тексты.

— То есть вам нужен особый инструментарий?

— Да, это для меня своеобразный инструментарий. Хотя в казахской литературе писатели-модернисты уже тоже появились, и сейчас идёт активная полемика, которая порой переходит в плоскость идеологического и политического звучания. Но Запад давно благополучно пережил этот кризис в культуре, и мы тоже переживём. Потому что язык — это космос, это сознание, это мышление, это культура, язык — это возможность следовать в одном ряду с развитыми странами мира. Потому я думаю, в нашем языке должны тоже появиться новые стили, новая вербальность. Всё это должно возникать органично.

— Видимо, этому процессу может способствовать перевод?

— Конечно, нужно переводить на казахский язык, например, произведения Мисимо, Кабо Або, Маркеса, Марселя Пруста. Мы не должны отгораживаться от модернизма или постмодернизма. Иначе десятки тысяч произведений не войдут в нашу культуру только по причине вербального снобизма или вербальной нетерпимости. Та культура, которая изолируется, терпит поражение и отодвигается на задворки мировой культуры.

— А программа “Культурное наследие” разве не включает перевод на казахский язык современных западных авторов?

— Включает, конечно, но представьте себе тысячи томов. Тут же и философия, антропология, эстетика, культурология, филология, фольклористика. Это процесс, который не должен быть одновременной акцией.

надо планомерно из года в год расширять программу культурного наследия. Особенно в переводческом плане.

— Я знаю, что в Астане открыто издательство “Аударма”, занимающееся переводной литературой. А в каком состоянии наша переводческая школа?

— Я второй год возглавляю кафедру перевода в национальном университете. Количество переводов растёт — научных, художественных, информационно-технических. Растёт количество вузов, обучающихся переводу. Но нужно поднимать их на более высокий уровень качества, может быть, создавая централизованный факультет или институт. Это социально-важная проблема, требующая государственной поддержки и в подготовке преподавательских кадров, и в выделении грантов, госзаказа писателям для переводческой работы — на казахский, английский, русский языки. У нас совсем не освоен перевод с древних языков — древнетюркского, древнеперсидского.

— Но уже появились переводы Кашгари на русский и казахский, Баласагуни на казахский...

— Аскар Егеубаев и Зифа-Алуа Ауэзова сделали огромный труд, прекрасный перевод, этот опыт и может стать примером для дальнейшей работы. Ведь существует целый клад — 15 тысяч рукописей, найденных в пятидесятые годы в Синьцзянь-Уйгурском районе Китая. Наше участие в этой работе сразу бы ввело нас в число стран с высококоразвитой культурой.

— У нас в университете была развитая кафедра русистики, становлению которой много способствовала Майя Михайловна Багизбаева и другие видные филологи. Высокому уровню этой кафедры удивлялись приезжающие из российских университетов учёные. Как сейчас обстоят дела?

— Кафедра эта если и не развивается, то находится в состоянии статичности, что полностью связано с сокращающимся набором, причём не по вине университета, который проводит активную рекламную кампанию во всех областях, а по причине уменьшения самого контингента, мне кажется. Такая же ситуация практически во всех университетах нашей республики.

— Может быть, это результат падения престижа профессии филолога вообще?

— Возможно. Но вот будет дополнительный набор на специальности, которые раньше были — русский язык и литература в казахской школе. Соответственно будет расширение штатов на кафедрах. А связи с российскими университетами сохраняются. Вот сейчас у нас прошла большая языковедческая конференция, где были представлены профессора из разных университетов России, прошла Пушкинина. Тоже было большое количество профессоров из Москвы, Донецка, Новосибирска, других городов. Вводится докторантура с двумя руководителями, нашим и зарубежным. Для нас естественно, что это будут российские учёные, потому что наши научные школы связаны. Это сотрудничество будет взаимовыгодным, мы практически нацелены на сотрудничество, на обмен специалистами.

— А как вы относитесь к тому, что всё больше появляется докторов наук среди наших чиновников высшего звена, и даже акимов?

— Думаю, этим увлекаться не стоит, чтобы не дискредитировать науку и избежать в ней коррумпированности. Каждый должен заниматься своим делом. Но в основном это касается общественных наук, например, политологии, я 10 лет член научного совета, в филологии такого крена нет.

Не “свои” и “чужие” — единые

— Аслан Жамелевич, тема вашей докторской диссертации напрямую связана с темой религии в казахской литературе — от древности до наших дней. По инициативе главы государства в Астане проводятся съезды лидеров мировых религий, инициированы международные конференции мира и духовного согласия. Партия “Отан” провела совместно с Союзом писателей конференцию по проблемам духовности в обществе и литературе. А как на ваш взгляд учёного должно идти духовное, религиозное воспитание в обществе?

— Моя докторская диссертация была посвящена такому узкому аспекту, как взаимодействие религии и литературы, но в процессе этого исследования я заинтересовался религией в широком смысле слова. Изучал насколько возможно, практически все религии, которые представлены в нашем регионе. Моё духовное сознание сложилось на базе этого сопоставительного религиоведения. С моей точки зрения, каждая крупная мировая религия возникла как синтез предыдущих религий и на базе предыдущих религий. Я констатирую непрерывное развитие, усложнение мировой религии в течение последних тысяч лет. Идёт развитие типологического духовного сознания человечества, направленное в будущее через неизбежные дифференциацию и разделение.

— Хотелось бы, Аслан Жамелевич, говорить не о теории религии, а для широкого круга читателей. О том, может ли разобщённое общество, где утрачены многие нравственные ценности, с помощью религии обрести ориентиры? Много лет зная вас, я замечаю в вас некоторый аскетизм, к которому вы пришли, вероятно, в результате своих духовных исканий. А с экранов телевизоров, со страниц глянцевого журнала молодёжи внушается идея роскоши, общества потребления. Можно ли этому противостоять, не только проводя конференции для своего круга, но вырабатывая общие поведенческие модули? Мы видим, что в последние годы люди потянулись в храмы...

— С моей точки зрения, религия должна быть в своей нише, она не должна распространяться на все сферы общественного сознания, не должна занимать место науки. Это достаточно опасно и может привести к научно-технологическому отставанию общества. Потому что когда народ в целом впадает в один вид религии, когда муллы, священнослужители занимают место учёных, тогда возникает особая стадия развития общества, когда оно должно переболеть религией. Мне кажется, арабские народы последние пять веков прошли через эту стадию. И это отставание в технологиях — следствие того, что священники заняли место учёных.

— У нас такой опасности нет?

— К счастью, у нас менталитет другой — более широкий, более универсальный, органично-терпимый. Думаю, мы всё-таки избежим этой опасности. Необходимо это сделать, потому что некоторые люди начали размахивать флагами экстремизма. Это опасно и нежелательно. Но без религии общество существовать не может, религия должна быть в сфере нравственного воспитания, регламентирования и сдерживания. В условиях всевозможных разрушительных факторов мы должны воспитывать научный подход к религии, не теистический, не вульгарный, а толерантный. И этот толерантный подход должен воспитываться через школы, колледжи, вузы, тогда естественно будет развиваться сознание молодого поколения на базе синтетического духовного сознания. Тогда мы сможем избежать того, что называется фундаментализм, фанатизм, экстремизм.

— А в школе у нас сейчас изучается история религии, Библия, Коран? А в университетах?

— Пока в школах присутствует в виде эксперимента Курс самопознания, в разработке которого мы принимали участие, на мой взгляд, он составлен с учётом восприятия нашего нового молодого поколения, национальных и исторических особенностей нашего общества.

— Который иницицировала Сара Алпысовна Назарбаева?

— Да, но широко в виде программ Министерством образования и науки он ещё не спущен, хотя прошёл жёсткую экспертизу. В будущем, возможно, это будет курс религиоведения, он должен занять место дисциплины, которая у нас называлась "атеизм". Если он будет проводиться правильно, подготовленными учителями, подготовленными методистами, толк будет. А пока это факультатив.

— Но учителей-то надо сейчас готовить?

— Я знаю, что в Центральном институте усовершенствования учителей, в городском институте усовершенствования учителей подготовительная работа ведётся. Существуют уже программы, методички, учебные пособия, ведётся специальный курс. Ведь мы неизбежно придём к необходимости религиоведения, иначе миссионеры займут места учителей. Понимаете? Неизбежно.

— Потому что молодёжь осознанно или неосознанно ищет, к чему примкнуть, ей нужен пастырь.

— Вообще в религиозном развитии не следует спешить и мчаться куда-то сломя голову, потому что религиозное познание требует медленного, долгого роста, универсализма, гуманизма, добролюбия, широты. Требует понимания специфичности и необходимости религии именно на её историческом месте. Такое сознание долго развивается, долго растёт в душе человека. Вот почему нельзя спешить. Я своим студентам всегда говорю: не спешите в религиозном развитии.

— Пока мы, Аслан Жамелевич, будем не спешить, место мессии займёт шарлатан?

— Именно: не спешите за разными учителями, за разными миссионерами, читайте, думайте, разбирайтесь, что к чему, развивайтесь по пути синтеза.

— Время разбрасывать камни и время собирать их?

— И тогда всё встанет на свои места. И молодым людям, и старшим поколениям, и даже духовенству, с моей точки зрения, полезно наблюдать за собой, следить за своим мышлением. И успешно преодолеть начальный тип мышления, когда в сознании человека превалирует элементарный дискурс, доминируют дуализмы: свой — чужой. В каком бы возрасте человек не был, он вынужден следовать этому импульсу и всюду и везде искать своего и чужого. Абстрагироваться от чужих и искать своих. Так возникают секты, конфессии, разделение религий. Если в дело вмешивается политика, если вмешиваются идеологи жёсткого типа, тогда возникает ситуация религиозной войны. Вот поэтому очень важно преодолеть дуализм на пути религиозного развития, духовного сознания.

— *По-моему, это очень трудно, мы же всё время идентифицируем себя с какой-либо группой людей, а другие, естественно, чужие. Так и в политике, так и в жизни.*

— Мне повезло, что лет 20-25 назад я начал искать теорию единого сознания. Или философию единства — монизм. В философии есть такие направления. Также и в духовности есть такие направления. Также и в физике есть теория единого поля, разработанная трудами Эйнштейна, Макса Планка, Оппенгеймера и других крупных физиков.

— *Но разве мир изначально не двуедин? Мы постоянно говорим о его дуализме — добро-зло, чёрное-белое, богатые-бедные...*

— Он внешне, на уровне внешнего поля, двуедин, но поле-то многослойное, многомерное, парадоксальное, сложное, и вот на глубоких уровнях возникает единство. На самом глубоком уровне единство тотально, абсолютно. Простые люди, мирские люди это называют Богом, физики называют это — единое поле, информационное поле вселенной. Но это только слова, разные слова, которые обозначают нечто единое. Поэтому, видите ли, мы должны понять, что единство вселенной, которое реально существует, требует от нас единства сознания и духовности. Вот, например, у Достоевского, посмотрите, каждый роман о чём? О пути к единству. Но как? Через расщепление и двойничество. Все герои Достоевского переживают стадию распада через двойничество, через преступление, а потом — собиравание своего внутреннего мира через покаяние. Вот так писатель-мистик христианского толка понял эту парадигму, но она существует всюду и везде.

— *Но путь к внутреннему единству всё же естественнее, чем к внешнему?*

— Мы должны собрать своё внутреннее единство через нравственность, через целостность внутреннего мира, а это очень трудно — трудно не раздваиваться в своём внутреннем мире, не совершать преступлений против самого себя. Против своей совести — это очень трудно. Если вы эту стадию прошли, тогда уже удаётся осуществить то, что формулируется так: возлюби ближнего своего, как себя самого, это уже становится естественным и необходимым.

Преодолевая “окаянство”

— *То есть вы считаете, что совершенство общества происходит из совершенства каждого человека?*

— А как же, безусловно! Через совершенствование каждого человека происходит усложнение и совершенствование всего общества в целом.

Общество медленно развивается, всё человечество вообще медленно развивается в течение многих тысяч лет. Но развитие всё-таки есть.

— Я вас правильно поняла: вы считаете, что человечество не стало хуже, а совершенствуется? И в этом веке человечество не деградировало по сравнению с двадцатым, девятнадцатым? Ведь каждое новое поколение открывает неизбежно для себя: Как мы низко пали! Это всё время как бы носится в общественном сознании.

— Это тема четвёртой книги моей тетралогии “Сны окаянных”. Вы буквально в точку попали. Я в течение последнего года написал ещё один роман в продолжение трилогии, он футуристический, написан с мыслями о путях развития человечества, на данной стадии и в будущем. Ведь мы находимся, с моей точки зрения, и об этом говорят другие философы, на стадии формирования нового вида человека. Понимаете, если до сих пор развивался гомо сапиенс или гомо эрэктис — человек прямоходящий и разумный, то сейчас формируется человек кибернетический. Он и мышлением становится кибернетический, и морфологически кибернетический, то есть его органы могут быть на основе каких-то процессоров. Далее процессоры могут быть внедрены в сознание человека, в мозг. Уже первые люди такие появились.

— Ужас какой!

— Ужас — это первая ваша эмоциональная реакция. Но процесс-то начался, и он идёт по законам неизбежности.

— И сопротивляться ему невозможно?

— Невозможно, потому что это исходит из области технологий вооружения. Всё, что изобретает человечество, сначала апробируется на конвейерах оборонных технологий. И то, о чём мы говорим, сначала проходит через военные технологии. Лётчик, который сидит за пультом современного самолёта — это кибер.

— Ну да, он уже часть этой машины.

— Потом суперкомпьютеры, которые управляют обороной всей страны. Это уже в более глобальных масштабах. Сегодня появляется техника — роботы-танки, роботы-самолёты, и другая, где управляет робот. В последние несколько тысяч лет военная техника задавала импульсы развитию темпов цивилизации, и она привела нас к сегодняшней ситуации. И далее этот процесс ускоряется, вот в чём дело, он получает характер необратимости.

— А вы свои последние книги на компьютере писали?

— Первый роман “Поющие камни” написан от руки, второй уже наполовину с помощью компьютера, третий полностью на компьютере. А вот четвёртый, не вошедший в изданную книгу, я написал от руки — специально для музея. Ведь в XXI веке уже не найдёшь роман, написанный от руки.

— А насколько ваш роман автобиографичен? Вы сами испытали действие Семипалатинского полигона?

— Я родился в Восточно-Казахстанской области в Самарском районе — в 350 километрах от границы полигона, но господствующие ветра проходили над нами и мы видели эти подсвеченные проплывающие облака, мы любовались ими. В 1973 году я служил в армии, и так случилось — попал в госпиталь, находившийся в зоне полигона. Многие мои родственники жили в зоне. Так что я навиделся всякого.

— Книга называется “Сны окаянных”? В чём это окаянство ваших героев?

— Дети-инвалиды полигона. Знаете ли вы, как в реальной жизни складываются их судьбы? Получают ли они помощь государства? Я знаю, что у инвалидов по рождению пенсия всего 6 тысяч тенге. Получают ли надбавку, выплаты?

За читающий Казахстан

— Аслан Жамелевич, вот сейчас мы сидим в стенах Национальной библиотеки, где проходит международная конференция о роли книги в истории культуры народов Ирана и Центральной Азии. Мы знаем, как варварски уничтожены древние письменные источники в результате бомбардировок Ирака. Но подобные конференции — разве не попытка противостоять и войне, и кибернетизации нашего сознания посредством слова, книги?

— Мы с удивлением обнаруживаем, что памятники древности, книги и рукописи, в Иране, например, сохранились лучше, чем у нас. В библиотеках Ирана хранится не менее 200 тысяч рукописей — от полуторатысячной древности до последних веков. У нас же в библиотеке их около трёх тысяч. Сравните, да? Книги уничтожаются, к сожалению, и в Ираке, и в Афганистане, об этом говорили выступавшие на конференции учёные. В Афганистане редкие памятники рукописной культуры уничтожаются по причине низкого сознания как населения, так и самого духовенства. Были приведены примеры, когда камни с надписями, найденные на полях, уничтожались крестьянами, которые боялись, что это некий геодезический знак о природном месторождении нефти, что у них отнимут поля. Специалисты говорили, что так утеряны редчайшие памятники. А вспомним уничтожение талибами статуи Будды в Афганистане! Это то, о чём я говорил: религиозное сознание на уровне дуалистического жёсткого мышления всегда разрушительно. А ведь это их собственное достояние, о котором ещё спросят будущие поколения.

— Если человечеству грозит кибернетизация сознания, кто ж спросит?

— Кибернетизация грозит странам, освоившим высокие технологии.

— А вы разделяете понятия цивилизации и культуры?

— Знаете, это сложный вопрос, настолько сложный, что мы можем уйти в культурологические анализы очень далеко.

— Тогда не будем.

— Просто мы должны философски подчеркнуть, что каждое технологическое завоевание несёт в себе и опасности. Это называется меч Оккамы, или лезвие Оккамы. Каждое технологическое завоевание как бы лезвие бритвы, которое обоюдоостро: оно несёт в себе и добро, и зло. И только культура переводит эти достижения в плоскость добра. Если культура человечества или народа, его гуманизм находится на низкой стадии недостаточности, тогда это изобретение опасно, может уничтожить этот народ.

И в свою очередь, если культура достаточно глубока, высока, имеет глубокий гумусный слой, тогда это изобретение будет освоено, адаптировано и принесёт большую пользу. И всё равно на стадии новейших

вооружений, я считаю, мы находимся в такой ситуации, когда лучше не вторгаться в области энергетических полей. Нельзя вообще испытывать этот тип вооружений, лучше не касаться этих энергий. Мы не успеем глазом моргнуть, как можем потерять эту планету. Поэтому трудно сказать, кто находится в более выгодной ситуации: более развитый технологически богатый народ, или же народ, застрявший на стадии феодализма.

— *Разве 11 сентября, потрясшее богатую развитую страну, не аукнулось во всём мире?*

— Буквально через полгода аукнулось войной в Азии. Мы сейчас находимся в такой тесной интеграции, когда одно от другого неотделимо. У нас общая судьба, потому что возникла технологически единая цивилизация на земле — интернетовская цивилизация. Вооружения США носят глобальный характер, охватывают всю планету, также и Китая, и России. Это о чём говорит? О том, что мы обречены находить общий язык, договариваться и друг в друге искать общее, родственное. Этот язык должен стать будущим человечества, а не язык антагонизма, не язык маркировок — “свой”, “чужой”, а язык понимания и интереса. Это мы сами — но в другой стадии, в другой фазе. Тогда только мы можем вернуться на уровень космосферы, иметь будущее.

— *Многие эти ваши мысли нашли отражение в вашей трилогии. Но вас не беспокоит разрыв между писателем и читателем, ведь книги до читателей не доходят?*

— Мои книги выходили тиражом по 200-300 экземпляров.

— *Штучная литература!*

— Поэтому они дошли только до специалистов, причём не все. Так и у многих моих товарищей — учёных, писателей. Остаточные явления перестроечной стадии привели к тому, что издательские тиражи стали 2, 3, максимум 5 тысяч экземпляров. Эти тиражи доходят только до библиотек. Я об этом на конференции говорил. Нам надо сохранить читателя, чтобы он не превратился в игромана, в пленника сетей Интернета, ведь что он там ищет, мы не знаем. Меня поразил такой факт: в одном американском штате численностью 3-4 миллиона, 75 тысяч человек еженежно посещали порнографические сайты, причём тяжёлые, самого низкого пошиба. 75 тысяч — это страшная цифра. Поэтому Интернет тоже несёт большую разрушительную опасность, которой может противостоять только книга. Поэтому мы должны культивировать книгу.

— *У нас в стране создаётся общественное движение “Читающий Казахстан”.*

— Это спасительно для духовного, душевного здоровья нации. Через государственные программы, через государственное спонсирование нужно вернуть прежние тиражи, наладить связь издательств с магазинами. Это стратегически важно — сохранить нашего читателя. Частные издательства, к сожалению, обеспокоены только выживанием. Произведения даже выдающиеся их не интересуют, они не приносят прибыли. Нужны реклама, пиар-кампании, чтобы всё это заработало на общую идею.

— *Газеты, ориентированные на широкого читателя, рекламируют гляцевые издания, которыми торгуют магазины. Вот сейчас в нашей публикации прозвучало название вашей книги, но даже заинтересованному*

читателю мы не можем её предложить. Получается заколдованный круг.

— Да, её можно найти только на сайте в Национальной библиотеке. Но надо признать, у нас сегодня серьёзную книгу мало читают, в основном “шедевры” масскультуры. А это определённого рода провинциализм, потому что на Западе роль книги другая. Возьмите Англию, где ежегодно выходит тысяча романов, это только один жанр, причём есть спрос, книга живёт, издатели заинтересованы в выпуске настоящей литературы. Примерно такая же ситуация в Японии, в других развитых странах.

— *То есть вхождение в число развитых стран мира предполагает и вхождение со своей литературой, своей культурой. Конкурентоспособное население — это читающее население.*

— Мудрость наших правителей проявится, когда они осознают, что в эту сферу надо направлять определённые инвестиции. Потому что духовная архитектоника может быть более важной, чем архитектоника из бетона, стали и арматуры. Главная архитектоника — это скелет народной души, без этого народ как целостность не будет существовать, у него не будет заинтересованности в развитии, у него не будет достаточной энергии для устремления в будущее. Об этом надо думать всегда, это должно быть вне конъюнктуры.

— *Строительство этой народной души происходит непосредственно в университете, где вы работаете. Какая она сегодня — наша молодёжь?*

— Наша молодёжь такая же интересная, романтически настроенная. Она — хорошая. Она не лучше и не хуже, чем та, к которой принадлежали другие поколения.

— *Не хуже нас?*

— Было бы неправильно говорить, что она хуже, чем мы.

— *Но книгу не любит — источник знаний...*

— Ворвался компьютер, он занял место книги. В этом мы не должны обвинять наше молодое поколение, мы должны помочь, объяснить, что книгу нельзя заменить компьютером. Другое дело, если возникнет книга в оболочке компьютера, такие технологии уже появляются. Это будет большая победа. Карманная книга, в которой сотни книг. Это уже интеграция старой культуры с новой культурой. И здесь надо исходить из необходимости постоянных непрерывных интеграций. Не нужно что-то побеждать, нужно научиться интегрировать.

— *А как сегодня идёт реформа нашего образования — путём интегрирования старого с новым или всё же замены?*

— Мы находимся в начальной стадии реформирования. Я боюсь сказать, но мы можем потерять многое из того, что у нас было завоёвано в старые времена. Например, всеобщая грамотность или же всеобщая читабельность. И даже достаточно высокий уровень фундаментальных наук, фундаментального образования. Несмотря на все катаклизмы XX века достижения были, они несомненны, и сейчас я настороженно смотрю на многие преобразования. Например, кредитная технология обучения. По-моему, она должна развиваться постепенно, стадийно. Европа пришла к этой технологии, развиваясь в течение веков, и кредитная система там не повсеместна. Это технология нескольких университетов, например, Сорбоннского, не все западные вузы её принимают. Я думаю, нам надо остановиться, посмотреть: не несёмся ли мы сломя голову опять

же в эксперимент, причём все, поголовно, единым шаблоном. Нам нужно подумать над этим.

— *Некоторые западные специалисты выступают в нашей и российской прессе с положительной оценкой существовавшего у нас здравоохранения и образования. Но это было социальное завоевание, видимо, трудно сохраняемое при неокapитализме.*

— Мы ещё находимся в той стадии, когда можем сохранить, например, наши академические кадры, некоторые очень важные стратегические институты, фундаментальные науки. То, что мы потеряем, потом очень трудно будет собрать. Поэтому я просто хотел бы сказать: давайте не спешить, давайте будем всё рассчитывать, потому что важно сохранить старое, создавая новое. Большевистских экспериментов в нашей истории было много, эти скачки опасны. Ещё раз хочу подчеркнуть: Запад пришёл к этому эволюционно, развиваясь неспешно, переходя из стадии в стадию. Потом они поняли, что революции вообще не желательны, они опасны, потому что льётся большая кровь. Особенно социальные революции, когда все социальные институты враз меняются. Следовательно, эволюционное развитие, усвоение лучшего из мирового опыта — предпочтительнее, это то, что необходимо. А конкретно, как в каждой области это будет делаться — для этого существуют люди на своих местах, получают за это деньги, они обязаны думать.

— *Эта революция уже совершилась, все институты поменялись, поменялась система координат, пусть невидимая кровь, но она пролилась.*

— Но посмотрите на Китай. Нам надо задуматься. Как же они так развиваются, что сохраняют разные коллективные формы в экономике, сохраняют систему образования, одновременно бурно развиваются, уже третье десятилетие по 10 процентов прибавки каждый год. Это значит, уже три Китая нарастилось на Китай 60-70 годов. Три экономических мощи. Раз прецеденты есть, это говорит, что при достаточном уровне культуры понимания мы можем так же развиваться. Хотя кто его знает, как в будущем произойдёт. Появление новых социальных слоёв в Китае может привести его к ситуации стресса или кризиса. Это возможно. Тем не менее, они многое решают именно постепенностью развития.

— *Тише едешь — дальше будешь?*

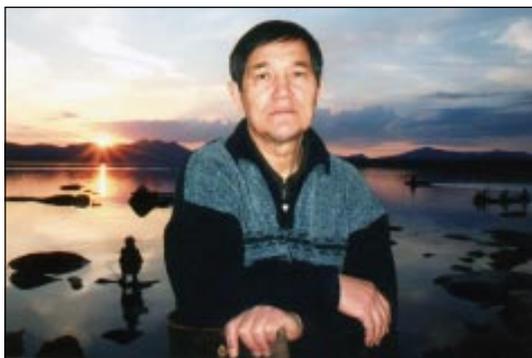
— Это не принцип консерватизма, хотя здоровый консерватизм всегда нужен, — это принцип осторожности. Потому что ради чего мы развиваемся? Не ради самых же технологий. А ради того, чтобы через эти технологии — промышленные, экономические, образовательные народ возрос, возросли его культура, уровень жизни, даже чтобы он числом вырос. Чтобы нива, которую народ возделывает, не оскудела, была плодородна. Мы заинтересованы в улучшении жизни народа, а не в том, чтобы кого-то догнать или перегнать, не это главные цели. А чтобы народ стал лучше жить, стал добрее, умнее, культурнее, чтобы работали факторы стабильности, факторы социальной гарантии. Поэтому основная стратегия — это осторожность, сохранение народа и его резервов — духовных, культурных, интеллектуальных. Тогда мы никогда не опоздаем. Понимаете? Не нужно быть в первых рядах. А важно суметь сохранить — это является главным с моей точки зрения. Или возраст это мне подсказывает? Но я живу с таким ощущением.

г. Алматы.

Владимир ЧЕРЕДНИК

Объектив плюс творчество

Выставки фоторабот Рашита Миниханова — всегда событие не только для специалистов, но и для всех, кто не равнодушен к прекрасному. Щучинск — городок небольшой, но его живописные окрестности привлекают сюда отдыхающих и туристов не только со всего Казахстана, но даже из ближнего и дальнего зарубежья. Так что в зрительях и ценителях недостатка нет.

Плядя на его работы, забываешь о том, что перед тобой фотографии. Эти живописные полотна (иначе их не назовёшь) внушительных размеров, обрамлённые умело подобранным багетом, завораживают чёткостью линий, богатством красок и очарованием живого, неповторимого уголка природы, где непременно хочется побывать, увидеть воочию.

Здесь живая волна и чистая белая пена у берега, загадочный рисунок сосновой коры и живописная лапа престарелой ели.

Острый глаз опытного стрелка (Рашит Мубаракович — мастер спорта по стрельбе из лука) чётко определяет цель и точным “выстрелом” объектива “выхватывает” этюд.

Заметное место в его творчестве занимают вода и небо. К этим стихиям он неравнодушен. И они ему удаются. Небо в его произведениях, как и в жизни, очень разное, но всегда загадочное и волнующее. Вода живая — то весёлая, то угрюмая; зеркально гладкая или в штормовом порыве.

В его работах убедительно и неповторимо “выписаны” и времена года, и время суток. Румяные вечера, очаровательные рассветы. Краски осени необыкновенно трогательны. Зимние пейзажи чуть грустноваты, но такие милые и знакомые с детства!

Смотришь на его произведения, и невольно закрадывается крамольная мысль, что они успешно соперничают с полотнами мастеров кисти. Ведь, кажется, с детства знакомые места: линия берега, скала, чета сосёнок. Но Рашит Мубаракович всегда находит что-то новое и ярко высвечивает его в неожиданном ракурсе.

Конечно же, работы Рашита Миниханова — это не только то, что “выхватывает” объектив. Это, я бы сказал, — объектив плюс творчество. Многие из его фотозаготовок проходят тщательную компьютерную обработку: что-то усиливается, что-то притушёвывается, совмещается, добавляется или убирается, “регулируется” цвет и свет.

Но, конечно же, не компьютер создаёт произведения Рашита Миниханова.

“Компьютер, — говорит Рашит Мубаракович, — это только инструмент, позволяющий добиться многих специальных эффектов. С его помощью, например, можно улучшить компоновку этюда. Если есть у тебя художественный вкус, он — помощник. В противном случае компьютер за тебя ничего не сделает”.

Его картины необыкновенно выразительны. В них чувствуется глубокое внутреннее содержание и особый смысл. Они колоритны и убедительны. Панорамные виды выполнены с высокой чистотой цвета, света и изображения предметов. В них всегда чётко и ясно показан как передний план, так и самая дальняя перспектива.

“В пейзаже я ищу ту точку, которая далее будет обогащать всё остальное, — говорит Рашит Мубаракович. — Я ловлю такой ракурс, который усилит восприятие картины. И хочу, чтобы зритель проникался моим пониманием объекта. Первые семь лет ходил на этюды, как на изнурительную ненормированную работу. Снимал по восемнадцать плёнок за день. (!) Потом их обрабатывал, изучал, отбраковывал. Как золотоискатель, “отмывал” драгоценные крупы. И опять уходил на природу отшлифовывать имеющийся опыт. И так с утра до ночи”.

Его произведения — это сплав мастерства и необыкновенного художественного вкуса.

Дизайнер по образованию, поэт, художник, музыкант по натуре, он в свои полотна (да, полотна и не иначе) вкладывает частицу своего “Я”. Этюды Рашита Миниханова глубоко лиричны. В них будто слышится напев волны и музыка соснового бора. Отдельное место в его творчестве занимает портрет, где непременно присутствует чистота и безупречность изображения. Но не это главное. На портретах его работы люди всегда красивы. Ясный чистый взгляд. Лицо без “картинного” напряжения. Поза — свободная и живая.

“Я больше пейзажист, — поясняет Рашит Мубаракович, — а в портрете стремлюсь показать лучшие черты. Лицо любого человека, как и поза, постоянно меняется, в зависимости от каких-то внутренних переживаний. Это почти не заметно для окружающих. Я

ловлю “нужные секунды”, а объектив чётко “выхватывает” выражение лица, позу и т. п. И если вдруг привлекательные черты “уплывают” на секунду, я не буду спускать затвор фотоаппарата. Попрошу подождать. Что-то поясню, посоветую. Каждое лицо по-своему красиво. Нужно только “поймать момент”.

Рашит Мубаракович Миниханов окончил Свердловский архитектурный институт, факультет “Промышленное искусство (дизайн)”, работал дизайнером на автозаводе “ВАЗ”. В разные годы был и водителем, и безработным, пробовал свои силы в бизнесе.

Человек он разносторонне одарённый и увлекающийся. В своё время окончил музыкальную школу по классу “Баян”, но увлёкся гитарой. И даже сочинил вальс для этого инструмента. Лет с пятнадцати весь ушёл в поэзию. Написав более двадцати стихов, сочинил на них музыку и в кругу друзей и знакомых исполняет свои песни под аккомпанемент гитары.

Фотоаппарат — его давнее увлечение, но профессионально фотографией, как видом изобразительного искусства, занимается с 1997 года.

В свои 60 лет Рашит Мубаракович молод, энергичен и полон замыслов. Работает увлечённо и много. У него нет так называемого свободного времени, оно всё посвящено его работе, делу, которому он служит. Рашит Мубаракович — трезвенник и трудоголик в самом хорошем смысле этого слова. Все свои творческие проблемы старается решить сам, до всего дойти, докопаться.

Наташа Кирилюк — его единственная бессменная помощница. Девушка одарённая, обладающая незаурядным вкусом и большими способностями, она — тот человек, с кем и работаете легко, и посоветоваться можно.

Эти две творческие натуры в содружестве создают чарующие произведения искусства и ещё не раз украсят наш быт радугой своего таланта.

г. Щучинск.

Александр ТАРАКОВ

“Свинская” история

1.

Ночь была чернее туши, темнее мрака. Звёзды раскисли в тумане, уличные фонари вследствие обстрелов из рогаток также не выполняли своего назначения. Оттого пгт Н-ск погрузился в напряжённую тягучую тишину. Хотя и время пришло подобающее: аккуратно нахлынул час пик всеэнского сна. То есть люди-совы уже успели окунуться в кошмары видений, а люди-жаворонки ещё сладко дремали в лучших предчувствиях близящегося пробуждения.

Так вот, в эту смутную пору в околородской части пгт происходили загадочные детективные события.

“УАЗик” возник словно ниоткуда, несколько раз съезжал с асфальта вдоль коттеджей и тыкался во встречные ограды, тем самым вызывая недовольство угомонившихся было мосек и полканов.

Наконец остановился возле дома зоотехника Курослепова.

Вышли двое. Огляделись и взялись за ручки задних дверок.

Вскоре, кряхтя и чертыхаясь, волочили то ли тушу, то ли тело.

Дотащили до крыльца и вернулись к машине. Как оказалось, за мешком.

Мешок в их руках ходил ходуном, визжал и дрыгался. Кое-как управились неизвестные со строптивой ношей.

Затем один из полуночников нажал на кнопку дверного звонка.

Нина Александровна, вздрогнув, открыла глаза. Да, это не сон, это действительно кто-то звонит. Но кто может посреди ночи звонить так настойчиво? Разве супруг? Нет, навряд ли. Курослепов обещался из командировки только назавтра.

Значит, ломится кто-то другой.

Соседи? Не исключено. Но соседи не стали бы сигналить столь фамильярно.

И тут бросило в жар от жуткой догадки: в дом хотят проникнуть грабители. Встревоженной хозяйке в электрической трели уже чудилась интонация уголовной угрозы.

“Господи, как же быть? Набирать 0-2? Открывать дверь? Прячься?” — схватилась за голову не на шутку перетрусившая женщина. Решение однако приняла иное: “Надо будить маму!”.

А мама между тем дрожала как осиновый лист и беззвучно звала:

— Ни-на-а, дочка-а-а...

— Мамочка, и ты не спишь? — слегка обрадовалась Нина Александровна.

— Ой, Ниночка, какой тут сон — всё нутро переворачивают, ироды!

— Мам, что будем делать?

— Ой, детка моя, страшно-то как!..

— Не откроем?

— Конечно, доченька. Притихнем и не пикнем.

— Но тогда они убедятся, что в доме никого нет, и выломают дверь, — поразмыслив, возразила Нина Александровна.

— Тогда вызывай милицию.

— Пока она доедет... Уж лучше "скорую".

— Не надо, Ниночка, этим не шути, — запротестовала Зинаида Петровна, которая покуда на здоровье не жаловалась и потому суеверно боялась врачей. — Давай-ка, доча, подадим голос — они и испугаются.

— Ну-ну, так они и разбегутся от женских голосов! Только раззадорятся! Эх, Курослепова не хватает... Хоть тут бы сгодился.

— Постой, Нина, а Коленька на что? У него голос ломается. Как рывнет на них!..

Колька дрыхнул без задних ног. Впрочем, и без "передних", без рук то есть, — тоже. Так нажонглировался за день пудовыми вёдрами, что и правая и левая отваливались. И ещё бы не отваливаться! Нормальные люди носят воду на висячих руках, а он, Колька, задаваясь, демонстрируя бицепсы, держал кулаки чуть не под мышками. Мускулы едва судорогой не сводило, а он поливал и поливал бабушкину гордость — огород. Бабушке и жаль было внучка, но и уважаемой подруге Филипповне хотелось вставить фитиль по части огурцов и помидоров. Поэтому она сострадательно охала и ахала, да почему-то не догадывалась скомандовать отбой. Бравада же мальчишечья не позволяла Кольке "просить пощады" — обливался потом, а водицу упорно тягал. Правда, в угасающем темпе, но принципиально под мышками.

Когда же наконец позвали ужинать, извинительный бабушкин полтинничек был ни к чему: в кино уже крутили картины для граждан с паспортами.

В общем, Колькой овладела апатия. Он плюхнулся в кресло перед телевизором и до последних фанфар давился юбилейной тоской официального концерта. Уши пухли, глаза слипались, руки ныли, ноги гудели. Добрёл Колька, шатаясь, до кровати — и рухнул в бездонную пропасть.

И вот уставшего от трудов человека ни свет ни заря принялись тормошить и стращать дикими ужасами. Колька спросонок ворчал и отворачивался, а его всё теребили и теребили. Деваться было некуда — пришлось просыпаться и брать инициативу в свои руки.

Первое, что он сделал, — вооружился. А проще говоря — отыскал городскую битую. Затем отдал распоряжение — слушаться во всём его, Кольку, и не разводите самодетельности. И лишь после этого изложил свои тактические соображения.

Его замысел сводился к следующему. Троица подходит к двери и по Колькиной команде хором спрашивает: "Кто там?". После этого преступники,

ясное дело, ретируются. Если же всё-таки не покидают позицию, то Колька вступает в боевые действия и крушит незваных гостей своей палицей. (Объективности ради следует заметить, что на рукопашной наш храбрец шибко не настаивал и, идя навстречу пожеланиям женщин, милостиво согласился заменить её звонком в милицию).

Итак, задача была доведена, и обороняющаяся сторона приступила к манёвру.

— Кто там? — раздалось троеголосое.

— Бам-бам? — уточнила бита.

Дальнейшее превзошло все ожидания. Противники ринулись врассыпную, грохоча по ступенькам, и через минуту заперхал мотор стартующего автомобиля.

— Стойте!!! — заорал охмелевший от успеха Колька и провернул ключ.

Вот так да! Замок щёлкнул, но дверь не поддавалась. Колька упёрся обеими руками — тот же результат.

— Давайте вместе! — приобщи́л оцепеневших от смены ощущений женщин и командовал: — Раз, два, три!

На счёт “три” дверь слегка дёрнулась, скрипнула и упёрлась во что-то мягкое.

— Назад! — выпалила Нина Александровна, потянув ручку на себя.

В ответ на её вопль с крыльца донеслись стоны и визги.

— Что за чертовщина? — с дрожью в голосе пролетела бабушка. — Час от часу не легче.

“Командир” молчал. Мать “командира”, всхлипывая, нащёптывала что-то молитвенное. А из-за двери уже доносилось не то храпенье, не то хрюканье.

— Прочь! Изыдь, нечистая! — отмахивалась крестным знаменем бабушка.

— А-а-а... — роптала Нина Александровна.

“Неужели и вправду черти?” — колебался убеждённый атеист Колька.

И все трое нелепо торчали перед дверью, совершенно не влияя на ход событий.

За дверью уже как будто не храпели. А сопели и чмокали.

— Свят, свят, — зафукала бабушка.

В этот самый момент нечистая сила чертыхнулась оттого, что ударила чем-то твёрдым и гулким о дверь.

— Человек! — выдохнул Колька, к которому неожиданно вернулась способность соображать.

— Бедняга, — выдала новую версию сердобольная бабушка. — Его, наверное, хотели убить, а только покалечили.

— Странно, — возмутилась Нина Александровна. — А при чём тут наш дом, наше крыльцо?

И внезапно осеклась:

— А вдруг это Ванечка?

— Ну что ты, — стала успокаивать бабушка. — Чего бы его для этого аж из совхоза везли?

— Но что-то голос больно похожий.

— Да сатана кого угодно собезьянничает.

Подтверждая этот бабушкин довод, сатана хриплым курослеповским голосом пробурчал:

— Ну и холодрыга, мать их так...

— Он! Он! — звонко прокричала Нина Александровна и так даванула на дверь, что с крыльца что-то, ойкая, скатилось и шмякнулось оземь, огласив окрестность пронзительным поросячьим визгом.

Компания с дубиной, уразумев, что их боятся больше, преодолела последние страхи и вышла наружу.

Под крыльцом в самом деле обнаружился Иван Иванович Курослепов, расхристанный и пьяный в дым. Он прижимался щекой к вздымавшемуся мешку.

Мешок развязали, и из него высунулось ехидное свиное рыло.

Нина Александровна, уронив руки на грудь на манер кающейся Магдалины, тяжело вздохнула и осела на колени. В свинском возвращении Ванечки была немалая её заслуга.

2.

Ну да, изо дня в день пилила, дескать, он — ведущий спец сельхозуправления (повествование, как вы догадываетесь, относится к доагропромовской эпохе), а семья голодает, мяса свежего не видит. И всё из-за его скромности. Все люди как люди — прут из совхозов, а главный животновод района слоняется по продмагам и ищет то, чего там сроду не бывало. Хорошо, уступала его странным принципам и предлагала: не желаешь возить — своё хозяйство заведи. Упирался, ссылался на какую-то установку, почему-то запрещающую руководителям держать скот. Что же оставалось — установками питаться? Вот она и распекала муженька.

И в то же время внутренне была с ним солидарна: стоит обзавестись живностью — сидоровская половина тотчас пронюхает и своему благоверному доложит. А Курослепов у того в подчинении...

Однако же язычок зудило и ничего с собой Нина Александровна поделать не могла. Приходил супруг с работы, садился за супец и попадал под град упрёков и обвинений.

Бросал: “Опять завела шарманку”, — и хмуро хлебал.

Зинаида Петровна обыкновенно в словесных перепалках не участвовала или же жидкими репликами типа “Ну полно тебе, Нина”, с одной стороны, смягчала дочкины выпады, а с другой — как бы заступалась за зятя.

Колька тоже вёл свою роль — подтрунивал как над матерью, так и над отцом, а когда ни к селу, но к огороду и над бабушкой. Матери однажды зачитал смачные меню сочинения Антоши Чехонте, в одном из которых на стол подавался хрен без поросёнка. И прокомментировал: “Точь-в-точь, как у нас”. Отца величал кормильцем и добытчиком. Бабушку пугал вымышленными огородными достижениями Филипповны.

В итоге сам же оказывался крайним. Ему советовали не соваться в дела взрослых, а больше думать о самообразовании.

Ситуация повторялась ежевечерне и вызывала всё нарастающее Колькино раздражение. Поражала беспринципность родителей: спорят, ругаются, а не куют, не мелют, ещё и на него эмоции выплёскивают.

Так-то вот после очередной головомойки Кольку и навестила отчаянная идея — проучить зарвавшуюся родню.

Сарай пустовал и посему никого не интересовал. Кроме Кольки. С некоторых пор повадился он там пилить и строгать. Причём мастерил

втихаря. Не то что соседи — домашние не подозревали, где это парень пропадает, что подельывает. Сколько раз бабушка с ног сбивалась, разыскивая помощника! Да так и не “вычислила”.

Тайна раскрылась именно тогда, когда это понадобилось её хранителю.

... Отец, в очередной раз выведенный из равновесия жениным нытьём, тётчиной дипломатией и сыновним хамством, рвал, метал и швырялся претензиями. Особенно много таковых обрушилось на Кольку.

Тут Курослепов-младший не выдержал и отколол номер.

— Вот вы всё гавкаетесь, — встрял в паузу между отцовскими громами, — а хотя бы палец о палец ударили.

— Ты видала, кого воспитали? Хама! — изумился глава семейства и гневно спросил: — Ну а ты, лоботряс, сам-то трудовые мозоли нажил?

— Я не то что вы. На, гляди, — и Колька показал пузырчатые ладошки.

— Ого! Коли не врёшь, так не шутишь! — оторопел отец. — Где это ты так яростно вкалывал?

— В сарае, — проинформировал Колька. — Айда покажу.

Шли молча. Без слов ступили и за порог строения. Отец долго приглядывался к Колькиному аргументу, покачивал головой. Шагнул ближе, огладил, обстучал деревянную конструкцию.

— Да, — произнёс в раздумье, — неплохая вышла клетка. Только кормушку ты не предусмотрел. И дверь подгоним, чтоб впритирку была.

Чуть погода принялись плотничать. Отец, подобревший и оживившийся, между делом рассказывал сыну курьёзные истории из военного детства и послевоенной юности. Будто Колькиным ровесником почувствовал себя — так непосредственно радовался их маленьким плотничьим удачам. Навистывал популярные мотивчики, со смехом вставлял в речь обиходные мальчишечьи словечки, бесцеремонно попросил из сарая заглянувших “на чуток” и одобрительно раскудахтавшихся женщин. А главное — рассказывал и рассказывал.

Наголодавшийся за войну мальчишка не ведал вкуса яиц. В младенчестве, возможно, и пробовал, да в эвакуации на снежном Севере начисто забыл, что это такое. Выжил, уверен, благодаря тому, что вместе с другими мальчишками таскал с полей подмёрзшую картошку. Сторожа зазевавшимся драли уши, сдавали в милицию. Нет, не приструнялись, совершали новые набеги. Другого выхода не было. Так вот, поднявшийся на отрубях да баланде мальчишка году в сорок восьмом увидел в свободной продаже овальные белые штуковины из букваря. Выстоял очередь, приобрёл пару, отошёл в сторонку и... трахнул одно яйцо о забор, точно имел дело с кокосовым орехом. Разумеется, размазал. Но уж ко второму отнёсся скрупулёзно.

Потом полегче стало жить. Однако многие мальчишки по-прежнему продолжали воровать — вошло в привычку. Пошли гулять по тюрьмам, в общем-то, неплохие ребята...

А Колькин отец сумел образумиться. Окончил школу в приполярном городке и подался на юг — поступать в сельхозинститут. Почему именно в сельхоз? Подвигился рассказчик сыновней проницательности и с прищуром глаз, а Колька понял: говорит вполне серьёзно, — выдал: “А я всегда мечтал попасть в деревню, думал, буду лопать до отвала. Понял? Всё за меня брюхо решило”, — и прыснул.

Может, и удовлетворился бы таким ответом Колька, если бы не было отцовской жизни целины, что началась сразу после института и продолжается по сей день. На целину, известно, не объедаться ехали.

Намекнул на это Колька. Отец усмехнулся:

— И вправду не до жиру было. Со стахановским настроением, новаторскими идеями ехали, на житейские мелочи плевали свысока. Я так ни много ни мало — революцию производить собирался. В животноводстве.

Махнул рукой:

— Куда там! Все кинулись догонять и перегонять Америку. Самые рьяные, и мы в том числе, шуровали по два-три мясных плана. А потом по соседям побирались, молодняк у них за хорошие денежки выпрашивали. Стоило, конечно, то изобилие.

Посмолил сигарету и с сарказмом продолжил:

— И что ты думаешь, наш мудрый вдохновитель нашёл до гениальности простое решение. Он сказал: “Неча скоту хоромы строить”. Директор мой моментально сориентировался и вместо свинофермы велел строить, то бишь рыть свинояму. И так, вырыли противотанковый ров, накрыли шифером и запустили туда хрюшек. Те почему-то чуткости не оценили и почти все околели.

Отец разволновался:

— Я же его, остолопа, отговаривал. Нет, фыркнул: “Так считает партия!” и рожу отвернул.

— Видишь, сынок, питались досыта. До поры до времени. И теперь хотелось бы хлебать наваристые щи, но кое-кто в миллионных городах считает, что личная собственность развращает. То-то мы с мамой и вздорим.

“Батя, батя, — посочувствовал про себя Колька. — Начал за здоровье, а кончил за упокой. Словно оправдываешься. Да ладно, не берите поросёнка, я щенка у Славки возьму. И поселю в самой просторной во всём мире будке”.

3.

А по завершении трудового десанта был второй ужин: Нина Александровна решила поощрить выросших в её глазах мужчин. Отцу даже стопку предложила. Выпил, страшно морщась, от второй отказался. Ел же с завидным аппетитом. Впрочем, подумал Колька, батя всегда хорошо трескается, будь он хоть больной, хоть не в духе. Ценное качество. Колька им, к примеру, не наделён. И вдруг вспомнилась та хрупкая отцовская покупка, и подумалось нелепое, но нелепое лишь на первый взгляд: богатырский аппетит разбудила в бате война. Аппетит этот невзыскателен: батя готов уничтожить всё, что ни подадут на стол, без разбора. И неуголим.

Мать частенько посмеивается над отцовской манерой есть:

— Ваня, ты прямо из голодного края!

Вот-вот. Он ведь точно из голодного края. Там ели мороженую картошку, там не было яиц.

А вообще Колька толком не представлял, что такое голод. Ну, случилось по полдню не хряпать. Так быстренько навёрстывал. И не понимал, чего это взрослые вечно канючат.

Казалось бы, теперь уже всё было на мази, устанавливалась полная семейная идиллия. Нет же, мать не вытерпела. Навялила отцу вторую стопку, за нею третью, а там — о, неуёмная женская натура! — не удержалась:

— Вань, так как ты теперь насчёт поросёночка? Вот и дом для него есть.

— Не дом, а клетка! — рявкнул батя, удаляясь.

Нина Александровна поняла, что допустила серьёзный тактический промах, и дала себе слово месяца два большого вопроса не касаться.

И это был первый шаг к победе, ибо Курослепов от замалчивания проблемы делался сам не свой.

За цветочками последовали ягоды. Однажды за обедом он заметил, что завселехозотделом райкома держит корову. Правда, оговорился: у человека большой ребёнок, каждый день требуется парное молоко.

Видели бы вы Нину Александровну! Ни звуком, ни жестом не отреагировала. Будто и не слышала про корову, будто не для неё было сказано.

Видели бы вы все последующие дни Ивана Ивановича!.. Ходил пасмурный, места себе не находил.

В командировку собрался — ровно два слова обронил: “Завтра приеду”. Ни о цели не обмолвился, ни о географии.

... И ошаршил семейство, сваясь как снег на голову.

4.

После бурно проведённой ночи возмутитель спокойствия проснулся не вполне здоровым. Ивана Ивановича мучили сложные процессы, связанные с явлением остаточного токсикоза. Помимо прочего, донимала бешеной пульсацией мысль-воспоминание, необратимо тянувшаяся ко вчерашним событиям.

Наконец цепочка ещё тёпленьких фактов выстроилась в воспалённом воображении довольно последовательно, и Курослепов, лёжа с закрытыми глазами, критически оценивал произошедшее.

Ага, он зашёл к Веселовскому, своему старому приятелю, директору совхоза, в котором когда-то работал сам, но не директором. Поприветствовал: “Здорово, Лукич! Приехал кое-чего у тебя побачить”. Мог бы сказать прямо: “Думаю по свинокомплексу прогуляться” или что-то в этом духе, а не сказал, чем несколько насторожил Веселовского. “Слухай, Ван Ваньч, — быстро нашёлся тот, — так я с тобой прошвырнусь. Треба об одной просьбе потолковать”.

Хитрован. Воспользовавшись случаем, для отвода глаз принялся выплакивать все свои неисчислимые беды. Командировка превращалась в форменную пытку.

Надоела Курослепову такая катавасия. Зевая, прожевал:

— Ну, достаточно, поеду к соседям.

Чёрт дёрнул добавить:

— Сравню.

“Эге! — написалось на физиономии Веселовского. — Так не годится”.

— Добре, — прозвучало в ответ.

“Хм...” — задумался Иван Иванович, но тут же успокоился, так как Лукич нарочито-беззаботно хохотнул:

— Как сказал один философ, всё познаётся в сравнении. То не ты був, Ван Ваньч? Га-га-га!..

На это Курослепов в тон отшутился.

Затем словом надолго завладел Веселовский. Сыпал шуточки-прибауточки, травил анекдоты. Шофёр Вася давился от смеха и всеми четырьмя колёсами новенькой “Нивы” считал кочки. Курослепов тоже расслабился и хлипкими смешками тешил самолюбие рассказчика.

— Так, хлопчик, а теперь туда сверни, — распорядился Веселовский.

— Куда это мы, Лукич? — деланно спохватился Курослепов.

— Та кваску испьём. Жена моя мастерица.

Иван Иванович, разумеется, смекнул, что “квасок” — приманка. И “клюнул”.

— Что ж, кваску отведать можно.

Квас действительно удался на славу. А ещё замечательней получил-ся борщ, а ещё бесподобней — свиная поджарка.

Умыв тарелку второго, гость тыркнулся было благодарить хлебосолов, что немногим ранее сделал Вася, благополучно удалившись.

— Нет, ты трошки погодь, — многозначительно пообещал Лукич и вышел из комнаты.

Вернулся, держа в руках графин и две стопки. Лукаво подмигнул:

— А хлопца я домой отпустил. Небось, дивчина по нему стосковалась.

Курослепов хмыкнул, мыкнул, пожурил для проформы Лукича и больше не упрявился.

Таким образом, друг друга перехитрив, старые приятели мерно опустошали сосуд, закусывали периодически возобновляемой свиной поджаркой и с огромным аппетитом вели жаркий воспоминательный разговор.

К вечеру Лукич, как показалось Курослепову, “созрел”.

— Ну и свининка у тебя, директор, — пальчики оближешь, — принялся нахваливать проверяющий.

— Во-во! — живо согласился Веселовский. — А у соседей, к коим ты так рвался, не свиньи, а мощи. Куда им до моих купчих!

— Ну... — протянул гость, — всяк кулик своё болото хвалит. Ты лучше скажи, Лукич, к примеру, дальше околицы о твоих свиньях представление имеют? Кроме едоков, кто-нибудь зарится на них?

— Слухай, Курослепов, ты разве не бачил?! Це ж сплошная элита!

— Скажешь тоже — элита. Понадобись мне часом хавронья — не у тебя бы стал искать.

— Ха, это почему же?

— Да что из твоих пигалиц вырастишь?

... В общем, спор дошёл до спортивного интереса.

Заклучив пари, довершали графинчик. Затем Веселовский разбудил телефонным звонком управляющего и велел тому отловить гостинчик для товарища из райцентра.

Всё было исполнено. Управляющий проявил редкостное проворство и через час прикатил с увесистым мешком, тянувшим никак не меньше пяти пудов.

— Добротный экземплярчик. Десять месяцев, — отрекомендовал исполнитель.

— О! Уже кавалер! Станешь, Ван Ваныч, как следует кормить — через шесть месяцев будешь иметь полтора центнера мяса и сала. Ухватишь тогда кусок окорока — и с ящиком проигранной водки кати ко мне! — приподнято рокотал Лукич. — Знатно посидим.

И вдруг пронизательно уставился на Курослепова:

— Слухай, а как я тебя проверю? Соврёшь — недорого возьмёшь. Га-га-га!

— И то верно, Лукич. Да и вообще на кой ляд мне этот поросёнок? Куда я его дену?

— Ни-ни! — не захотел слушать Веселовский. — Хай будет подарок. Посмотришь на этого свинтуса и вспомнишь меня, старого хрыча. Га-га-га! Пари отменяется!

— Нет, нельзя. Ну, сам подумай...

— И думать нечего! Откармливай!

— Давай деньги, что ли, заплачу...

— Мы шо с тобой, в магазине? Или в скупцы меня записал? Бери — не пожалеешь.

“Объективно рассудить — мне кабанчика силком всучили”, — потягиваясь в постели, умозаключил Курослепов.

Силился вспомнить, что было дальше, — и не выходило. Припомнилось только, что в машину с ним садились управляющий и веселовский шофёр и что было сильно зябко. Поразмыслив ещё, выдвинул железную версию: вёл себя пристойно, иначе бы жена с утра принялась пилить.

Поднялся, умылся. Тёща тем часом подсуетилась и приготовила завтрак. Приветствовала весьма доброжелательно, с улыбкой во всё лицо.

“Надо же, был в стелечку пьян, а держался так, что они ничего не заподозрили, — загордился собою глава семейства. — Да ещё с презентом пожаловал”.

Вдруг сердце ёкнуло: а где поросёнок, водворил ли его в клетку?

Наскоро собрался и двинул к сараю. О радость! Поросёнок был там. Сладко спал на брюхе, ритмично похрапывая и изредка всхрюкивая.

— Ну не боец ли я? — уже вслух, но так, чтобы не разбудить питомца, похвалил себя Иван Иванович. — Столько принять и всё расписать по нота! А кабанчика какого бокастого и крупного привёз! Не свинья, а мечта!

“Эх, надо тёщу свести с ума!”.

Взбежав на крыльцо, позвал:

— Мам!

— Что хотел, Ванечка? — квочкой подпорхнула Зинаида Петровна.

— Вы бы в сарай заглянули. Я там для вас сюрприз подготовил.

— Да что ты, Ванечка, какой такой сюрприз? — растерялась Зинаида Петровна, непонимающе уставясь на зятя.

Оставив заинтригованную женщину без ответа, Иван Иванович радостно зашагал на работу, с удовольствием подумывая, что наконец-то эпопея завершена. Бедный свиновладелец не подозревал, что эпопея только начиналась.

5.

Страна бодро реализовывала продовольственную программу, труженики полей и ферм наперегонки рапортовали о рекордных достижениях, а Курослеповы сутки напролёт ломали головы над Гошкиным рационом. Уплетал он, положим, всё, что ни бухнут в миску, но не нажирался и поднимал такой пронзительный визг, что, опасаясь соседских ушей, от ябеды откупались остатками наличного продовольствия.

Приходилось изыскивать все возможные ресурсы. Хлеба, например, теперь за раз брали четыре буханки.

Однажды в связи с этим Нину Александровну крепко расстроили.

— Представляете, — пожаловалась она, — что мне сегодня выдала продавщица? Она сказала: “Так хорошо кушаете мучное и не полнеете. Аж завидки берут!”. Пришлось сказать, что детки каждый день просят гренки.

Продавцы продолжали коситься, а Гошка по-прежнему устраивал голдные концерты, явно не удовлетворяясь количеством съестного.

Стали прикупать в других продмагах. Вскоре и там начали коситься.

— Ваня, не ровен час нас отовсюду погонят, — начала загодя готовить мужа Нина Александровна. — Надо искать другой выход.

— А на хлебе не сможем продержаться? Вон как хорошо набирает. Колобком катается.

— Что ты, Ваня, а ну как кто узнает, что мы на свинью столько хлеба переводим.

— Эх, чёрт, где комбикорма взять? Завод имеется, столько цехов по району, а скот в совхозах кормить нечем...

— Ну уж, для одной свиньи найдётся.

— Ага, вообрази, заявлюсь я на комбикормовый с мешками, меня обლობызают: “Иван Иванович, родной, конечно же, дадим! А зачем это вам, если не секрет?”. Ну и что мне отвечать? То-то же.

А Гошка в объективных трудностях разбирался как в апельсинах, знай наращивал бока и аппетиты. И вот ведь что любопытно: недоедал, собака, судя по его поведению, а жирок нагуливал в зверском темпе.

— Да, породистая скотинка! — дивовался Иван Иванович. Он всего-то раза три (в первые дни) проводывал Гошку, но информацией располагал исчерпывающей. Выполнявший все обязанности скотника Колька мог часами рассказывать о своём любимце, так шустро толстеющем и жиреющем. А когда и женщины украдкой заглядывали в сарай на минуту-другую.

Идиллия продолжалась с месяц. Нарушил её кто бы вы думали? Колька. Примчался в один прекрасный день с пикантной новостью:

— Пап, а я у Гошки все соски сосчитал. Целых десять!

— Ты что, обалдел? — выразительно побуравил пальцем висок Курослепов-старший. — Откуда у хряка, то есть у самца, могут быть соски? Что у тебя по зоологии? А?

— Не веришь — сам посмотри, — обиделся Колька.

И обиделся так искренне, что Иван Иванович чуть не подавился картофелиной.

— Как ты сказал? У Гошки — соски?!

— Да, десять штук.

— Н-да, — протянул отец. — Как же так? Лукич называл его... её... кавалером. Гм...

— Хотя, — рассуждал сам с собою, — Лукич свинью не рассматривал, она же была в мешке. Только на пяточок мы с ним и поглядели. Просто взбрело на ум старику, что это хрячок.

— Да и какая разница, — уже успокаивал себя Курослепов, — всё одно — свинья.

— А она не принесёт нам в подоле? — некстати спросила Нина Александровна, вновь озадачив Ивана Ивановича.

— Так, — схватился за голову Курослепов, сосредоточенно глядя на сахарницу. — Управляющий говорил, что ему... ей десять месяцев. Так... сейчас одиннадцать. Значит, точно было десять... Чёрт! Вполне могли случить...

И опять успокаивал себя:

— Да нет, не стал бы Лукич такой подлости учинять.

— И правда, Ваня, вы же с ним вместе работали, почти друзья...

— Эх, пронесло бы!

— А ты всё-таки сходи — посмотри повнимательней. Так спокойней будет.

— Придётся. Только бы соседи не увидели...

Гошка лежал, вернее — лежала на боку. Так что хозяин имел прекрасную возможность подтвердить Колькино наблюдение. Десять. Именно десять розовых набухавших кнопочек выделялось на брюхе. И брюхо это казалось подозрительно объёмистым и внушало самые худшие опасения.

“Неужели супоросая?” — моментально определил Курослепов-зоотехник. Но Курослепов-руководитель, которому разводить свиней не полагалось, поспешно прогнал мысль-провокатора прочь: “Да ну, приличная упитанность, не более. Недаром же Лукич своих хавроний величает купчихами да поповнами. Нет-нет, всё в порядке. В полтора-два месяца беременности её бы так распёрло!.. Ведь опорос у свиней наступает уже в конце четвёртого месяца”.

Потешно по этому поводу высказывался доцент Чудько.

— Товарищи студенты, — говорил он, громоздясь над кафедрой. — Кто умеет считать только до трёх, запоминайте: три-три-три. Ровно три месяца, три недели и три дня длится беременность у нормальной свиньи. Кто же в арифметике посильнее, может запомнить три “четвёрки”, ибо у всякой здоровой свиноматки роды наступают на четвёртый день четвёртой недели четвёртого месяца. Разумеется, при условии нормального ухода за будущей мамашей.

— Вот, — развивал Иван Иванович оборонительную концепцию. — Чудько был великий знаток. А эта поросюшка разродиться в срок “три-три-три” ну никак не может. Если у неё что-то и завелось в утробе, то по меньшей мере “один в кубе” тому назад. Она же всего-навсего производит впечатление симпатичной толстушки.

— Ну, Гошка в женском роде, смотри мне, — воспрянув, нестрого пригрозил хрюшке Иван Иванович.

Однако огонёк тревоги нет-нет да и вспыхивал в сознании зоотехника. Тогда он, забывая о мерах предосторожности, спешил в сарай.

И визиты к Гошке делались всё мучительней, потому что всё меньше оставалось доводов в пользу её целомудренности. Но вот ведь каков человек, будь он хоть дока, хоть профан в решаемой щекотливой проблеме, — как уверливо горазд он себя убеждать в желаемом, но не в действительном. Тучная, вальяжная Гошка всем видом своим кричала: “Да брюхата я, брюхата! Глаза разуй, хозяин!”. Нет, Иван Иванович находил возможным сомневаться.

Всё ж какой-то потаённый искуситель в нём самом влёк и влёк Курослепова к поросячьей клетке — лишний раз убедиться в Гошкиной непогрешимости.

Систематическое паломничество ближних соседей в сарай, конечно же, не могло ускользнуть от бдительного ока сидоровской жены. Она установила цепкую слежку за объектом и четырьмя субъектами. Надо ли говорить, что в неурочный час и к щёлке приникала?

Так что добыча компромата труда не составила.

Раздавались первые залпы-реплики обличительной кампании:

— Что-то вы, Иван Иванович, в сарай зачастили.

— С пополнением, Ниночка!

— Молодец, Коленька, любишь животных. Добрым человеком будешь.

— Совсем, наверное, заездили вас, Зинаида Петровна, с хозяйством?

— Да-а, нынче так трудно с кормами... Вон и рубрики в газетах — “О кормах, как о хлебе”.

Сидоров, разумеется, тоже был в курсе. Но не выговаривал. Очевидно, ждал повода.

Тучи сгущались.

Драматизм ситуации усугубился чрезмерным обострением Гошкиного аппетита.

— Ваня, придумай что-нибудь, — не давала мужу покоя Нина Александровна. — Во всех хлебных отделах нас вышучивают, иду в магазин, как на казнь.

— А давай её нарежем — и конец мороке, — в раздражении предложил высшую меру Курослепов.

— Ваня, она же ещё маленькая.

— А жрёт, как слон!

— Договорился бы с кем насчёт кормов.

— С кем? И так уже полсвета о нашей дурусти знает. Хочешь на весь район прогреть?

Увы, люди не страусы и надолго зарывать в песок напуганные глаза не могут. Формальная логика диктовала Ивану Ивановичу: чем оперативней раздобудет он комбикорм, тем скорее вымахает Гошка до мировых стандартов, а значит, пресечёт семейный позор.

Небо услышало курослеповские молитвы и расщедрилось манной небесной, в критический час прислав Лукича.

— Га-га-га! Дай, думаю, сватов проведу, — встряхнул хмурым вечерком застоявшуюся тишину курослеповской квартиры трубным гласом Веселовский. — Не с пустыми руками — три торбы гостинцев привёз кавалеру.

— Ну, Лукич, голова! Ты же нас от банкротства спасаешь! — возрадовался Курослепов.

— Це чепуха. Давай показывай, Ван Ваныч, приёмыша. Поди голодом заморил?

Немного погодя атмосферу сотрясли взрывы гомерического хохота:

— Ай да свинтус, ай да грандиозус! — выкрикивал сквозь слёзы Лукич. — Га-га-га! Через месячишко жду, брат, приглашенья на крестины!

— Лукич, неужели так скоро?

— Ван Ваныч, никак сомневаешься? Так давай пари! Ты спорщик азартный.

— Да брось паясничать, Лукич, — загрустил Курослепов. — Скажи лучше, что мне потом с поросычьею оравой делать?

— Как что?! — подивился несообразительности приятеля Веселовский. — Та мне продай! Спасибо скажу.

— Что значит — продай? Я не чаю, как даром от этого наваждения избавиться.

— Чудак-человек! — опешил Веселовский. — Та на шо мне твои подарки? Я же не из своего кошелька платить буду. Оформлю твою тещу свинаркой на договоре — и все чудеса.

— Ты что, Лукич, — растерялся Курослепов. — Против закона не пойду.

— А кто тебя заставляет нарушать законы? Ты мне не дулю сдашь, а поросят, и подпишей нигде не оставишь. И тебе выгодно, и мне. Да и моральный стимул. Наипервейшим среди управленцев внесёшь, так сказать, реальный вклад, — и не выдержал: — Га-га-га!

Вроде бы свёл к шутке, но семя в благодатную почву уронил. Иван Иванович, опомнясь, подумал: “А почему бы действительно так не сделать? Если грамотно всё обставить, комар носа не подточит”.

— Да, Ван Ваныч, чуть не забыл. Хотел тебя об одном одолжении попросить, — подрулил к главной цели визита Веселовский. — Вот слухай...

6.

Хоть и грела душу мысль о гонораре, но вместе с тем страшила непредсказуемость развязки. И чувствовал себя Иван Иванович Курослепов как на работе, так и дома, довольно неудобно. Вообразите, каковы были ощущения Штирлица в стане врага. Так вот, Ивану Ивановичу в силу его природной незащищённости приходилось не легче. Каждую минуту и от каждого ждал он подвоха, по пять раз на дню справлялся о состоянии здоровья некоей особы.

... В страхах и треволнениях протёк ещё один месяц.

“Чему быть, того не миновать”, — несколько философичней рассуждал к тому времени Курослепов, поневоле свыкнувшийся с мыслью о необратимости Гошкиных родов.

И вдруг Колькин ор шарахнул из трубки:

— Папка, началось!!!

Выдержкой олимпийца наш герой явно не обладал. Но удар перенёс с мужеством и достоинством. Только выбелившая лицо бледность предательски бросалась в глаза.

— Что с вами, Иван Иванович? — сочувственно спросил сослуживец. — На вас лица нет.

— Так, что-то нездоровится, — смешался Курослепов и решил: “Надо немедленно отпроситься, всё равно в таком состоянии работать не смогу”.

Сидоров возражать не стал, даже посочувствовал и любезно предложил машину.

“Машина кстати! — обрадовался Иван Иванович. — Три минуты — и я там”.

Впрочем, в его вмешательстве не нуждались. Колька за акушера действовал споро и уверенно, так, будто его этому специально учили. Высовывался на белый свет пяточок нового жителя вселенной — и Колька насто-раживался. Сползала кроха на охапку сена, и Колькина рука тянулась к цуповине.

Гошка тяжело охала, жалобно похрюкивала и испуганно косила затуманенный глаз на Кольку. Который зачем-то орал и орал на неё, и так смертельно перепуганную.

— Представляешь, какая дура? — жаловался Колька отцу. — Первого ребёночка задавила. Тот, наверное, от шнурка не мог освободиться. Тогда я стал отрывать. Смотри, какой смешной, — и устремился на вырчку пятому поросёнку.

А всего их, не считая задавленного, родилось десять. Возле Гошкиного живота копошилась настоящая куча-мала.

Куда и девался бледный вид Ивана Ивановича. В эти, наполненные поросячьими визгами мгновения, он не думал ни о карьере, ни об ответственности. Ни о дурацких установках. Смеялся, сюсюкал, награждал малюток до глупости нежными эпитетами и соревновался с Колькой в сочинении кличек.

И лишь после того как последний поросёнок получил потешное прозвище и, насосавшись молочка, приладилась у тёплой мамы спать, отец и сын вышли из сарая.

— Послушай-ка! — осенило вдруг Кольку. — Они же как близняшки. Мы все имена перепутаем.

— Не беда, они не обидятся, — успокоил Иван Иванович.

Шила в мешке не утаишь. Новость довольно скоро стала достоянием гласности.

— Говорят, у тебя событие? — уже на второй день поинтересовался у Ивана Ивановича начальник.

“Ну, начинается”, — пронеслось в сознании Курослепова.

— Да уж, — промямлил в ответ.

— Смотрины бы устроить, а, Иван Иванович? Поросенок наблюдать — удовольствие вроде футбола. Мои старики всегда держат.

— Пожалуйста, приходите, — всё не понимая, чего от него хотят, пожал плечами новоиспечённый фермер.

Чета Сидоровых не преминула воспользоваться приглашением. Тысячи междометий прозвучали в тот вечер в сарае. И вот ведь что удивительно! Начальствующим соседям так покорили тупорылые малютки, что они загорелись пестовать хотя бы одного поросёночка.

— Что вы, что вы, нам не жалко, — радушно всплескивала руками Нина Александровна, — берите сколько хотите.

— А то ведь что получается? — оправдывался Сидоров. — Мы с тобой, Иван Иванович, вроде как бумажные крестьяне, совсем оторвались от жизни. По своей специальности не практикуемся, всё чего-то боимся, перестраховываемся.

— Правильно, Николай Борисович, — сияя, поддакивал Курослепов.

— Так, сосед, а как у тебя с кормами? Ей ведь теперь прорву нужно.

— Как и везде, туго.

— Хорошо, скажу, чтобы подбросили. Не для нас с тобой просить-то буду — для отрасли. Вон какое подспорье подрастает!

На прощанье сказал:

— Ну, пусть наш Тимка недельки две мамкиным молочком побалуется, а потом заберём.

— Николай Борисович, а тем временем Кольку к вам снаряжу. Клетку сколотит.

И развеялся страх, как дым.

Теперь уже с лёгкой примесью горечи ожидали приезда Веселовского.

... И он явился, огромный и шумный, и восьмерых всех (это к слову — “всех”, на самом-то деле не всех: одного поросёнка взяли Сидоровы, ещё одного Курослеповы оставили себе) поклат в мешок.

Кстати, в тот самый мешок, в котором пожаловала в Н-ск плодovitая Гошка.

Когда сиренами пищавших колобочков несли к машине, в Колькиных глазах стояли слёзы.

Таковой грустный исход имела эта “свинская” история.

г. Астана.

Надежда НЕМЦЕВА

“Подари мне блаженный июль...”

Проститься — не значит простить.
 В каждом шорохе падшей листвы сожаление,
 И печи растопят страницами мемуаров.
 Торопится скорым составом моё поколение,
 Минуя условности, мимо осенних закатных пожаров,
 На пыльных перронах обмениваясь “прощай”.
 И долго лелеют в дыму рокен-рольных прокуренных будней
 Осколки себя и в гранёном стакане цветы незабудки,
 В шершавые глотки вливая остуженный чай.
 Проститься — не значит простить и оставить печаль.

По шальной листве как по лестнице в небо сбегает ветер.
 Я невзначай заблужусь в этом пространстве
 вне штампов и времени,
 Чтобы снова вернуться бодрой к тому, кто милей всех на свете,
 Чтобы вновь поутру умылась дождём ветка сирени.

В моём городе каждый встречный владеет особым навыком.
 Мне ж удобнее не считать цыплят по осени,
 а гадать, сколько выпадет снега.
 И вместе с ветром вверх уноситься и возвращаться
 к земле навеки
 И не просить у земли ни славы, ни денег, ни хлеба.

И писать, писать строки, которые не увидит никто,
 Или кто-нибудь скажет, что в жизни не видел
 подобной чуши...

И это не важно. Ведь счастье заключается совсем не в том,
 А в ощущении свежести, что тихим шпионом прокрадывается
 к нам в души.

**Надежда
 НЕМЦЕВА**

окончила факультет журналистики Костанайского государственного университета. Член литературной творческой студии “Крылья” областного объединения литераторов “Ковчег”. Неоднократный лауреат областных и региональных поэтических конкурсов. Публиковалась в журналах “Берега”, “Алга” (Костанай), а также в “Ниве”.

Жизнь не просится в гости ко мне, а заходит без стука.
 Я бы с ней поболтала о вечном, да не знаю с чего начать.
 Нынче в мокрый репей облетело молчание с каждого
встречного звука,
 Отреклись от листвы дерева, чтобы как-то иначе звучать.

Этот август как зал ожиданий, где ты дожидаешься встречи.
 Он же рейс в королевство сует, где утерян обратный билет.
 И страницы моих дневников заплутали в среде человеческой.
 Умолкают стрекозы и, видимо, выхода нет.

Под шорох уходящих октябрей дописываем главы своей жизни.
 Не успевая что-то объяснить, рисуем запятые на бегу.
 И в ночь шлём Морзе грусти от дверей. Но ночь
(её сюжет безукоризнен)
 Стыдливо отдаётся облакам, что звёзды в пыльном небе стеругут.

А утром крепкий чай и напролом сквозь давку на метро
без пересадок.
 Пока что меж ветвей ещё дрожит паучья тонко сшитая струна
 И ветер замечает дым костров и тишину от свежевзрыхтых грядок.
 Ему, шальному, верно, нет нужды дописывать романы дотемна.

Почтовый ящик

Ходят тучи чёрные по кругу.
 Милые, не надо лишних слёз!
 Но под ливней затяжную ругань
 Исполосовали всю округу тонкие бороздки от колёс.

И, моргая веком жестяным,
 Опустевший мой почтовый ящик
 Убывает с веком проходящим.
 Так уж получилось, что мы с ним
 Приговорены к осенней спячке
 Листопадом, что в печаль вместим.

Там, где сон берёзовый глубок,
 Наши запыхались телеграммы,
 Ковыли гуляют меж дорог
 И связало время в туюсок
 Отблеск от чужой оконной рамы.

Подари мне блаженный июль с мотыльками навстречу.
 Чтобы солнце роняло за лысую гору лучи,
 Чтобы луг, оплетающий клевером праздную вечность,
 Приглушал рёв моторов среди светлячковой ночи.

Чтобы хрупкая девочка Герда ветров не боялась,
Как надует к порогу огромный колючий сугроб.
Подари мне звенящую даль. Это самая малость
Из твоих бесконечных и вечно желанных даров.

Порасплещет над крышами ветошь закат-небожитель,
Если память простил, если кормишь синицу с руки...
И мерцанием крыл обживая земную обитель,
В свете фар леденелых порхают, как снег, мотыльки.

Оттого, что зима как всегда наступила не вовремя,
Не успели берёзы привыкнуть к тяжёлому бременю.
Вот и листья на ветках, что охрою осень оформила,
Из-под снега глядят сиротливо вне смысла и времени.

Незначай угодили под лёд одинокие лужицы
И решётки беседок, как кожа, покрыты мурашками.
Оттого ли ветрам под безудержным небом недужится,
Что глядят из-под снега иссохшие прутья вчерашнего.

Под смолканье шагов по проспектам в час тихий русалочий
Ночь заводит шарманку и сыплется крупный снежок
Вдоль афиш-иностранок, уставших от прочерков, галочек,
Но в снегу не увязнет весёлый ребячий сапог.

Нынче юнгам приснятся фрегаты, летящие за полночь
Над периметром лип, над пространством сквозной темноты
К островам, где восходит над соснами алое зарево
И поют при луне в пенных водах большие киты.

Там, где в сети рыбацкие ловятся волны и время
И у берега скалистого ждут запоздалую весть.
Там, где мать на прощанье целует ребёнка в прозрачное темя,
И фрегатам надежду сквозь шторм никогда не пронесть.

На тебя ли молиться, мой город, погрязший в снегу.
Это шествие лавок в саду, убелённых пургою,
Отложилось на сердце единой звенящей строфою...
А я жду свои светлые дни на другом берегу.

Эти в шапках песцовых дома, что опята в бору
Разрослись на пригорке, да так, что с трудом сосчитаешь.
Мне б от этих проулков с приходом весны не оттаять,
Лишь бы видеть цепочки следов на снегу поутру.

Лишь бы в ветках крутились пузатые в дым снегири
И вперяли в пространство глазёнки бездонные блюдца.
Мне бы не проглядеть, мне б успеть незначай обернуться,
Как повеет теплом от его неприметной двери.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (3172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (3272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 14.06.2007 г.

Подписано к печати 16.07.2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 3861.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».

010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.